

Проблеми економіки та політичної економії

Науковий економічний електронний журнал

Scientific economic e-journal

Problems of Economy and Political Economy

2015

№ 1

Науковий економічний електронний журнал
«Проблеми економіки та політичної економії»

СКЛАД РЕДАКЦІЙНОЇ РАДИ:

Бажал Юрій Миколайович, д. е. н., проф.,
Національний університет «Києво-Могилянська академія»;
Базилевич Віктор Дмитрович, чл.-кор. НАН України, д. е. н.,
проф., Київський національний університет ім. Т. Шевченка;
Білоцерківець Володимир Вікторович, д. е. н., проф.,
Національна металургійна академія України
(заступник головного редактора);
Бодров Володимир Григорович, д. е. н., проф., Національна
академія державного управління при Президентові України;
Гриценко Андрій Андрійович, чл.-кор. НАН України, д. е. н.,
проф., ДУ «Інститут економіки та прогнозування НАН України»;
Довбня Світлана Борисівна, д. е. н., проф.,
Національна металургійна академія України;
Завгородня Олена Олександрівна, д. е. н., проф.,
Національна металургійна академія України;
Задорожний Григорій Васильович, д. е. н., проф.,
Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна;
Звєряков Михайло Іванович, чл.-кор. НАН України, д. е. н., проф.,
Одеський національний економічний університет;
Ковальчук Костянтин Федорович, д. е. н., проф.,
Національна металургійна академія України;
Король Григорета Олександрівна, к. е. н., проф.,
Національна металургійна академія України;
Лебедєва Валентина Костянтинівна, к. е. н., проф.,
Національна металургійна академія України;
Савчук Лариса Миколаївна, к. е. н., проф.,
Національна металургійна академія України;
Тарасевич Віктор Миколайович, д. е. н., проф.,
Національна металургійна академія України (**головний редактор**);
Шинкарук Лідія Василівна, чл.-кор. НАН України, д. е. н., проф.,
ДУ «Інститут економіки та прогнозування НАН України»;
Яковенко Лариса Іванівна, д. е. н., проф.,
Полтавський національний педагогічний університет
ім. В.Г. Короленка (заступник головного редактора);

СКЛАД МІЖНАРОДНОЇ РЕДАКЦІЙНОЇ РАДИ:

Алієв Урак Жолмурзайович, д. е. н., проф.,
освітня корпорація «Туран», університет «Туран-Астана», м. Астана,
Республіка Казахстан;
Білорус Олег Григорович, академік НАН України, д. е. н., проф.,
ДУ «Інститут економіки та прогнозування НАН України»;
Габбер Юзеф Антоній, д. е. н., проф.,
Вища школа банківництва, м. Познань, Республіка Польща;
Гець Валерій Михайлович, академік НАН України, д. е. н., проф.,
ДУ «Інститут економіки та прогнозування НАН України»;
Лемешенко Петро Сергійович, д. е. н., проф., Білоруський
державний університет, м. Мінськ, Республіка Білорусь;
Савчук Володимир Сафронович, чл.-кор. НАН України, д. е. н.,
проф., ДВНЗ «Київський національний економічний університет
ім. В. Гетьмана»;
Шлюсарчик Богуслав, д. е. н., проф., Жешувський університет,
Республіка Польща.

Адреса редакції:

Національна металургійна
академія України,
пр. Гагаріна, 4, к. 201,
м. Дніпро, 49600, Україна

Телефон:

38 (0562) 47-42-42

Електронна пошта:

polecon.ukr@gmail.com

Сайт:

<http://politeco.nmetau.edu.ua/>

Засновник:

Національна металургійна
академія України

Рекомендовано до друку та
поширення через мережу
Інтернет Вченою радою
Національної металургійної
академії України.

Редакція не завжди поділяє
точку зору авторів та не несе
відповідальності за добір
фактів та помилки, яких вони
припускаються. Статті
подано в авторській редакції.
Повний або частковий
передрук дозволяється лише
за згодою авторів і редакції
журналу.

Підписано до друку

07.07.2015 р.

Формат 60x84 ½

Ум. друк. арк. 15,37. Зам. № 1

© ПРОБЛЕМИ ЕКОНОМІКИ
ТА ПОЛІТИЧНОЇ
ЕКОНОМІЇ, 2015

ЗМІСТ

ВСТУПНЕ СЛОВО РЕДАКЦІЙНОЇ КОЛЕГІЇ

<i>Політична економія: повернення та відродження</i>	5
--	---

ЮВІЛЕЙ ПОЛІТИЧНОЇ ЕКОНОМІЇ

Белорус О.Г.

Глобальная неоконвергенция транзитивных, трансформационных и авангардных социально-экономических систем	7
---	---

Гриценко А.А.

Политическая экономия в истории и современности	18
---	----

Зверяков М.И.

Эволюция предмета и метода политической экономии	35
--	----

Єщенко П.С.

Ретроспектива та перспектива політичної економії	44
--	----

Задорожный Г.В.

Человекомерность современной политической экономии – методологический формат кардинального обновления экономической науки	67
---	----

Мандыбура В.Е.

Идеологемный характер современного этапа концептуально-методологического «развития» политической экономии	99
---	----

Тарасевич В.Н.

Политическая экономия: универсумность, универсальность и фундаментальность	140
--	-----

Авторитетні відповіді на актуальні питання

(Базилевич В.Д., Лебедева В.К., Петруня Ю.С., Туниця Ю.Ю., Кульчицький Я.В., Рібун Л.В., Лемещенко П.С., Рязанов В.Т.)	150
--	-----

ІНСТИТУЦІОНАЛЬНА ПОЛІТИЧНА ЕКОНОМІЯ

Пустовийт Р.Ф.

Взаимовлияние культурных и институциональных факторов в аспекте экономического развития	187
---	-----

НАУКОВЕ ЖИТТЯ

<i>400-річчя політичної економії: історія звершень та нові обрії</i>	198
--	-----

(Міжнародна наукова конференція «Політична економія на сучасному етапі: історичні виклики та перспективи»)

II Міжнародний науковий симпозіум «Держави і ринки в умовах глобальних трансформацій» 209

(до 400-річчя політичної економії – науки про закони управління господарством: *politicos, oicos, nomos*)

Соціально-економічні трансформації: наукове осмислення 230

(VI Всеукраїнська науково-практична конференція «Соціально-економічні трансформації в епоху глобалізації»)

Концептуальні проблеми сучасної економічної теорії: національний, глобальний, цивілізаційний вимір 233

(перша Всеукраїнська науково-практична конференція студентів спеціальності «Економічна теорія»)

ЛИСТИ ДО РЕДАКЦІЇ

Огневой В.В.

От простого труда к сложному: загадка гиперпродуктивности интеллектуального труда 245

ВСТУПНЕ СЛОВО РЕДАКЦІЙНОЇ КОЛЕГІЇ

ПОЛІТИЧНА ЕКОНОМІЯ: ПОВЕРНЕННЯ ТА ВІДРОДЖЕННЯ

Шановні колеги!

Перед Вами перший номер наукового електронного журналу «Проблеми економіки та політичної економії», засновником якого є Національна металургійна академія України. Символічно, що наш журнал народжується в рік славетного 400-річного ювілею політичної економії – науки про багатство, закони та закономірності його відтворення, економічні відносини людей, генезу, сутність і причини економічних процесів та явищ.

Політична економія – це не тільки складна та велична історія. Відповідаючи на сучасні глобальні виклики, актуальні проблеми розвитку незалежної України, вона повертається у світовий та національний економічний простір з виключними правами матері всіх економічних наук і навчальних дисциплін. Непересічні події новітньої кризи глобальної та національної економіки переконали навіть скептиків, – без творчого використання й примноження могутнього потенціалу політичної економії важко зрозуміти сучасний суперечливий та мінливий світ, логіку національного економічного розвитку, виробити ефективну стратегію й тактику економічної політики.

Історія повторюється, – на зламі епох інтелектуали, вчені, політики та бізнесмени знов припадають до живильних джерел політичної економії. Але, повторюючись, історія прискорюється та ускладнюється, і відповіді на її непрості завдання вимагають від нас – політекономів, економістів-теоретиків нових потужних зусиль, спрямованих на випереджальний розвиток нашої науки, пошук гармонії її традицій та інновацій, формування фундаментальних підвалин економічного світогляду та освіти. Саме в цьому редакційна колегія журналу вбачає його головну місію та сенс існування.

Ми плануємо у відповідних рубриках та розділах журналу друкувати статті та матеріали з проблематики економічної історії та історії економічної думки, класичної, марксистської, неокласичної, кейнсіанської та інституціональної політичної економії. На особливу увагу авторів журналу заслуговують новітні галузі або види політичної економії – нова, радикальна, соціальна, глобальна, ноосферна, екологічна та ін. Суто дисциплінарний вектор журналу має бути доповнений між- та трансдисциплінарним. Йдеться про залучення до співпраці наших колег – філософів, соціологів, політологів,

психологів, культурологів, представників інших наук, а також творчої інтелігенції. Науковий формат журналу не виключає надання слова політикам, державним службовцям, підприємцям, робітникам, представникам інших соціальних верств населення.

Принципово важливо, щоб науковий політекономічний доробок став надбанням студентства та молоді. Заради сприяння цьому редколегія планує ініціювати розміщення на сторінках журналу відповідних навчальних програм, навчально-методичних комплексів, авторських курсів, глав підручників і навчальних посібників тощо. Ми сподіваємося на популярність серед авторів та читачів таких рубрик як «Безсмертна класика», «Дискусії», «Кафедральні вісті», «Трибуна молодого вченого», «Слово студентам», «Читацька думка», «Наукове життя».

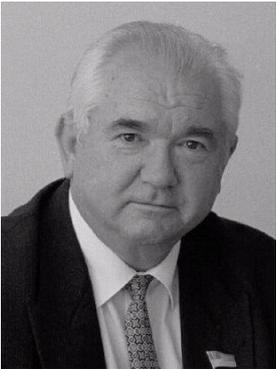
Звісно, в першому номері лише починається виконання зазначених амбітних планів. Його тематика переважно ювілейна. Сподіваємося, що читачам будуть цікавими та корисними матеріали відповідних наукових конференцій у Києві та Полтаві. У статтях, виступах і відповідях на питання провідні політекономисти та економісти-теоретики України та зарубіжжя виносять на Ваш суд власні роздуми про історичний шлях політичної економії та його уроки, її сучасну роль в науці та суспільстві, дороговкази у майбутнє.

Ми чудово розуміємо, що журнал – це спільна справа всього політекономічного загалу. Саме тому ми запрошуємо до співпраці всіх, кому не байдужа доля політичної економії, сучасне та майбутнє нашої країни.

З повагою, редакційна колегія.

ЮВІЛЕЙ ПОЛІТИЧНОЇ ЕКОНОМІЇ

УДК 330.10

*О. Г. БЕЛОРУС,
академик НАН Украины,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки и техники Украины,
главный научный сотрудник, ГУ «Институт
экономики и прогнозирования НАН Украины»*

ГЛОБАЛЬНАЯ НЕОКОНВЕРГЕНЦИЯ ТРАНЗИТИВНЫХ, ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ И АВАНГАРДНЫХ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Нынешний постиндустриальный этап интернационализации, глобализации и глобальной интеграции социально-экономического развития мира ознаменовался рядом новых закономерностей, принимающих характер объективно действующих законов. Наш великий предшественник профессор М. Драгоманов писал еще в XIX веке, что может быть самая большая человеческая мудрость состоит в том, чтобы **разглядеть, понять и принять законы и силу мирового развития**, ибо иначе мировое развитие раздавит нас. Это силовое давление мы особо ощущаем сегодня в Украине.

Методологической базой экономической глобалистики – науки о развитии мировой экономики становится глобальная политэкономия. Одним из главных экономических законов мирового развития является **закон глобализации, глобальной интеграции и неоконвергенции соразвития**¹. Начало XXI века ознаменовалось существенным усилением действия глобальных факторов развития, нарастанием влияния силовых аспектов глобализации, углублением противоречий и конфликтов интересов в процессах глобального развития. Обострение монополизированной глобально-корпоративной конкуренции еще больше усложняет и ужесточает картину

---

¹ Власов В.І. Глобалістика: історія, теорія: монографія [у 2 т.] / В.І.Власов, НИЦ, «ІАЕ», ДНС ГБ НААН; наук, ред. акад. НАН України О.Г.Білорус і чл.-кор. НААН України В.А. Вергунов. – Вінниця: ТОВ «Нілан-ЛТД», 2012. – 570 с.

геоэкономического и геостратегического соревнования между богатыми и бедными странами за место и роль в распределении результатов будущего глобального развития. В процессе многолетних (1995-2015 гг.) исследований проблем глобалистики и глобальной экономики нами сформулированы **экономическая категория неоконвергенции и объективный экономический закон неоконвергенции**

транзитивных и трансформационных и авангардных социально-экономических рыночных систем, отличающихся разными уровнями технологического развития, конкурентоспособности и готовности к интеграции в мир-систему глобализма. Формула содержания экономического закона неоконвергенции весьма простая: **Динамический и сравнительный уровень эффективности и конкурентности транзитивных и трансформационных стран и их национальных экономик определяющим образом зависит от однонаправленности, синхронности и уровня неоконвергенции и интеграции их соразвития с авангардными странами.** Глобальная неоконвергенция транзитивных, трансформационных и авангардных постиндустриальных стран несет в себе огромный потенциал положительного влияния на ход развития глобальной экономики. И наоборот, искусственное сдерживание процессов неоконвергенции, ее отрицание и ограничение рамками стран «золотого миллиарда» может стать реальной угрозой мировому развитию.

В нашей рабочей гипотезе мы исходили из **объективного характера предшествующих исторических процессов политической конвергенции противоположных социально-экономических систем, впервые установленного такими западными учеными как Я. Тинберген, Д. Гелбрейт, В. Мур, Дж. Неттл, Р. Робертсон, Дж. Бартон, А. Терборн, У. Бек, М. Уотерс, Б. Тернер и других.** На новом этапе интернационализации и глобальной интеграции неоконвергенция (сближение соразвития) однотипно-рыночных экономических систем различного уровня развития стала объективной необходимостью. Этот процесс называем социально-экономической неоконвергенцией. Как и классическая политическая конвергенция, неоконвергенция является двусторонним процессом, а не односторонним подтягиванием отсталых и новых рыночных стран к уровню авангардных. В глобальной политэкономии, теории экономической глобалистики и глобальной экономики эти проблемы исследованы недостаточно. Бесспорно, это направление исследований представляется многообещающим.

Нами сделана попытка раскрыть сущность и объективную закономерность развития процессов неоконвергенции транзитивно-

трансформационных и авангардно-трансформационных социально-экономических систем, как важнейшей предпосылке их успешного соразвития в исторически длительном процессе глобализации, формирования глобальной экономики и новой формационной социально-экономической и общественно-политической системы глобализма. Неоконвергенция – это процесс и механизм реализации преимуществ и положительных последствий глобализации экономики и социальных систем. Неоконвергенция положительно влияет на характер мирового развития. Она может стать фактором сдерживания силовой эволюции мир-системы экономического глобализма – глобализма для глобализаторов и будет способствовать развитию процессов глобального солидаризма стран, государств и народов. В нашей рабочей гипотезе мы выделяем такие направления неоконвергенции: технологическую, организационно-управленческую, экономическую, финансовую, информационную, экологическую, цивилизационно-гуманитарную.

Приходится констатировать, что несмотря на глобальные кризисные потрясения 2008-2010 гг., практически все государства мира не закрылись в национальных границах, не отказались от участия в глобальных процессах, а упорно продолжают движение к новой глобальной экономике, к интеграции в глобальный рынок. Они стремятся идти по пути неоконвергенции. Самый большой вопрос глобального будущего состоит в том, не превратятся ли при этом многочисленные нации-государства из субъектов в объекты глобальной геополитики и геоэкономики, не станут ли они строительным материалом для создания новых мировых империй американской, европейской, евразийской, азийской?

Мировая ситуация осложняется тем, что навязанный народам мира процесс принудительной, **силовой глобализации** ведет к созданию не только вышеупомянутых региональных империй, **но и империи глобальной, всемирной, которую мы называем мир-системой глобализма** и которая способна превратиться в новое глобальное мироустройство и глобальный общественный строй, базирующийся на **глобальной эксплуатации стран и народов**. Такая мир-система неминуемо превратится в глобальную организацию постиндустриальных стран – лидеров глобальной конкуренции и эффективности, глобальных ТНК и глобального финансового капитала. Даже американские исследователи не отрицают такой возможности, утверждая, что «...возможность создания глобальной организации (системы – О.Б.) вокруг глобального ядра США-ЕС имеет черты реальности, но также проявляет себя и возможность ожесточения ... борьбы за лидерство»², имея в виду глобально-

---

² Modelski G. The long and Short of Global Politics in the XXI Century: An Evolutionary Approach / G. Modelski, W. Tompson. – NY: ISR, 1999.

тотальное доминирование и господство одной страны – США. Несмотря на неоднократные призывы видного геостратега нашего времени З. Бжезинского к руководству США перейти от политики глобального господства и доминирования к глобальному лидерству, тяжелая динамическая инерция развития США в однополюсной системе плюс колоссальные интересы глобальных ТНК и мировой финансовой олигархии не дают возможности ожидать, что США откажутся от своего статуса «E pluribus unum» (с лат. «из множества один (единственный)») и постараются сохранить и укрепить свое глобальное монопольное положение. Недаром некоторые американские исследователи утверждают, что США – это и есть мировое правительство и главный глобализатор мира. «Получая наибольшие блага от глобализации, США используют благоприятное стечение обстоятельств, их главная задача – выработка стратегии пролонгации американской (глобальной – О.Б.) гегемонии»³. Такую же позицию регулярно выражал и Президент США, либерал-демократ Б. Клинтон⁴. Не считая целенаправленное управление процессами глобализации утопией США и другие страны – лидеры Севера готовы заплатить за это высокую социальную цену. Так, например, когда в процессе глобализации на глобальные рынки будут вовлечены в течение 20 лет больше 1,2 млрд. рабочих из развивающихся стран, заработная плата в развитых странах Севера снизится не менее чем на 50%⁵.

После так называемого глобального терроризма и трагедии «черного» дня 11 сентября 2001 г. казалось, что государство и правительство США станут на путь интровертивного (внутреннего), относительно более безопасного развития. Но стало очевидным, что при выборе из двух вариантов стратегии – мировая глобализация или американская империя, Вашингтон выбрал империю. Конец XX и начало XXI века ознаменовались спадом интеграционных тенденций на глобальном уровне. Ослабел ритм и поток прямых инвестиционных капиталов межгосударственных валютных потоков. Глобальный системный кризис 2008-2010 гг. нанес сильнейший удар по глобализации. Инерционные последствия этого кризиса будут ощущаться еще в течение длительного периода. Отрицательно сказываются на динамике глобального капитала и его глобальной миграции ожидания новых волн глобального системного кризиса, который приобрел перманентный характер. Китай впервые получил статус «глобального суперинвестора», направляя за границы 33% своего колоссального «свободного» инвестиционного капитала.

³ Bacevich A. Policing Utopia. The Military Imperatives of Globalization / A. Bacevich. – N.Y.: PPPH, 1999.

⁴ Clinton B. Remarks by the President at the US Naval Academy / B. Clinton. – W.: MD, 1998.

⁵ Kennedy P. The Global Goals Ahead / P. Kennedy. – N.S.S., 1996; Kennedy P. The Next American Century / P. Kennedy. – WP, 1999.

Вырисовывается картина углубления грядущих конфликтов и непримиримых экономических противоречий в формирующейся мир-системе глобализма.

В этих условиях стратегическим императивом XXI века является переход к качественно новому этапу глобализации и глобальной интеграции – к этапу **новой глобальной неоконвергенции транзитивных и трансформационных социально-экономических систем и несилового, эволюционного формирования мир-системы глобализма в интересах большинства населения мира**, а не группы глобализованных стран и их олигархов. На повестку дня встают вопросы эволюционного перехода от глобальной экономики индивидуальной наживы к экономике, базирующейся на коллективных формах собственности и распределения, таких как государственно-корпоративная, корпоративная и акционерная. Коллективные и семейные формы народного предпринимательства, малый бизнес во многих развитых странах (США, Канада, ФРГ, Великобритания, Франция, Япония) производят 75-85% ВВП. В условиях нынешней технотронно-информационной революции народный малый бизнес, оплодотворенный высокими технологиями, становится «великим» бизнесом, способным противостоять конкуренции крупного бизнесу и глобального капитала.

Новая глобальная конвергенция (неоконвергенция) как объективный закон развития и стратегическая доктрина берет свое начало от теории конвергенции двух противоположных политических систем социалистической и капиталистической. Видный классик теории конвергенции профессор Д.К. Гелбрейт (США) неоднократно подчеркивал, что будущее национальные, региональные и мировые социально-экономические системы в результате процессов интернационализации, глобализации и глобальной интеграции будут иметь смешанный – конвергентный характер, органически соединяя в себе черты рыночного, капитализма и социалистического, планирования⁶. Этой же позиции придерживался и В. Леонтьев, выступая за сочетание парусов частного бизнеса как двигателя развития и государственный стратегический штурвал управления и планирования. Несмотря на то, что и в интеллектуальных и элитных кругах США и в СССР теория конвергенции была встречена в качестве подрывной, эта теория не утратила сегодня своей актуальности, хотя и нуждается в обновлении применительно к новой эпохе. Конечно, за полстолетия с момента зарождения этой теории мир изменился кардинально. Многие известные ранние явления и процессы набирают критическую массу в процессе мирового развития. Распад СССР, социалистического содружества, обратная трансформация социалистических социально-экономических систем и

⁶ Galbraith J.K. The End of Imperialism Era / J.K Galbraith. – Geneva, 1987; Galbraith J.K. Economics and Public Purposes / J.K Galbraith. – N.Y., 1974; Galbraith J.K. The New Industrial Society / J.K Galbraith. – N.Y., 1972.

командно-административных систем централизованных экономик в рыночные системы резко изменили картину мира, но еще более усилили потребность в изучении новых условий, тенденций, направлений мирового развития и адаптации к ним. «Жить в мире, не стремясь понять его смысла, – все равно, что расхаживать по огромной библиотеке и не трогать книги»⁷.

К числу наиболее важных современных мировых явлений (феноменов) и процессов относится новая социально-экономическая конвергенция (неоконвергенция) как закономерность и закон современного этапа глобальных трансформаций. Неоконвергенция превратилась в реальный, все более значимый социальный процесс, который может иметь огромное положительное воздействие на мировые процессы. Конвергенция, по классическому определению Д.К. Гелбрейта, – это закономерный процесс развития различных (противоборствующих) социально-экономических систем, которая означает их сближение в процессе развития, структурно-системное «сцепление» в интегрированные образования и постепенное превращение (трансформации) в единую, все более интегрированную глобальную систему.

По теории Д.К. Гелбрейта действию **объективного закона конвергенции** «подчинялись» в своем развитии даже противостоящие друг другу политические социально-экономические системы – системы антиподы – капитализм и социализм. Общей объективной основой их конвергенции был мировой рынок, который не был монопольным изобретением капитализма и социально-ориентированное государство, которое не было монопольным изобретением стран социализма. На нынешнем этапе мирового развития, когда после распада СССР и социалистического лагеря все страны мира перешли к рыночной экономике, а государства – к социальной ориентации развития экономики, складываются уникальные исторические предпосылки для развития **новой постиндустриальной глобальной конвергенции (неоконвергенции) национальных социально-экономических систем (НПК)**. Новая конвергенция базируется на однотипной рыночной основе национальных экономик, на конкурентной основе их интеграции в глобальной экономике, на свободном перемещении людей, капиталов и ресурсов, на общих интересах безопасного развития, ресурсосбережения, охраны окружающей среды, повышения социальных стандартов жизни большинства населения, достижения нового качества жизни на базе общечеловеческих ценностей, таких как справедливость для всех, права человека, верховенство права, демократия, экономическая свобода и другие.

«Старая» конвергенция между капитализмом и социализмом имела ограниченные результаты в силу ее торможения и блокирования странами-

⁷ Холл М.П. Тайные учения всех времен и народов / М.П. Холл. – М., 2001.

лидерами двух противоположных систем. Новая конвергенция имеет реальные шансы на успех в силу того, что ныне все страны стали рыночными, все страны стали транзитивными, и трансформационными независимо от уровня их развития. И все страны движутся к определенным ценностям (общечеловеческим, общеевропейским) и к мировым стандартам и достижениям. Их всех объединяет общность ресурсной и интеллектуальной базы соразвития, участие в глобальной информационной системе, растущее ощущение «единой глобальной человеческой семьи». Все большее количество политиков и государственных деятелей стали понимать то, что, по определению А. Тойнби, «человечество должно стать общемировой семьей или погибнуть»⁸. Формируется новая, глобальная цивилизация.

Когда мы говорим о процессах новой конвергенции, необходимо рассмотреть характер современных глобальных демографических процессов, которые формируют не только мировые трудовые ресурсы, но масштабы потребностей, потребления и спроса, а также потенциальные возможности наращивания интеллектуальных ресурсов. Все это относится к числу двигательных, локомотивных факторов развития. В период до 2025 года в мире будет происходить неравномерное по регионам общее замедление прироста населения и трудовых ресурсов. Если в период 1980-2008 гг. мировой прирост населения составил 2,4 млрд. человек, то за 2009-2025 гг. он составит лишь 1,2 млрд. человек, то есть 2 раза меньше⁹. Это окажет серьезное влияние на конъюнктуру мировых рынков трудовых и особенно интеллектуальных ресурсов, и неминуемо приведет к усилению миграционных процессов, выравниванию стандартов оплаты труда, образования. Население Индии возрастет до 1,145 млрд. человек, Китая – до 1,352 млрд. человек. В Восточной Европе, особенно в России и Украине, численность населения уменьшится за счет снижения рождаемости, миграции в западные страны, где уровень жизни остается наиболее высоким. Такой обмен трудовыми, особенно, интеллектуальными ресурсами является негативной формой и направлением конвергенции стран, которая не будет, очевидно, компенсироваться адекватным притоком инвестиций в транзитивные страны.

Поражающие Европу и Японию старение населения, уменьшение притока трудовых и интеллектуальных ресурсов, глобальный обмен этими ресурсами приведет к сближению и конвергенции экономических, социальных и образовательных систем различных государств Европы, Америки и Азии. Продолжатся процессы американизации, европеизации и китаизации развития. Усилятся региональные процессы социальной неоконвергенции стран, особенно

⁸ Тойнби А. Дж. Постигание истории / А. Дж. Тойнби; пер с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.

⁹ Global Trends 2025: A Transformed World. NIC. – W.: C.Y., 2008.

в Европе, на фоне общего усиления интеграционных процессов. Европейские ценности и стандарты, европейская социализация развития станут общими ориентирами процессов межстрановой неоконвергенции. Без трудовой ресурсной неоконвергенции дальнейшее успешное развитие Европы невозможно.

Отмечается тенденция усиления неоконвергенции в области организации трудовых и производственных процессов, а также в системах менеджмента. Западные стандарты корпоратизации и акционирования удивительно быстро распространяются в Восточной Европе, Китае и в странах Евразии. Одной из наиболее сложных проблем неоконвергенции в Европе станет проблема социальной интеграции и ассимиляции иммигрантов, особенно из мусульманских стран. В России будут возрастать квоты переселенцев из Китая в регионы Дальнего Востока и Сибири с соответствующими интеграционными проблемами и проблемами ассимиляции. Ожидаемые в мире демографические взрывы с наращиванием к 2100 г. общей численности населения до 14,4-15 млрд. человек выдвигают на повестку дня глобального развития особые императивы неоконвергенции в образе жизни, культуре потребления, здравоохранения, обеспечения ресурсами питьевой воды, обмена массами мигрантов. Демографические и порожденные ими неоконвергенционные процессы радикально изменят общую картину мира. Складывается впечатление, что подавляющее большинство стран мира уделяют недостаточное внимание подготовке к решению этих острых проблем. Особенно это касается проблем сверхпотребления в странах «золотого миллиарда», который окажется в критическом меньшинстве в мире.

Угроза «заката Запада» вполне реальна. «Фактическое сокращение и практическое исчезновение Запада произойдет не когда-то – оно ускорено происходит сегодня. Уже сегодня незападный мир многочисленнее западного в 5 раз; он будет в 2050 г. многочисленнее в 10 раз. И с этого процесса Западу уже не вырваться...»¹⁰. Запад (включая Японию) может спасти лишь реализация разумной долгосрочной интеграции с Восточной Европой и Турцией и глобальной неоконвергенции с Востоком и Югом. Если Япония не изменит себя и не создаст условия внешней неоконвергенции, она «... будет уничтожена за 50 или 100 лет»¹¹. Угроза демографического опустошения существует и в азиатской части России. В мире явственно назрел вопрос о системе регулирования стандартов и уровней потребления всех ресурсов. Это станет

¹⁰ Уткин А.И. Будущее глазами национального совета по разведке США: глобальные тенденции до 2025 года / А.И. Уткин, В.Г. Федотова. – М.: ИНЭС-МАИБ, 2009. – 148 с.

¹¹ New York Times. – 2000. – Jun. 24. – P. 31.

наиболее болезненным процессом социальной неоконвергенции в рамках единой мировой семьи народов.

Главным фронтом сложных проблем глобальной неоконвергенции в XXI веке были и остаются проблемы глобального кооперирования (сотрудничества) стран, глобальной их интеграции, глобальной конкуренции. Крупнейший современный финансист и философ Дж. Сорос прогнозирует «системный кризис глобального капитализма»¹² и кризис механизмов глобальных рынков в условиях глобальной экономической системы тотальной частной наживы. Этот авторитетный вывод радует и обнадеживает. По Дж. Соросу рыночная экономика и общество должны становиться социально ориентированными. Такая переориентация является высшей стратегической (глобальной) целью экономической неоконвергенции в нынешнем XXI столетии.

Формирующаяся ныне мир-система глобализма потребует интенсивного сближения, интеграции и синхронизации развития транзитивных и трансформационных стран. С одной стороны, экономические системы транзитивных стран, переживающих обратную рыночную трансформацию, должны развиваться в направлении создания современных рыночных институтов. В большинстве транзитивных стран такие трансформации рыночных институтов являются сложными трансформационными процессами. Это в особой мере относятся к таким крупным странам, как Украина. Трансформация, созданных в них олигархических, псевдорыночных экономических и политических систем к рыночным системам европейского типа, – сложнейшая долгосрочная задача общеевропейского и глобального масштабов. Вот как оценивают нынешнее исходное положение России российские эксперты: «Главными вызовами для России стали: колоссальное социальное неравенство, демографическая катастрофа, духовно-нравственная деградация, развал экономики, посаженной на иглу экспорта природных ресурсов, утрата обороноспособности и потеря ключевых союзников. России не удалась диверсификация экономики, перевод ее в высокотехнологическое русло. Возникают и медленно гаснут амбиционные проекты власти – создание госкорпораций и программ развития. У страны нет выхода, нет перспектив в XXI веке. Нефтедоллары позволили обогатить значительные слои населения ростом доходов, за которыми не стоят ни рост производительности труда, ни структурные перемены в реальном секторе»¹³. Отсюда агрессия и гибридные войны России.

¹² Soros G. The Crisis of Global Capitalism: Open Society Endangered / G. Soros. – N.Y.: Public Affairs, 1998.

¹³ Быковский В.А. Россия – Украина. Двойные стандарты / В.А. Быковский. – М., 2009.

Опыт реформирования, трансформации и неоконвергенции ряда стран Европы, Азии, Америки, их быстросрастущее развитие объективно приводит к оптимистическим выводам. Вместе с тем в процессах глобализации и глобальных трансформаций нарастают дисбалансы критической массы неоконвергенции, отсутствует интеграция и синхронизация в динамике развития, что приводит к огромным потерям потенциального возможного синергетического эффекта глобального развития и нарастания противоречий и конфликтов внутри мир-системы глобализма. Закономерность и императивный характер трансформации, модернизации и углубления конкурентоспособной интеграции и неоконвергенции особенно остро ощущается в современной Европе, которая «старееет» и теряет свои лидирующее цивилизационное место, роль и влияние в будущем глобальном мире, вступив в глобальную конкуренцию с США и Азией (Китай – Индия – Япония).

Сутью глобального развития в XXI веке неминуемо станет обострение борьбы апологетов глобально-монополистического капитализма и сохранения иерархической глобальной системы, базированной на силовой экспансии, и сторонниками создания новой исторической мировой системы, которая будет строиться на неоконвергенции, демократии и социальном равенстве. Однако, с нашей точки зрения, глобальная демократия, глобальный солидаризм и глобальное социальное равенство – это императивы, которые не будут в полной мере реализованы в XXI веке. Человечеству, очевидно, предстоит еще пройти через эпоху тотальной силовой мир-системы глобализма, которая, будучи по сути своей транзитивной, трансформационной и внутренне конфликтной, не сойдет с мировой сцены, пока в будущем мире не возобладают страны и силы, борющиеся за социальную справедливость против глобальной эксплуатации. XXI век неминуемо станет веком глобальных конфликтов¹⁴.

Усиление глобальной конкуренции резко усилит соперничество между США, растущим Европейским союзом и Азией с лидирующим Китаем, и быстросрастущей Индией. Потенциальный экономический союз Китая-Японии-Индии может не только вытеснить США из Азии, но и обанкротить США как глобального гегемона, наращивающего свои долги до угрожающего уровня в более чем 20-25 трлн. дол. Чтобы не допустить самораспада и не погибнуть под конкурентными ударами Азии и Америки, система ЕС должна усилить свои интеграционные и неоконвергенционные проекты, решив проблемы членства Украины, Грузии, Азербайджана, Турции. При этом особое значение будут иметь процессы внутриевропейской неоконвергенции социально-экономических систем, базирующиеся на европейских ценностях и

---

¹⁴ Глобалізація і безпека розвитку: монографія / [О.Г. Білорус та ін.]; за ред. О.Г. Білоруса. – К.: КНЕУ, 2001. – 733 с.

стандартах. Эмбарго на расширение ЕС до 2026 г. – новая стратегическая ошибка, которая может стать слишком дорогостоящей.

Исход глобальной конкурентной борьбы в XXI столетии и формирование новой глобальной системы мироустройства будет зависеть от того, в каких регионах мира будет формироваться критическая масса нового глобального **общественно-технологического способа производства и новая система экономических отношений** и как долго США сохранят за собой уникальный, хотя и не вечный статус монопольного производителя условных денег и глобального монопольного потребителя кредитов и всех других мировых ресурсов. Противоречивая ситуация глобальной коэволюции соразвития и глобального противостояния основных центров экономической и политической силы не только не исключает, но предполагает усиление процессов неоконвергенции разных стран и их социально-экономических систем. Глобальная неоконвергенция в XXI веке будет сохранять старые и генерировать новые формы, методы и результаты. Европа и ЕС рискуют оказаться «вне игры».

Будущее новое общество, базирующиеся на принципах солидарности и социальной справедливости, – вот реальный выбор человечества. Весь вопрос в том, станет ли XXI столетие подготовительным этапом к этой **объективно неизбежной глобальной трансформации**. Ясно одно, чтобы не погибнуть, человечество должно стать единой семьей справедливости, духовности и прогресса. История процессов глобализации XX и начала XXI столетия, развитие процессов глобальной интеграции и неоконвергенции, тенденции усиления процессов глобальной солидаризации вселяют надежду на то, что человечество найдет способы замещения исторически устаревшей экономической системы частной наживы системой ноосферной глобальной экономики и глобального общества справедливости для всех.

А. А. ГРИЦЕНКО,
член-корреспондент НАН Украины
доктор экономических наук, профессор,
заместитель директора,
ГУ «Институт экономики и прогнозирования
НАН Украины»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Политической экономии в 2015 г. исполняется 400 лет. Это достаточный срок для того, чтобы делать обобщающие выводы. Выводы эти неоднозначны. Есть исследователи, которые считают, что «время политэкономии все-таки ушло» (Осипов, 2014. С.267). Но большинство ученых, работающих на предметном поле политэкономии, говорит о ее возрождении. Для этого есть и формальные, и реальные основания. *Формальные* заключаются в том, что появилась мода на политэкономические подходы, возникли разнообразные виды политэкономий: радикальная, сравнительная, международная, неортодоксальная, институциональная, феминистская, экологическая, структуралистская, конституционная, новая (с разными смыслами), политическая экономия развития, богатства, власти, будущего и т.д. (Либман, 2008. С. 332; Олейник, 2011. С.19-32; О'Хара, 2009. С.38-57; Худокормов, 2009. С.218, 272-273; Чекмарев, 2009. С.90-99).

Реальные основания возрождения и актуализации политэкономии состоят в том, что современный мейнстрим, базирующийся на функциональных подходах, оказался не в состоянии отвечать на современные вызовы, вскрывать сущность принципиально новых явлений и процессов, так как не обладает соответствующим инструментарием, а политическая экономия, возникшая из практической потребности проникать в глубинные основания, различать сущность и внешние формы проявления, их взаимосвязь, таким инструментарием обладает. Поэтому она оказалась востребованной в новых условиях, когда динамизм экономической и общественной жизни привел к существенным изменениям основополагающих качеств социально-экономической системы, требующих своего теоретического осмысления с целью корректирования практических действий.

Для понимания современных особенностей судьбы политэкономии, необходимо проследить, хотя бы в основных чертах, весь ее исторический путь: ее предысторию, историю и перспективы. Первоначально экономические знания были вплетены в «язык реальной жизни», затем они находились в качестве составляющих элементов внутри философского и религиозного сознания и лишь на определенном, достаточно высоком, уровне развития общества превращаются в систему и выделяются в виде особой науки.

Политическая экономия как особая наука возникла только вместе с появлением объективных оснований для этого. Эти основания состояли в том, что с формированием в Западной Европе, начиная с XVI века, рыночной системы организации хозяйства, капитализма, усложняются связи между видимым движением предметных форм богатства и скрытой сущностью происходящих экономических процессов. Если в аграрной экономике отношения между людьми по поводу условий и результатов труда были представлены непосредственно как отношения субъектов, то в рыночной системе они приобретают предметные формы, выступают как отношения товаров, денег, капитала, внутренние законы движения которых не совпадают с их внешними видимыми формами. Это порождает массовую потребность в более глубоких экономических знаниях, которые бы помогали людям ориентироваться в сложном мире рыночных отношений и принимать эффективные решения. В этих условиях экономические знания обособляются от других знаний, приобретают систематический характер и превращаются в особую науку, которая получает название политической экономии. Здесь можно провести следующую аналогию: если человек занимается сельским хозяйством, используя примитивные орудия труда, то он может, например, в своей практике руководствоваться представлением о том, что солнце всходит и заходит, вращаясь вокруг земли, но если речь идет о запуске искусственного спутника земли, то эту практическую задачу, основываясь на таких представлениях, решить невозможно. Необходимы более глубокие и специальные знания.

Завершение процесса формирования капиталистического способа производства переносит акцент с познания сущности на воспроизводство функциональных связей. На смену политэкономии в большинстве развитых стран приходит экономикс, который не интересуется вопросом «что это такое?», а отвечает на вопрос «как это работает?». И пока экономика является в основном сбалансированной и сохраняет старую качественную определенность, такой подход является вполне успешным. Методологической основой функционального анализа является маржинализм, объясняющий стоимость предельной полезностью благ. Маржинализм формируется практически

одновременно с трудовой теорией стоимости, но по мере развития объективного процесса усиления значения функциональных связей в уже сложившемся капиталистическом обществе он начинает играть определяющую роль, оттеснив трудовую теорию на периферию экономической науки.

В начале XX века произошло разделение экономической науки по идеологическому принципу. В социалистических странах господствовала методология, базирующаяся на трудовой теории стоимости и теоретических положениях, изложенных в «Капитале» К.Маркса. На Западе господствовала основанная на маржинальных подходах теория, изложенная А.Маршаллом в «Принципах экономической науки» и работах других выдающихся представителей этого направления. А после мирового кризиса 1929–1933 годов и написания Кейнсом в 1936 г. «Общей теории занятости, процента и денег» лидерство переходит к кейнсианскому направлению, признающему необходимость государственного регулирования экономики.

В СССР некоторое время преобладали взгляды, согласно которым политическая экономия заканчивается вместе с капиталистическим обществом, но затем по мере осознания необходимости учитывать в хозяйственной жизни объективные экономические закономерности, возникло понимание политэкономии как науки, не ограничивающейся изучением капиталистического способа производства. В 30-е годы XX века появился термин «политическая экономия социализма». В начале 50-х годов был подготовлен первый официальный учебник, в котором признавалось наличие товарно-денежных отношений при социализме и политэкономии в широком смысле, изучающей все известные способы производства. В 60-е годы появился другой учебник «Курс политической экономии» под редакцией Н.Цаголова, в котором излагался иной подход к построению системы категорий политической экономии. В нем первоначально излагалась система категорий, отражающих общие основы способа производства, а затем изучалась специфика его фаз развития. Развернутые в этих учебниках подходы были основными в построении системы категорий, хотя различных предложений на уровне определения исходного отношения и общей схемы построения системы было несколько десятков.

В странах Запада в 70-е годы XX века, когда применение кейнсианских методов регулирования привело к существенному росту инфляции, происходит возвращение к неоклассической методологии с монетаризмом во главе и постепенное формирование на этой основе мейнстрима, ставшего не только господствующей методологией, но и идеологией международных экономических организаций. И только разразившийся в 2008 г. глобальный финансово-экономический кризис положил конец господству этой идеологии и

началу широкого поиска альтернативных теорий и методов познания, позволяющих раскрыть скрывающиеся за внешними функциональными формами существенные изменения. Политическая экономия, как уже отмечено в начале, исторически сформировалась именно для решения такого рода задач и, в отличие от экономикс, имеет методологический инструментарий для их решения. Именно с этим связана актуализация политической экономии на современном этапе. Применения политэкономического инструментария для решения как общих, так и частных задач, приводит к тому, что политэкономия дифференцируется на глобальную, призванную теоретически воспроизвести движение экономических систем на всех этапах исторического развития, и на локальную, сосредотачивающуюся на раскрытии сущности отдельных экономических явлений и процессов (политэкономия власти, богатства, развития и т.д.).

Кратко изложенную выше историю можно изобразить схематически (табл. 1).

Таблица 1.

Возникновение и развитие политической экономии

Ступень развития	Форма знаний	Функции знаний
Первобытное общество	Знание вплетено в «язык реальной жизни»	Осознание деятельности
Античность (рабство)	Экономическое знание находится в составе философии	Описание экономической реальности в составе философского знания
Средневековье (феодализм)	Экономическое знание находится в составе религиозных учений	Описание экономической реальности в религиозном контексте
Формирование капитализма	Выделение экономического знания в особую отрасль, представленную политической экономией	Выяснение сущности экономической реальности в отличие от внешних форм проявления и в единстве с ними
Функционирование капитализма на собственной (индустриальной) основе	Формирование экономикс	Описание функциональных экономических связей
Возникновение директивно-плановой экономики	Формирование политэкономии социализма	Попытки построения системы знаний, отражающих закономерности функционирования и развития директивно-плановой экономики
Утверждение рыночно-капиталистической системы в мировом масштабе	Господство экономикс и оттеснение политической экономии на периферию экономической науки	Господство описательных функциональных подходов
Глобализация и формирование информационно-сетевой экономики	Актуализация политической экономии. Возникновение глобальной и локальной политэкономии	Создание целостной системы логико-исторического развития экономической реальности и познание сущности отдельных экономических явлений

Исторически и логически политическая экономия является основой всей системы экономических наук. Она развертывается в более широкую систему экономико-теоретических знаний, активно взаимодействующую с другими науками. Экономические знания, с одной стороны, все более специализируются, с другой - интенсивно проникают в другие отрасли знаний, и сами испытывают влияние неэкономических наук.

Современная специализация знаний достигла такого уровня, что экономисты, занимающиеся разными проблемами и использующие разную методологию, просто перестают понимать друг друга в силу существенных различий в используемом категориальном аппарате и предмете исследований. Невозможность обработки всего информационного потока, с одной стороны, и его глобальный характер и доступность, с другой, - приводят к образованию своеобразных сетей научного, полунучного и квазинаучного знания и соответствующих сообществ. Определенные сообщества экономистов занимают господствующие позиции, обеспечивая распространение своих подходов, представительство своих сторонников в разных международных экономических организациях, в консультативных органах правительств и т.д. и создавая таким образом свою монополию.

Другие группы экономистов находятся на периферии экономико-теоретического поля, часто не потому, что их знания и рекомендации менее обоснованы и эффективны, а потому что существует господствующая парадигма и монополия определенных научных сообществ.

Тем не менее, при таком разнообразии исходных посылок, содержательных подходов, теорий, позиций, точек зрения существует согласие относительно основных современных направлений теоретической мысли: неоклассического, кейнсианства и институционализма. Почему именно эти направления являются основными? Сложилось ли в результате достижений выдающихся ученых, и без них развитие теории пошло бы иначе? Или это объективная закономерность развития познания экономики? Ответы на эти вопросы нужно искать в соотношении структуры экономической теории и структуры экономической реальности.

Каждая экономическая наука изучает определенные аспекты, срезы, формы, пространственно-временные локализации и другие спецификации экономических отношений. Для того чтобы определить место каждой особой экономической науки в общей системе, необходимо выяснить специфику ее предмета и метода.

Существует единство, включающее в себя тождество и различия, предметов и методов каждой составляющей экономической теории. При этом необходимо иметь в виду диалектику самого определения предмета.

Определение в буквальном смысле есть нахождение пределов предмета. Но чтобы убедиться в том, что это есть предел, необходимо выйти за него, совершить его отрицание, перейти к не-предмету. И только последующее отрицание не-предмета и возвращение к предмету дает возможность установить действительные пределы предмета, т.е. определить его.

Исследование есть развернутое определение предмета, постоянный выход за его пределы и столь же постоянное возвращение к нему. Исходным экономическим отношением, как это уже показано в литературе и доказано экспериментально, является совместно-разделенный труд (Гриценко. С.263-266, 322-342). Именно из него исторически развивается, с одной стороны, разделение, обособление труда, частная собственность и рыночные институты, с другой стороны – кооперация, обобществления труда, общая собственность и институты государства.

Экономическая наука, как уже отмечалось, зародилась как политическая экономия, которая имела своей исторической задачей обнаружение за внешними, видимыми формами экономических явлений и процессов их внутреннюю сущность и нахождение таким образом адекватных способов влияния на них. Поскольку исходным экономическим отношением, которое исторически развертывает себя во всю систему экономических отношений, является совместно-разделенный труд, постольку *предмет политэкономии можно определить как систему совместно-разделенных отношений по поводу производства, распределения, обмена и потребления благ*. Эта система формируется исторически и в развитом виде представляет собой определенную целостность. Методом познания таких целостных систем является *диалектическое восхождение от абстрактного к конкретному*. Этот метод и есть собственным методом политической экономии, интегрирующим другие общенаучные и специфические методы. Он включает одновременное движение по трем уровням познания. *Первый уровень* - оперирование – представляет собой использование логических операций (анализа и синтеза, сравнения, абстрагирования и обобщения, индукции и дедукции в их единстве) для проникновения в объект и его теоретического отражения. *Второй уровень* - воспроизводство – является теоретическим отражением реального исторического движения и функционирования объекта. *Третий уровень* интегрирует два предшествующих и обеспечивает движение от абстрактного к конкретному через практически истинные абстракции, достижение единства теоретического и практического и реализуя таким образом всеобщность метода.

Обособление исторического рассмотрения развития экономических отношений дает *экономическую историю*, а обособление логического в рамках

исторического дает *историю экономической мысли*. Единство логического и исторического в политической экономии достигается только через постоянное обращение к экономической истории и истории экономической мысли, непрерывный выход за пределы предмета политической экономии и непрерывное возвращение к нему.

В процессе развития совместно-разделенного труда развиваются и обособляются и моменты разделенности, и моменты совместности, сохраняя при этом свое внутреннее единство. Если конкретные формы воплощенности совместно-разделенной экономической деятельности рассматриваются со стороны разделенности, то образуется *микроэкономическая проблематика и микроэкономика как часть экономической теории*, изучающая отдельные (обособленные от целого) явления и процессы (фирмы, домохозяйства, цены на отдельные товары и т.д.). Политэкономия, таким образом, развивается по одной своей линии в микроэкономике. И, как во всяком развитии, микроэкономика, с одной стороны, отрицает политэкономия, так как сосредотачивается только на стороне разделенности, на отдельных субъектах и процессах и не включает в своей предмет сторону совместности, с другой стороны – дополняет политэкономия изучением функционирования разделенных и обособленных форм экономических явлений и процессов. Но вместе с исключением из своего предмета соотношения разделенности с совместностью, она исключает из своего метода диалектику, которая изначально присуща совместно-разделенным отношениям.

Тем самым микроэкономика превращается в формальную, функциональную науку. Она допускает предельную степень формализации, применения математических методов, добиваясь таким образом новых научных результатов. Но если вдруг экономическая система претерпевает сущностные (не формальные) изменения, то обнаруживается неспособность микроэкономики в рамках собственного предмета и собственной методологии решать новые задачи. Неизбежным становится выход (возвращение) к политэкономии как своему историческому и логическому основанию для того, чтобы через познание сущности изменившихся явлений и процессов возвратиться к своему собственному (функциональному) предмету и внести в него необходимые коррективы. Именно такова ситуация сейчас.

Если конкретные формы воплощенности совместно-разделенной экономической деятельности рассматриваются со стороны совместности, то образуется *макроэкономическая проблематика и макроэкономика как часть экономической теории*, изучающая функционирование экономики как целого. Макроэкономика, также как и микроэкономика, является функциональной

наукой. Поэтому при существенных изменениях в экономической действительности она также вынуждена обращаться к политэкономии.

Непосредственным стыком, соединением, тождеством совместного и разделенного, индивидуального и общественного в совместно-разделенной экономической деятельности являются институты, воплощающие в себе *общее* в *индивидуальном* поведении людей (формирование правил и норм – переход от индивидуального к общему) и воплощаемые в этом поведении (подчинение правилам и нормам – переход от общего к индивидуальному). Сам переход индивидуального в общее и наоборот есть их отождествление, тождество. Институт выступает как общественно-тождественное в индивидуальной деятельности, как нечто дискретное, устойчивое, постоянно остающееся в деятельности, а сама деятельность как нечто непрерывно совершающееся, текущее и изменчивое. Поэтому *институциональная теория* носит дискретный и описательный характер. Она не может быть выстроена методом восхождения от абстрактного к конкретному, а институционализм всегда связан с какой-то конкретной наукой (социологией, экономикой, психологией и т.д.) и не существует вне связи с ними. Он по своей природе является междисциплинарной наукой.

Обособление отношений разделенности, совместности и тождества совместности и разделенности в процессе исторического развития совместно-разделенного труда, что отражается в обособлении предметов, соответственно, микроэкономики, макроэкономики и институциональной экономики, неизбежно предполагает и относительное обособление их методов. *Диалектическое восхождение от абстрактного к конкретному, как базовый метод политэкономии*, формализуется, локализуется в отдельных составляющих и превращается в частные методы.

В микроэкономике таким методом является метод *локализации*, т.е. выделения определенных явлений и процессов и их рассмотрение в относительной обособленности от иных процессов и явлений. Это вовсе не значит, что в микроэкономике используется только метод локализации. Данное положение необходимо понимать таким образом, что все другие методы используются здесь на основе метода локализации.

В макроэкономике таким методом является *агрегирование*, т.е. соединение однородных частей в некую совокупность, представляющую в отношениях к другим частям целое (валовой внутренний продукт, совокупный спрос, совокупное предложение и т.д.). Агрегирование также нужно понимать не как единственный, а как базовый метод макроэкономики, на основе которого используются все другие методы.

Обособление моментов тождества совместности и разделенности как правил и норм человеческой деятельности представляет собой процесс *фрактализации*, т.е. нахождения такой структуры, части которой подобны целому. Понятие фрактала было введено в 1975 г. Б.Мандельбротом, французским математиком, создавшим фрактальную геометрию (Mandelbrot, 1977, 1982). Хотя до сих пор не существует общепризнанного определения фрактала, определение, данное самим автором термина, выглядит так: «Фракталом называется структура, состоящая из частей, которые в каком-то смысле подобны целому». Образом фрактала может служить дерево, каждая веточка которого по своему строению похожа на все дерево (Жуков, Лямин; Жиков, 1996).

Теория фракталов нашла применение в физике и других естественных науках. Она начала применяться и в общественных науках. Метод, который дает возможность выделить структуру (правило, норму), которая подобна себе во всех составляющих и в целом, и есть метод фрактализации. Например, рациональность, как правило экономического поведения, характерна как для отдельного индивида, так и для социальных групп, фирмы, государства и общества в целом. Это типичный институциональный фрактал.

Для институционализма в литературе не было определено какого-то специфического, выражающего его собственную особенность, метода. Обычно указывается на то, что он применяет широкий спектр методов. Однако такая особенность объективно существует, и она должна быть отражена теоретически. Адекватным выражением существа процесса выделения правил и норм деятельности человека как предмета институционализма является категория фрактализации. Поэтому *фрактализация* представляет собой базовый метод институциональной экономики, на основе которого используются все другие методы.

Здесь, как и в других случаях, достигается единство предмета и метода. Правило как базовый институт есть элемент целого, который по определению повторяется как в каждом отдельном человеческом действии, так и в действии всех частей (социальных групп, экономических субъектов) и общества в целом. Это означает, что институт по определению является фракталом, и его адекватное изучение предполагает использование метода фрактализации.

Такой подход показывает также, что существование трех основных современных направлений экономической мысли (неоклассики, кейнсианства и институционализма) является не случайным историческим явлением, а имеет свои глубокие корни во внутренней структуре исходного экономического отношения, которым является совместно-разделенный труд. *Неоклассика обособилась от классической политэкономии, изучающей совместно-разделенные экономические отношения методом восхождения от*

абстрактного к конкретному, на основе микроэкономической проблематики и метода локализации; кейнсианство возникло на базе макроэкономических подходов и метода агрегирования; а институционализм сформировался на основе фрактализации правил и норм общественной жизни как своего собственного предмета.

Выход за пределы макроэкономики одной страны, превращение ее в отдельный субъект, имеющий свои институциональные и иные отличия от других стран и взаимодействующий с ними, формирует предмет международной экономики, которая получает свои выводы на основе сравнения экономик разных стран. Международная экономика пользуется широким спектром методов, но основополагающим для них является *сравнительный метод*. Сравнительные преимущества, товарные и денежные потоки, переливы капитала, обменный курс и т.д. определяются экономическими различиями стран, выявляемыми в процессе их практического сравнения посредством международных экономических отношений.

Такая методология может быть применена также к изучению специфики предметов и методов других (более частных) экономических наук. Политэкономия была, есть и будет историческим и логическим, а следовательно, и методологическим основанием всей системы экономических наук, которые обособляясь от политэкономии, становятся самостоятельными, но при существенных изменениях в своих предметах исследования, возникающих в результате их развития, при качественных переходах неизменно возвращаются к своему основанию, черпая в нем методологию познания новых реалий и одновременно обогащая его. Это движение по своей природе является циклическим, что и наблюдается в реальности.

Более общей методологической основой, но уже за пределами собственно экономической сферы, является лишь философия, из которой произросли все науки. Но взаимодействие политической экономии с философией имеет свою специфику. Оно исторически развивается, меняет свои формы и служит постоянным источником взаимного обогащения.

Краткий и очень емкий очерк исторического пути философии хозяйства дан Ю.М.Осиповым: «Своими истоками философия хозяйства восходит к древним временам – еще дофилософическим. Была она немало затронута и древней философической эпохой. Не осталась без внимания ни в Средневековье, ни в Новое время, когда возникла и разрослась одна из первых целостных версий философии хозяйства – политическая экономия. В течение XIX и XX вв. политическая экономия, все более онаучиваясь, технологизируясь и математизируясь, заметно ушла и от философско-хозяйственного размыслительного тока; и философии хозяйства, тогда еще пра-

философии хозяйства, пришлось отталкиваясь от сциентистски настроенной теоретической экономии, проторивать свой путь: сначала в германских умах вроде М.Вебера, Г.Шмоллера и того же В.Зомбарта, помышлявших о чем-то вроде философии хозяйства, а затем и в российском уме С.Н.Булгакова, ставшего в начале XX в. отцом-основателем уже самостоятельного и целостно сообразованного течения мысли» (Осипов, 2011. С. 3).

Конечно, истоки философии хозяйства – это еще не философия хозяйства. Это просто знание о моментах хозяйственной жизни, вплетенное в саму эту жизнь и неотделимое от нее. Но это в такой же мере и истоки политической экономии как науки. Истоки можно увидеть и определить в качестве таковых только с позиций развитого предмета: только тогда, когда философия хозяйства стала особым, относительно обособленным от других, феноменом, можно увидеть ее истоки.

Политическая экономия, выделяясь из философии, отрицает философию, как общую систему знаний, самым фактом обособления своего предмета. Философию, но не философию хозяйства. Наоборот, это было утверждение философии, но на особом, специфическом поле экономической жизни. Поэтому философия хозяйства в этом формировании политической экономии была содержательно тождественна ей, или, что то же самое, но выражено с отрицательной стороны, ее как особой формы мысли не было, или, что объединяет и то, и другое, политическая экономия была формой целостной версии философии хозяйства (формула Ю.М.Осипова). Как нечто особенное здесь философия хозяйства существовала только в самом обособлении политической экономии, в переходе, на границе, как исчезающий, но в то же время и постоянно появляющийся момент, который есть, но которого в то же время и нет, как во всяком процессе становления.

Философия хозяйства в своем самостоятельном определении появляется только из размышления над тем экономическим содержанием, которое развила политическая экономия. Без политической экономии и вне ее, она не могла бы стать самостоятельной. Только неудовлетворенность политической экономией, ее отчужденностью от человека, критика политической экономии, ее отрицание и выход за ее пределы полагает философию хозяйства как самостоятельный способ познания реальности. В этой диалектике заключено единство и различие предметов политической экономии и философии хозяйства.

И политическая экономия, и философия хозяйства постигают человека в его отношениях к другим людям и окружающему миру. Но политическая экономия делает это в отчужденных формах, в формах предметного бытия человека в объективном мире, который, хотя и создан человеком, но становится независимым от него, более того, подчиняющим себе человека и

господствующим над ним. Стоимость есть не что иное, как материальное бытие человека, его затрат труда в материальном предмете, овеществление труда, превращение его в самостоятельную социальную форму, подчиняющую своему движению всю систему. Стоимость - не предмет, а общественное отношение, реально отличное от предмета, но в то же время неизменно пребывающее в нем, становится для себя самой целью, превращается в капитал, переворачивает субъектно-объектное отношение. И уже не человек есть субъект, а капитал. Он определяет цели человека как капиталиста, рабочего, образ их мыслей, жизненные устремления. Капитал с легкостью заменяет тех, кто плохо ему служит, отбирая посредством разорения, банкротств и т.д. наиболее соответствующих его собственной природе. Он и науку подчиняет себе, заставляя ее искать более эффективные способы достижения его капитальных целей. Процесс хозяйствования человека разлагается на фрагменты, теряет целостность и человечность, превращается в экономику, в которой человек не творец и созидатель, а агент.

Этого не приемлет философия хозяйства. Она тоже изучает человека в его отношениях, но не в материально-предметных формах его бытия, а как субъекта, для которого предметные формы лишь инструменты, средства реализации своих собственных, человеческих целей. Политическая экономия подвергается критике на ее собственном экономическом поле. И формой этой критики есть философия хозяйства. Философия хозяйства, обособилась от политической экономии в начале XX в. (докторская диссертация «Философия хозяйства» С.Н.Булгакова была защищена в 1912 г.), так как именно тогда особенно остро проявилась нечеловеческая и античеловеческая сущность капитала, изучением которого преимущественно занималась политическая экономия.

Таким образом, философия хозяйства, как особый способ постижения реальности, возникает на базе политической экономии как ее отрицание и возвращение к философии, но с учетом результатов пройденного политической экономией пути. На современном этапе развития политическая экономия и философия хозяйства образуют комплементарные основания понимания современного мир-хозяйства, которое содержит в себя как экономику, так и человекотворческое начало, пытающееся овладеть экономикой. Это не поглощение и не зряшное отрицание одного другим, а постоянный взаимообогащающий дискурс.

Изложенное выше понимание политической экономии как основы системы экономических наук можно кратко выразить схематически (рис. 1).

Рис. 1. Политическая экономия в системе экономических наук

Политическая экономия в качестве методологической основы всей системы экономических наук является не абстрактной схемой, годной на все случаи жизни, а живой системой категорий, постоянно взаимодействующей с экономическими и другими науками, обогащающейся и развивающейся. Это способ экономического мышления, врезающийся в хаос экономической жизни и дающий исходные предпосылки для осмысления и упорядоченного изменения реальности.

В современных условиях особое значение приобретают проблемы глобального кризиса, тенденций мировой дестабилизации и ситуации в Украине. Политическая экономия дает логико-историческую основу для адекватного понимания происходящих процессов. Совместно-разделенный труд, как исходное экономическое отношение, развивается через взаимодействие своих сторон (совместности и разделенности) и достигает такого состояния, когда весь мир можно охарактеризовать как разделенно-совместный. Каждый отдельный человек может реализовать себя только через производство благ для других и получение необходимых ему блага от других. Промышленность и сельское хозяйство, строительство и транспорт, наука и культура, разнообразные профессии и сферы деятельности – все это лишь современные формы совместно-разделенного труда. Главная проблема здесь

состоит в том, чтобы обеспечить *соединение обособленных* элементов системы: как найти работу, продать товар, получить деньги, обеспечить сбалансированность бюджетов (семейных, государственных), регионального развития, достичь торговых и платежных балансов стран, эффективно встроить национальную экономику в мировую и т.д.

Сейчас отношения совместности посредством информационно-сетевых и финансовых механизмов переросли границы национальных государств и приобрели форму глобализации, а отношения разделенности приобрели форму пространственно-страновой локализации материальных и трудовых ресурсов, неспособных перемещаться в пространстве со скоростью финансовых потоков и электронных платежей. Конфликтными формами проявления этого противоречия являются глубокие финансово-экономические кризисы в государствах с относительно слабой экономикой внутри интеграционных образований, попытки определенных национально-территориальных единиц получить независимость, требования более глубокой регионализации, противодействие ряда политических сил углублению интеграции стран ЕС, вооруженные конфликты в странах, где концентрируются экономические и геополитические интересы транснациональных корпораций и государств их базирования и др.

Институциональной формой укоренения глобализации является рост роли транснациональных корпораций, а институциональной формой укоренения локализации является усиление значения организационно-экономических структур, которые базируются на определенной территории, и ослабление роли территориально-государственных образований, что может быть квалифицировано как кризис национальных государств.

Транснациональные корпорации имеют существенные преимущества перед национальными товаропроизводителями за счет эффекта масштаба, возможностей использования результатов научно-технического прогресса и т.д. Поэтому их присутствие на рынках менее развитых стран приводит к ослаблению национального производства. Этому препятствуют национальные государства посредством политики протекционизма. Ввиду того, что транснациональные корпорации имеют поддержку государств своего базирования, эти конфликты, часто приобретают межгосударственный характер.

Таким образом, отношения совместности в процессе исторического развития перерастают границы отдельного государства и через транснациональные корпорации, опирающиеся на поддержку своих материнских государств, начинают охватывать все мировое экономическое пространство. Результатом такого процесса является возникновение и развитие

межгосударственных экономических образований. В это же время и во взаимодействии с этим развивается противоположный процесс локализации. Он идет через национальную систему рыночной экономики, пространственную локализацию субъектов хозяйствования, отстаивания интересов национальных производителей и страны в целом в условиях экспансии транснациональных корпораций и государств-глобализаторов.

Диалектика этого процесса такова, что, с одной стороны, транснациональные корпорации постепенно приобретают силу, которая в определенном отношении превышает силу государств, с другой стороны, граждане и экономические структуры становятся все более независимыми от национального государства. Человек, например, может получить образование в одной стране, работать в других странах. Университеты также часто имеют много студентов и преподавателей из других стран, независимое или малозависимое от государства финансирование. Для таких университетов более важное значение имеют местное самоуправление, обустройство местности и надежная работа коммунальных служб, чем отношения с государством. С развитием информационно-сетевой экономики такие тенденции будут усиливаться. Роль национальных государств будет уменьшаться, а роль территориального самоуправления и автономизации возрастать.

Если транснациональные корпорации приходят в менее развитые страны, где производительность труда ниже, а ресурсоемкость выше, то результатом является разорение национальных производителей со всеми дальнейшими последствиями: снижением темпов роста, увеличением безработицы, бюджетного дефицита и дефицита торгового баланса, ростом инфляции и девальвацией национальной валюты и т.д. Поэтому менее развитые государства всегда в таких случаях проводили политику протекционизма. Однако развитие глобализации, ее поддержка международными экономическими организациями снижают возможности оппортунистического поведения национальных государств, даже если они несут существенные потери.

Идеологической основой такой политики является либерализм, доказывающий преимущества свободного рынка. Эти преимущества действительно существуют, если речь идет об экономически равных партнерах, доказывающих свои преимущества в свободной конкурентной борьбе. Но если один существенно сильнее другого, то вместо конкурентной борьбы получается простое удушение. Это все равно, если бы на ринг вышел тяжеловес соревноваться с боксером легкого веса. Исход predetermined и безальтернативен.

Такая примерно ситуация возникла с Украиной. Она имеет существенно более низкую производительность труда и более высокую ресурсоемкость.

Приход крупных транснациональных корпораций, имеющих возможность идти в ногу с научно-техническим прогрессом, пользоваться эффектом масштаба производства и другими преимуществами, в таком случае ведет к деградации национальной экономики. Подписанию соглашений о свободной торговле с более развитыми странами должна предшествовать серьезная работа по техническому перевооружению производств, повышению производительности труда, снижению энергоемкости, совершенствованию технических стандартов, улучшению инвестиционного климата и т.д. Либерализация внешней торговли должна идти в ногу с этими процессами. В противном случае серьезные отрицательные последствия неизбежны.

Современный разделенно-совместный мир должен иметь принципы построения, адекватные его сущности. К ним можно отнести:

1. Принцип учета рефлексивности отношений.

Ни отдельный индивид, ни отдельная страна не может исходить из того, что то, что они делают как самостоятельные субъекты, не имеет никакого отношения к другим субъектам. Современный мир является взаимозависимым. То, что происходит в одной точке социально-экономического пространства, так или иначе отражается и в других точках. Независимость существует лишь как момент взаимозависимости. Но если этот момент начинает приобретать самостоятельность, отрицающую другие моменты, то он превращается в деструктивный элемент.

2. Принцип разделенно-совместного суверенитета.

Страны, вступающие в разнообразные экономические и другие союзы и имеющие право выхода из них, при передаче своих полномочий наднациональным образованиям не теряют, а реализуют свой суверенитет в разделенно-совместной форме. Это касается все видов суверенитетов (народного, экономического и т.д.).

3. Принцип взаимопризнания прав на особенности поведения (стран, регионов, социальных групп и пр.) и наличия общих ограничений.

Все субъекты взаимодействия договариваются о тех правилах и ограничениях, которые не должны нарушаться. Этот же договор означает, что все остальное находится в пределах прав субъектов.

4. Принцип компромиса как главного средства разрешения противоречий.

Интересы субъектов всегда имеют сторону общности и обособленности. Важно понять и признать, что компромис, предполагающий определенные уступки и поиск взаимоприемлемого решения, является нормальным, адекватным современному миру способом разрешения противоречий.

5. Принцип разделенно-совместной ответственности.

Каждый субъект несет свою долю ответственности в рамках совместно-разделенный полномочий.

6. Принцип мирного сосуществования.

Данный принцип является обобщенным выражением предыдущих и фиксирует нацеленность на мирные способы разрешения противоречий и отрицает вооруженный путь.

7. Принцип отрицания отрицания разделенно-совместного существования.

Этот принцип означает, что к тем, кто отрицает разделенно-совместное существование, данные принципы не применяются. Поэтому по отношению к ним возможны иные подходы.

Признание этих принципов как адекватных современному состоянию общества и применение их во всех сферах жизни является условием дальнейшего общественного прогресса.

Список использованной литературы

1. Гриценко А. Институциональная политическая экономия: предмет, методология, содержание. – LAP LAMBERT Academic Publishing.
2. Жиков В.В. Фракталы // Соросовский образовательный журнал. Математика. - 1996. - № 12.
3. Жуков Д.С., Лямин С.К. Фрактальное моделирование социально-политических феноменов и процессов // http://www.ineternum.ru/ineternum/aaa_fractal_centre/pdf/statii/pro_nunc.pdf.
4. Либман А.М. Политико-экономические исследования: обзор и некоторые приложения // Теоретическая экономика. Труды семинара. Книга II. - М., 2008.
5. Олейник А. Политэкономия власти: подходы к анализу отношений между государством и бизнесом в России // Вопросы экономики. – 2011. - № 5.
6. Осипов Ю.М. Вместо предисловия // Ренессанс философии хозяйства. - М.: ТЕИС, 2011.
7. Осипов Ю.М. Моя политэкономическая страда // Философия хозяйства. – 2014. - № 4 (94).
8. О'Хара Ф. Современные принципы неортодоксальной политической экономии // Вопросы экономики. - 2009. - №12.
9. Худокормов Ф.Г. Основные тенденции в новейшей экономической теории Запада // Труды семинара «Теоретическая экономика». - М., 2009.
10. Чекмарев В.В. Разные новые политические экономии // Философия хозяйства. – 2009. - № 5.
11. Mandelbrot B.B. Fractals: Form, Chance, and Dimension. - San Francisco CA and Reading UK: W. H. Freeman & Co, 1977.
12. Mandelbrot B.B. The Fractal Geometry of Nature. - New York US and Oxford UK: W.H. Freeman and Company, 1982.

УДК 330.1

М. И. ЗВЕРЯКОВ,
член-корреспондент НАН Украины,
доктор экономических наук, профессор,
ректор,
Одесский национальный
экономический университет

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДМЕТА И МЕТОДА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Политическая экономия как наука о функционировании и развитии рыночной системы

История экономической науки, как формы теоретического осмысления экономической действительности насчитывает несколько тысячелетий. Но как постепенно складывающаяся система знаний экономическая наука стала приобретать теоретическую форму в работах меркантилистов в начале XVII века вместе со становлением и развитием капиталистического способа производств. Именно меркантилисты в качестве предмета науки пытались рассматривать «законы», т.е. нечто отличное от непосредственной хозяйственной практики, но дающее понимание этой практики. Высочайшим достижением научно мысли стала работа А. Смита «Исследование о природе и причины богатства народов» вышедшая в 1776 году и ставшая одним из основных фундаментов классической политической экономии. В ней предметом становится «природа и причины богатства народов», создаваемые в сфере материального производства. Определение предмета политической экономии как науки о богатстве, включающей законы его производства, обмена, а также распределения, на чем делал акцент Д. Рикардо завершило создание фундамента классической политической экономии. Для классиков было характерно не только обозначение границ предмета, как науке о *законах* производства, обмена, распределения и потребления, материальных благ, но и установление между ними внутренней причинно-следственной связи.

Классическая политическая экономия развивалась как одна из *форм научного знания* о становящемся капитализме. Последний предоставляет науке, в первую очередь науке о природе, возможности действительного

самостоятельного развития. Наука впервые в истории сознательно развивается и применяется во все возрастающих масштабах. При этом уровень развития науки и степень ее технологического применения соответствуют степеням развития самого капитализма. В итоге наука превратилась в *непосредственную производительную силу общества*. Она становится решающим фактором общественного прогресса, а ее практическое применение – главным условием развития общественного производства. Именно прагматизм выступает определяющей формой отношения теории и практики при капитализме. Научное творчество постепенно становится в зависимость от его способности превращаться в полезные капиталу средства его самовозрастания. Капитал приемлет все виды научных знаний направленных на усовершенствование его технологической системы, а также системы отношений работников в производстве, выявление всех экономических и правовых форм и разрешению их противоречий, но всегда в пределах самой капиталистической формы хозяйства. Он не приемлет только одного: критики самого себя как определенной конкретно-исторической формы экономического развития.

В этом суть противоречия социального развития, прежде всего экономической науки её *ограниченности* изучающей социально-экономические законы и формы их проявления. Направления развития науки, в том числе и экономической, обуславливаются непрерывно возрастающими потребностями производства и расширения мирового рынка. Результатом развития науки становятся научные знания, которые включаются в состав натурально-вещественных или организационно-экономических элементов капитала и движутся по его рыночным законам.

Именно такой наукой была классическая политическая экономия. Объективный теоретический анализ капиталистической системы хозяйства совпадал с *общеисторической* тенденцией развития общественного производства. Тем общим, что объединяло всех представителей классической политэкономии – это вопрос *трудовой природы стоимости*, без которой немыслима сама классическая, включая и марксистскую экономическую теорию. Именно в этом пункте развития политэкономия пошла по двум независимым направлениям: трудовая политическая экономия (марксизм) и неоклассическая политическая экономия. Именно, от такого названия отталкивается новая неоклассическая ветвь экономической теории: «Политическая экономия, или экономическая наука (экономикс), - пишет А. Маршалл - , занимается исследованием нормальной жизнедеятельности человеческого общества... »¹.

---

¹ Маршалл А. Принципы экономической науки/ А.Маршалл. – М.: Издательская группа «Прогресс». – 1993. – Т. 1. – с. 56.

Как видим, первый систематизатор неоклассики А. Маршалл использует название «политическая экономия» как синоним экономической науки, которое будет в последствии заменено на «экономикс». А. Маршалл не только изменил название науки, но он отошел и от исходного пункта классической политической экономии без которой, она немыслима, вопроса трудовой природы стоимости. По этому поводу он написал: «Склонность Рикардо придавать чрезмерное значение роли издержек производства при анализе оснований, обуславливающих меновую стоимость, причинила вред делу»². Сказано это было с целью сориентировать экономическую науку с категорией *сущности* ко все более поверхностным формам их проявления и к опоре в познании именно на *видимость*, на практику капиталистического производства. Развитие неоклассического направления экономической теории все более отчетливо приближалось к практике. Именно с этим связано появление и обособление микроэкономического уровня исследований, дальнейшая дифференциация экономического знания, распространение экономико-математических методов при выявлении рыночных зависимостей. Главным предметом теоретического исследования становятся *количественные, функциональные* зависимости рыночного механизма, рассматриваемые в пределах отдельного капиталистического предприятия микроуровень или отрасли (мезоуровень), а также комбинации многих отраслей, связывающие отдельные хозяйственные звенья в единое целое (макроуровень). В пределах того или иного уровня анализа могут исследоваться: выбор характера производственного процесса; виды и структура производства; сферы приложения капитала и его эффективность и т.д. При такого рода исследованиях особое значение приобретают математические методы анализа, позволяющие более глубоко познавать рыночный механизм, создавать модели спроса предложения и их динамики и т. п.

Исследования функциональных зависимостей рыночного механизма приносят знания пригодные для использования в хозяйственной практике. Иными словами, локальные функциональные отраслевые макроэкономические цели, которые ставят исследователи, требует соответствующих средств познания. К примеру, строго ограниченным предметом исследования может стать отдельный фрагмент функционирования предприятия, отрасли или всей национальной экономики и даже мирового хозяйства.

Экономическая наука активно ищет формы движения противоречий в экономике, но всегда в пределах самого рыночного хозяйства, которое представляется единственно возможной формой организации общественного производства вообще. В этом состоит с одной стороны специфическое

---

² Там же – с. 148.

понимание понятия *историзма* неоклассической экономической наукой и практикой.

Наука нацелена на выяснение закономерностей *функционирования* рыночной системы, вместе с тем, опускается задачу исследования закономерностей ее дальнейшего *развития*. В этом пункте понимание неоклассика совпадает с классической политической экономии. Последняя по своему предмету была политической экономией капитализма, которая занималась изучением закономерностей его *функционирования*, а не *развития*.

Неоклассическая теория характеризуется особым характером отношения теории и практики. Сама повседневная практика рыночного хозяйства нуждается в такой науке, которая была бы способна разрешать экономические и социальные противоречия на собственной основе. Вполне очевиден ограниченный во времени характер таких решений. Вместе с тем он формирует особое прагматическое качество самого научного знания. Это качество коренится в особом конкретно-историческом понимании общества, естественной формой, которого выступает существующее рыночно-капиталистическое хозяйство.

В отличие от естественно-научной сферы знаний, содержание которой не исчерпывается прагматическим характером в рамках капиталистического хозяйства, а имеет всеобщее, непреходящее значение, общественная наука находится в ином положении. Беспристрастной социальной наукой может быть при попытке поиска *истины* и создании теоретической картины действительности.

Именно поиском истины, т.е. выявлением и исследованием закономерностей *функционирования* становящейся капиталистической рыночной системы занималась классическая политическая экономия от В. Петти до Д. Рикардо и Д.С. Милля. Классикам удалось впервые в истории науки создать теоретическую картину действительности, сыгравшую принципиальную роль в возникновении марксизма, а также неоклассики.

Политическая экономия и хозяйственная практика

Когда же теория стремится приспособиться к обслуживанию практики, а не к ее научному осознанию, т.е. превращению ее в научно-осознанную, тогда она достигает единства с практикой лишь по видимости.

При ложно понимаемой практичности теории игнорируется различие между теоретическим способом подхода к действительности на основе понимания сущности экономических процессов и эмпирическим подходом, имеющим ограниченную цель и подчиненным конкретным нуждам практики, описывающим экономические факты без исследования причин их

возникновения и дальнейшего развития. Иными словами научная мысль неоклассиков тоже занимается поиском закономерностей, но лишь на уровне *явленческих* отношений, где «причины» и «следствия» связаны функциональными зависимостями и постоянно меняются местами. (Например, детерминантой спроса является цена, а последняя зависит от спроса.)

При таком теоретическом подходе практика лишается одной из главных своих черт: возможности быть понятой, *научно осмысленной* исходя непосредственно из сущности предмета, который преобразуется в ходе практического действия. В свою очередь теория лишается своего существенного свойства – превратиться в *метод* и *способ* научно осознанных практических действий. Если практика рассматривает теорию как момент обслуживания себя самой, то она не способна критически относиться к своим сложившимся формам. Научная рефлексия такой практики принимает форму *эмпиризма*.

Природа эмпиризма покоится на иллюзии, что сущность практической деятельности может быть раскрыта в описании экономических фактов, статистических данных или хозяйственных действий, а не в их критическом анализе.

Однако, чтобы собирать и обобщать факты исследователь должен обладать определенным представлением о возможности некой связи явлений хозяйственной жизни. Само это представление должно основываться на определенных теоретических знаниях, которые дают понимание того признака, по которому совершается отбор. Теория рассматривается с самого начала исследования как нечто противоположное эмпирическим фактам, которая стремится проникнуть в сущность предмета, т.е. уйти за пределы видимости. Понимание сущности экономических фактов, с помощью теории дает возможность видеть внутреннюю связь между хозяйственными внешними формами. Эмпиризм отрицает признак «*всеобщности*», которым обладает теоретический взгляд на экономические факты, сковывает научную мысль теми свойствами и характеристиками изучаемого предмета, которые присущи для данных, но вместе с тем и ограниченных форм практики. Признак, по которому совершается сбор и анализ фактов, должен быть *существенным* для них, иначе их изучение не будет иметь никакого научного значения.

Демонстрируя тесную связь теории с практикой, эмпиризм регистрирует и описывает экономические факты без их критического анализа. Но истинная связь теории и практики существует лишь там, где происходит реальное проникновение в сущность исследуемого предмета, не ограничиваясь видимостью. Именно открытие *собственной природы* исследуемых фактов их возникновение и развитие характеризует теоретический уровень анализа.

Единство теории и практики достигается тогда, когда практическое действие исходит из *сущности* предмета, на который оно направлено. Такое действие носит научно осмысленный характер и теоретически становится сущностью *практического действия* его собственным внутренним моментом, его инобытием. В таком случае сама практика выступает как теоретически осмысленная. Именно в таком, состоит *сущность* практики, т.е. в открытии ее собственной природы и собственных *законов*.

Изменение в конце прошлого века А. Маршаллом названия науки с политической экономии, которое она имела с 16 века на «экономикс», обусловлено изменением приоритетов научных исследований, своеобразным пониманием предмета.

У А. Маршалла можно найти несколько определений предмета экономической науки. Вначале он отождествляет политическую экономию и «экономикс». «Политическая экономия или экономическая наука (экономикс) - пишет автор, ... изучает ту сферу индивидуальных и общественных действий, которая теснейшим образом связана с созданием и использованием материальных основ благосостояния»³.

Как видим, в этом определении существует преемственность с взглядами классиков, рассматривающих политическую экономию как науку о *богатстве* страны. Однако эта преемственность не означает, что предмет науки остался в границах производств, обмена, распределения и потребления национального богатства.

Предметом науки становятся *функциональные* и *корреляционные* зависимости. Например, у самого А. Маршалла доминирует интерес к функциональным зависимостям: «предметом ее (экономической науки – М.З) исследований является главным образом те побудительные мотивы, которые наиболее сильно и наиболее устойчиво воздействуют на поведение человека в хозяйственной сфере его жизни»⁴. Постепенно формируется понимание предмета экономической науки как теории рационального выбора, максимизирующего выгоду субъектами из множества альтернативных возможностей. Оно доминирует в настоящее время в экономической литературе. Приведем определения предмета экономической науки данное первым лауреатом нобелевской премии по экономике П. Самуэльсоном. «Экономическая теория есть наука,- пишет автор, - о том, какие из редких производительных ресурсов люди и общество с течением времени, с помощью денег ими без их участия, избирают для производства различных товаров и распределения их в целях потребления в настоящем и будущем между

³ Маршалл А. Принципы политической науки / А. Маршалл. - М., 1993. - Т. 1. - с. 56.

⁴ Там же с. 69

различными людьми и группами общества»⁵. Как видно из приведенного определения акцент делается на рациональном использовании ресурсов.

Предмет экономической науки определяется методом исследования. Но в свою очередь метод определяет не только предмет, его структуру, но и границы последнего. Остановимся на этом более подробно.

Особенности метода экономической теории

Неоклассическая теория в качестве метода научного исследования использует инструменты формальной логики: индукция, дедукция, математическое моделирование и т.д. Эти методологические инструменты позволяют наглядно продемонстрировать *структурно-функциональные* связи в рыночной системе хозяйствования. Они не только обладают определенным познавательным потенциалом познания, но и придают исследуемому предмету определенную строгость, характерную для естественных наук. В современных исследованиях западных экономистов проблема метода экономической науке является предметом научных дискуссий. Тем не менее, при отсутствии «всеобщего консенсуса» все же просматривается общее мнение, что «экономические исследования должны быть ограничены эмпирически проверяемыми положениями»⁶.

Таким образом, основным требованием к методу познания является условие принципиальной проверяемости научного знания, его верификации посредством эмпирических данных. Такой метод «логического позитивизма», идущий от К. Поппера, встречает справедливую критику. Его слабым местом является невозможность эмпирически верифицировать всю сложную, многоуровневую структуру такого предмета, как экономическая система национального хозяйства. Такая методология не предполагает целостного отражения предмета. Она может быть применима лишь к локальному массиву данных и фиксирует структурно-функциональные связи между ними. Поскольку экономические явления имеют *количественную* определенность, поскольку математический инструментарий позволяет глубже и точнее понять такую определенность, расширяя тем самым познавательные средства науки.

Однако, экономические явления имеют и *качественные* характеристики, отражающие их содержание. Процесс познания объекта невозможен без анализа его качества. Но для этого необходимо исследовать причинно-следственные связи, сущность предмета, установить *различие* между его невидимыми сущностными характеристиками и внешними формами

⁵ Самуэльсон П. Экономика / Э. Самуэльсон. - М., 1964. - с. 25.

⁶ Блауч М. Несложный урок экономической методологии / М. Блауч // THESIS. Научный метод. - СПб., 1994. - Т. II. - Вып. 4. - с. 56.

проявления. Здесь структурно-функциональный метод превращается в *границу* познания, поскольку он способен анализировать только готовые, застывшие экономические формы.

Преодоление анализа статистического состояния экономических форм, отображение непрерывно меняющейся действительности, способен осуществить *диалектический метод* познания. Этот более универсальный метод познания, раскрытый великим философом Гегелем в конце XVIII - начале XIX в. был применен к предмету политической экономии К. Марксом в середине XIX в.

Метод только тогда оказывается результативным, когда в нем запечатлены существенные характеристики исследуемого предмета. Когда он наиболее полно отражает предмет, тогда с помощью мысли можно проникнуть в него и понять его общие и отличительные черты от остальных предметов.

Поскольку развитие экономической жизни, как и других сторон объективного мира, включает два взаимосвязанных процесса: первый-воспроизводство форм экономической жизни с *сохранением* их сущности; и второй - процесс *развития* экономических форм с изменением прежних сущностей.

Процесс воспроизводства сохраняющихся сущностей имеет свои пределы – это полная реализация заложенных в них потенций. В процессе воспроизводства постепенно накапливаются новые фрагменты, изменяющие сущность. Именно *единство сохранения и изменения* сущностей экономических форм и составляет суть диалектического развития.

Таким образом, логика развития состоит из логики сохранения сущности и логики изменения сущности.

Отсюда следует, что сохранение сущности предмета дополняется процессом количественных изменений в пределах этой сущности. В результате единое целое *раздваивается* на противоположные стороны. Взаимодействие этих противоречий порождает своеобразные *посредствующие звенья*, в функцию которых входит разрешение противоречий. Эти посредствующие звенья называются *превращенными формами*. Превращенный – это перешедший в другие состояния, ставший чем-то другим. Возникшие превращенные формы создают форму движения предмета и, в конечном счете, являются источником его развития.

Различие методов исследования политической экономии и неоклассики в форме «экономикс» привели к тому, что сами границы предмета, его структура стали существенно *различными*. В неоклассических теориях экономика представляет однородную, не дифференцированную структуру составные элементы этой структуры связаны функционально прямыми и обратными

зависимостями. Что же касается генетических, причинно-следственных связей, то в пределах однополюсной, т.е. нерасчлененной на противоположности невозможно определить логику *развития* экономической системы. Диалектический метод снимает ограниченные возможности структурно-функционального метода. Он ассимилирует в себе формально-логический метод, характерный для экономикс и продолжает оставаться «Всеобъемлющей схемой изменения любого естественно-природного и социально-экономического материала...»⁷. К сожалению, экономическая наука до сих пор не освоила этот методологический инструментарий.

---

⁷ Ильенков Э.В. Диалектическая логика / Э.В. Ильенков. - М., 1974. - с. 5.

П. С. ЄЩЕНКО,
*доктор економічних наук, професор,
професор кафедри економічної теорії,
макро- і мікроекономіки,
Київський національний університет
імені Тараса Шевченка*

РЕТРОСПЕКТИВА ТА ПЕРСПЕКТИВА ПОЛІТИЧНОЇ ЕКОНОМІЇ

Об'єктивну оцінку будь-яким явищам суспільного життя, факторам, що на нього вплинули і впливають, у тому числі науковим знанням, можуть дати конкретні результати, які віддалені від нас у часі. Для політичної економії¹, якій виповнилося 400 років, такими у концентрованому відображенні є розвиток народного господарства, його динаміка і структурні зміни, ефективність живої і уречевленої праці, покращення соціально-економічного благополуччя людей, створення екологічних і суспільних умов для їх саморозвитку. Разом з тим історичний досвід переконує і в тому, що як наші попередники, так і наші сучасники, представляючи різноманітні економічні думки та школи, які виникали та виникають у сфері економічної теорії, неоднаково оцінюють різні епохи, періоди розвитку тієї чи іншої країни.

Не виникає сумнівів, що Істину, як у науці в цілому, так і в економічній теорії зокрема, необхідно шукати у всій її суперечливості. Адже цілком очевидно те, що як не існує абсолютної істини, так не існує і єдино вірної та правильної економічної науки на всі часи. Життя переконує, що всі економічні теорії мають свої достоїнства та недоліки, які знаходять свій прояв зі знаком плюс чи мінус за різних умов та рівнів розвитку тієї чи іншої країни. Багатолітня світова господарська практика тому є свідком, що дозволяє зробити висновок: ніколи не існувало та й не існуватиме єдино правильної на всі часи

---

¹ Термінологічне визначення науки, що вивчає закони господарського життя, таких її складових, як предмет, функції, структура та логіка викладання нині, як і багато років тому, знаходиться в центрі уваги дослідників. Останні в залежності від ступеню економічного розвитку людства, філософських поглядів на суспільне буття, зрілості інших гуманітарних наук по-різному називали науку, що вивчає господарське (економічне) життя суспільства. Ксенофонт і Аристотель уперше вводять у науковий оборот поняття "економіка". Разом із тим Аристотель вживає і таке поняття, як "хремастика", "соціальна фізика", в Італії, Австрії Німеччині (XV–XVIII ст.) – "камералістика", А.Монкретьєн (1615 р.) – "політична економія", В.Уотлі (1831 р.) – "катталактика", В.Джеванс (1871 р.) – "економікс".

економічної концепції. У цьому контексті важливе значення має сучасна оцінка історичного шляху політичної економії, її ролі та місця в системі економічних наук і розвитку людського суспільства, який її науковий та освітній потенціал у сучасному світі.

Оцінка історичного шляху політичної економії, і в якій мірі її розвиток відповідає сучасним викликам

Якщо розглядати досвід виникнення та розробки політичної економії з позицій тисячоліть і 400-річного розвитку після її започаткування, то цей досвід, природно, невеликий. Але він є і достатньо повно відображений у наукових працях всесвітньо відомих вчених, у тому числі Антуана де Монкретьєна, Франсуа Кене, Адама Сміта, Давида Рікардо, Карла Маркса, Торстена Веблена, Джона Мейнарда Кейнса, Йозефа Алоїза Шумпетера та ін..

Особливої уваги для науковців нашої країни заслуговує становлення та розвиток економічної науки, починаючи з 20-х років минулого століття. Адже цілком зрозуміло, що для наукового обґрунтування майбутнього необхідно знати минуле не лише далеких і близьких країн світу, а й минуле нашої країни. А у нас чомусь робиться акцент на вивченні переважно інших країн, не достатньо враховуючи при цьому рівень розвитку національної економіки, гео економічне розташування країни, менталітет її народонаселення, його традиції і т. ін.. При такому підході до досліджень в економічній теорії висувуються і "обґрунтовуються" пропозиції і рекомендації для розвитку народного господарства країни, які його стримують і деформують, а не розвивають.

Свідченням цьому є кризовий стан економіки в Україні, де криза вирує понад двадцять років. Неадекватність існуючих численних концепцій виходу із кризи й майбутнього економічного розвитку є однією з причин існуючої реальності. Практично всі такі концепції в Україні та пострадянських країнах по суті своїй зводяться до двох крайніх варіантів: перший кличе назад, у командно-планову економіку, що явно не прийнятно по багатьом відомим обставинам; а другий малює гарну, але зовсім ідеалістичну картину чистої ринкової економіки, якої в такому вигляді ніколи ніде не було, немає й ніколи не буде. Більшість же наявних розробок еkleктичні й позбавлені внутрішньої наукової логіки, що зумовлено, на наш погляд, невизначеністю як з назвою економічної теорії як науки, так із її предметом, а звідси й нехтуванням дії об'єктивних економічних законів, будь-якими обґрунтуваннями економістами, їх пропозиціями в господарській практиці. І це вже, на превеликий жаль, стає традицією в нашій країні.

У 20-ті роки минулого століття багато економістів відкидали можливість існування об'єктивних економічних законів у соціалістичному суспільстві. Аргументи зводились до того, що оскільки капіталізм відійде у минуле, остільки не діятимуть об'єктивні економічні закони, то не існуватиме і політичної економії як науки. Один з керівників нової держави та її теоретик М.І. Бухарін, як і теоретики 2-го Інтернаціоналу, вважав, що політична економія, тобто теорія господарювання з її основними поняттями: товар, цінність, ціна і т. п. - носять історичний характер і в плановому соціалістичному господарстві не буде предмету з політичної економії, вона буде замінена економічною політикою [1,с.150-151; 157-158]. М. Бухарін вважав, що положення К. Маркса про те, що економіка визначає політику, є правильним. Проте треба мати на увазі, що в умовах диктатури пролетаріату, яка являє собою могутність комбінованої політичної сили та економічно-господарської сили робочого класу, в політику входить значною мірою економіка, тому що в структурі нашої державної влади вже містяться важливі економічні фактори, у тому числі і командні висоти [2,с.138-139]. На подібних позиціях стояли А. Кон, А. Стецький та інші відомі економісти. Характерним було твердження М. Вознесенського, який відзначав, що на зміну стихійним законам у соціалістичну економіку ввійдуть нові закони, "усвідомлені та свідомо сформовані пролетарською державою". Націоналізація засобів виробництва розглядалася ним як революційний перехід "від епохи стихійності економічних законів до епохи економічних законів, свідомо встановлених правлячим пролетаріатом"[3,с.45]. Є. Преображенський обґрунтовував, що політична економія поступиться своїм місцем соціальній технології, тобто науці про соціально організоване виробництво[4]. Викладання політичної економії в зазначений період було по окремих темах капіталістичного способу виробництва (товар, гроші, додаткова вартість, нагромадження, відтворення та ін.). У 1919-1920 рр. програма з політичної економії Комуністичного університету імені Я.М. Свердлова передбачала лекції по капіталізмі, імперіалізмі, а потім дві лекції по питаннях ліквідації капіталістичної системи і про соціалістичну революцію. Але у програмі 1921-1922 рр. останні дві теми було випущено. На думку А. Кона, "Курс політичної економії став тим, чим він повинен бути - курсом теорії капіталістичного суспільства". У березні 1924 р. економічна кафедра зазначеного університету включила до предмету політичної економії питання як капіталізму, так і економіки перехідного часу господарства СРСР[5, с. 273].

У середині 30-х років ХХ століття догма, згідно з якою економічним законам немає місця при соціалізмі, в основному була подолана і стала широко обговорюватися необхідність розробки політичної економії в широкому сенсі

слова. Серйозного удару по суб'єктивістському розумінню дії економічних законів нанесла наукова дискусія на початку 50-х років. З того часу домінуючим стало положення, що при соціалізмі, як і в будь-якій суспільно-економічній формації, діють об'єктивні економічні закони, хоча соціальна природа їх інша, ніж при капіталізмі. За умов соціалізму економічні закони можуть і повинні використовуватися свідомо, планомірно, в інтересах усього суспільства. Такий висновок був не лише значним кроком уперед, але й став стимулом для розвитку політичної економії як науки в Радянському Союзі.

Подоланню “кінця” політичної економії в нашій країні сприяло в 1943р. введення викладання у всіх навчальних закладах обов'язкового курсу політичної економії. У 1954 р. було надруковано перший підручник з курсу “Політична економія”, в якому розглядалися докапіталістичні формації, досить детально капіталізм та імперіалізм, значний розділ було присвячено соціалістичному способу виробництва, в якому поряд із досвідом Радянського Союзу аналізувався досвід інших соціалістичних країн.

Втілювана в господарську практику економічна теорія в СРСР у 60-ті роки минулого століття почала стримувати соціально-економічний розвиток. Причиною цього вважалось те, що в системі соціалістичних виробничих відносин недооцінювалась така важлива ланка, як виробничий колектив і його інтереси. Тому намагалися діючі адміністративні методи керівництва доповнити економічними. З цією метою в 1965 р. було переведено підприємства на повний госпрозрахунок, який передбачав використання прибутку для його стимулювання, а також і людей, що на ньому працюють. Це дало певний поштовх для економічного зростання країни. І тим не менше, реалії життя переконали в тому, що питання взаємодії економіки і політики в умовах оновлення соціалізму виявилися не розв'язаними. Зумовлено це було тим, що політична економія соціалізму як наука була надмірно заідеологізованою, базувалася на незмінних постулатах: автоматичного, синхронізованого розвитку виробничих відносин та продуктивних сил, державної власності та одноорганізованої системи господарювання, моносуб'єктності виробничих відносин, звуженому колі економічних інтересів, необхідності підпорядкування особистих і колективних інтересів загальнонародним і т. п. Це, з одного боку, стримувало розвиток економічних питань, що мали велике практичне народногосподарське значення. Зазначимо лише деякі з них: місце економічної політики, суб'єктів, що її формують у економічному житті; врахування в економічній політиці наявності багатьох економічних інтересів, їх кількісного відображення, суперечностей між інтересами та всередині кожного з них; роль об'єктивних суперечностей економічних законів у механізмі господарювання, взаємодії останнього з

політичною надбудовою. А з другого боку, це відривало економічну теорію від потреб практики і через здійснювану політику деформувало економічне життя суспільства.

Перебудова, яка почалася в середині 80-х років минулого століття в СРСР, передбачала змінити модель суспільного устрою з монополізованою економікою і політикою, здійснюваною державою і партією, а вірніше, їхнім вищим керівництвом. При цьому скоріше свідомо, чим не свідомо, нехтувалося те, що зосередження в руках держави домінуючої частини засобів виробництва, наданій їй можливості вирішувати по суті всі питання економічного і соціального розвитку призвело до формування корумпованої авторитарно - бюрократичної системи². Остання створила адекватні їй методи і форми роботи, а також органи в усіх сферах, у тому числі й економічній. Дана система безперервно добудовувала органи, яких їй не вистачало. Ну, а остання, як відомо, своєї природи не змінює. Коло замикається. Відбуваються зміни в самому колі.

За даних умов апарат перетворює політику на зняряддя, яке слугує розвитку самої державної системи, її бюрократизації. Остання через апарат чиновників і відповідний інструментарій управління вимагає неухильного підпорядкування особистих інтересів державним, які ототожнюються з суспільними, а по суті були вузькогруповими, оскільки відображали інтереси

² Хибним є уявлення, що з переходом планово-директивної моделі економіки до ринкової моделі корупція зникає. Це ганебне явище охоплює наче гігантський спрут всі економіки світу. На порозі ХХ століття ОЕСР проголосила одним з вищих своїх пріоритетів боротьбу з корупцією. У листопаді 1997 р. організація прийняла Конвенцію по боротьбі з хабарами іноземним посадовим особам при здійсненні міжнародних комерційних справ. Цей документ зобов'язував учасників Конвенції застосовувати санкції до причетних у підкупі чиновників і компаній. У лютому 1999 р. Конвенція набула чинності. У 2014 р. до неї приєдналися всі 34 держави-члени ОЕСР, у тому числі Німеччина, а також Росія й ряд інших країн (усього 41 країна).

Уперше за час дії Конвенції, експерти ОЕСР проаналізували 427 виявлених раніше корупційних випадків, що мали місце в період з лютого 1999 р. по червень 2014-го. Перший висновок, до якого прийшли експерти: чим крупніша компанія, тим частіше їй доводиться давати хабарі іноземним посадовим особам. Причому в 41% випадків хабарі даються із санкції керівника компанії, а в 11% випадків – особисто ним самим. Другий висновок: всупереч широко поширеній думці, що хабарництво властиве, в основному, економікам країн, що розвиваються, фактично ж найчастіше це явище зустрічається саме у високорозвинених країнах.

Як відзначено в доповіді ОЕСР, метою підкупу найчастіше є бажання підрядника вести бізнес із державними підприємствами або компаніями, контрольованими державою. Тому лідерами "топа" отримувачів хабарів є посадові особи держкомпаній (57%), причому в 5% випадків хабарі одержували міністри й керівники різних урядових фондів. На подальших місцях відповідальні співробітники митних і податкових органів (12 і 6% відповідно), за ними йдуть працівники системи охорони здоров'я й оборонних відомств.

Щорічний Індекс сприйняття корупції (ІСК) вимірює сприйняття корупції в державному секторі різних країн. Індекс складається на основі даних опитувань, проведених серед експертів і в ділових колах за спеціальною методологією. У рейтингу-2014 країни світу оцінюються за шкалою від 0 до 100 балів, де нуль позначає найвищий рівень сприйняття корупції, а сто – найнижчий.

Перші три місця в загальному рейтингу 174 країн зайняли Данія, Нова Зеландія й Фінляндія (92, 91 і 89 балів відповідно), Німеччина на 12-му місці (79 балів), США на 17-му (74), Ізраїль на 37-му (60), Туреччина на 64-му (45). По країнах колишнього СРСР картина така: Естонія на 26 місці (69 балів), Литва на 39-му (58), Латвія на 43-му (55), Грузія на 50-му (52), Вірменія на 94-му (37), Молдова на 103-му (35), Білорусія на 119-му (31), Азербайджан і Казахстан розділили 126 місце (по 29 балів), Росія й Киргизія на 136-му (27), Україна на 142-му (26), Таджикистан на 152-му (23), Узбекистан на 166-му (18) і Туркменістан на 169-му (17). Див.: Корупція по-прежньому живе всіх живих [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/96596/>

тих або інших відомств. Це й стало, з одного боку, важелем перерозподілу державної власності на користь тих, хто очолював відомства, підприємства, працював у різних гілках влади, а з другого – падінням темпів економічного і соціального розвитку країни та її розпаду.

Серед причин кризових явищ в економіці СРСР певну відповідальність несе й політична економія соціалізму. В силу комплементарного характеру вона схвалювала будь-які господарські рішення, закривала очі на недоліки та суперечності реальних процесів, для неї характерним був дефіцит правди. У суспільних науках, у тому числі політичній економії, сформувався свій механізм гальмування.

Некомпетентність в економічній теорії знаходила свій прояв у політичних рішеннях, які або не відповідали об'єктивним закономірностям розвитку суспільства, або приймалися з великим запізненням. Це перетворювало економічну політику на гальмо економічного зростання, соціального прогресу суспільства, оскільки волонтаристська політика через господарський механізм повертається в економіку. Така взаємодія економіки та політики має своєрідну особливість, яка полягає в тому, що деформація в економіці відбувається в розширеному масштабі. З таким відтворенням, на жаль, ми постійно зіштовхуємось, у тому числі й в останні 23 роки, коли Україна стала на шлях самостійного розвитку.

Незважаючи на всі суперечності і недоліки, які мали місце в розвитку економічної науки, за 400 років існування політичної економії було встановлено ключові її компоненти, економіку почали розглядати як систему, що діє через ринковий обмін, значить, через ціновий механізм. Все це є незаперечним позитивом молоді науки. Разом з тим людство все більше переконується і в тому, що багато економічних теорій і прогнозів виявилися хибними через неадекватну оцінку реального розвитку подій, що відбулися на рубежі тисячоліть і стали причиною стагнації світової економіки та погіршення соціально-економічного стану переважної частини людей світу. Отже, ретроспективний погляд у минуле не дозволяє однозначно оцінити політичну економію як науку.

Криза економічної науки та її вплив на господарське життя

На порозі XXI століття світова економіка зіштовхнулася з безліччю складних проблем, викликаних першою в історії людства глобальною фінансово-економічною кризою 2008-2009 років, яка суттєво потрясла всю світову капіталістичну систему й одержала назву нової Великої депресії. Значна частина глобальної економіки й сьогодні залишається в стані стагнації, незважаючи на введення “режиму строгої економії” (austerity) в більшості країн. Суть цього режиму полягає в перекладанні основної ваги рецесії на плечі

тих, хто найменше винний у її причинах і наслідках, тобто на людей праці. Тому лікування хворої економіки збанкрутіними неоліберальними засобами й методами виявилось для них і для економіки дорожче самої хвороби.

У цьому контексті міжнародний журнал "Social Research" у своєму недавньому спеціальному випуску "Провалена економічна теорія, але незмінна економічна політика" відзначав: "Сьогодні, перебуваючи далеко від відновлення економічного росту, ми знаємо, що скорочення урядових видатків на освіту, соціальний добробут, пенсійне забезпечення, охорону здоров'я, інфраструктуру й багато інших програм прискорило економічний спад і обумовило повільне неадекватне відновлення економіки. Але режим строгої економії, що спонукається суперечливою економічною теорією й специфічною політикою, залишається в центрі економічної політики, результатом чого є неадекватний економічний ріст, мільйони втрачених робочих місць, незважаючи на те, що громадяни волають до урядової допомоги й багато економістів наводять докази на користь збільшення суспільних видатків та інвестування з метою стимулювання росту" [6.1, р. XXV].

Невтручання неоліберальної держави в економіку, вірніше її втручання в інтересах багатих, призвело до зменшення частки доходів нижніх 95% населення США з 79% у національному особистому доході в 1980 р. до 74% в 1989 р. і до 66% в 2007 р. [7]. Всупереч міфам про те, що в США кращим вважається уряд, який менше управляє, факти говорять про інше. Проведене міжнародною соціологічною службою CNN/ORC 5 лютого 2014 року опитування показало, що майже 7 з 10 американців поділяють думку про те, що уряд США повинен вжити заходів до звуження прірви в доходах між багатими й бідними [8].

Разом із крахом економіки у світі капіталу зазнала фіаско й західна неоліберальна економічна теорія, що, мабуть, повинно було спричинити відмову від цієї "похмурої науки", як її найчастіше називають в університетських колах. Однак нічого подібного ні в США, ні у Великобританії, що були піонерами в насадженні неолібералізму, ні в інших західних країнах не відбулося. Чому? Відповідь на це питання дає американський економіст Дин Бейкер, який пише: "Протягом останніх трьох десятиліть праві були зайняті реструктуруванням ринків таким чином, щоб вони перерозподіляли доходи нагору. У результаті з'явилося дивовижне збільшення нерівності, оскільки найбагатший один відсоток населення одержав більшість вигід від економічного росту в цей період" [9, р. 374]. Яскраву уяву про масштаби цієї нерівності дає новітня інформація про те, що 85 найбагатших людей на нашій планеті володіють сьогодні таким же багатством, як 3,5 млрд. землян [10]. Подібна тенденція зберігатиметься і в майбутньому. Голова Oxfam

Уінні Бьянїма заявила, що нерівність у світі досягла небачених масштабів, і розрив між найбагатшими та найбіднішими продовжує стрімко зростати. До 2016 р. 1% населення Землі буде багатшим 99% [11].

Останнім часом у науковому середовищі росте визнання неадекватності ортодоксальної економічної теорії викликам нашого часу, що реальні проблеми нинішньої економіки лежать у затвердженні стандартної економічної теорії про те, що нерегульовані ринки нібито ведуть до ідеальних соціальних результатів. Однак альтернативні моделі розвитку усе ще не зустрічають підтримки в університетських і ділових колах, у коридорах влади й засобах масової інформації [12, р. 653]. Разом з тим точки зору, що конкурують, займають усе більш важливе місце в економічному дискурсі, у т.ч. на пострадянському просторі. Суть дискусії, що найбільше гостро відбувається сьогодні, – пошук (у теорії й на практиці) нової соціально-економічної моделі розвитку суспільства. Одна із складових формування нового обличчя суспільства зводиться до того, щоб об'єктом економіки стала людина, а не прибуток. Зрозуміло й те, що перехід до подібної моделі можливий на базі нової парадигми, тобто зміни теоретичних поглядів на закони розвитку суспільства, у т.ч. економіки.

Парадигми, використовувані в господарській практиці останні 40 років, не дозволяють розкрити сутнісні характеристики й рушійні механізми світової економіки. Більше того, вони спрямовані не на відновлення моделей економічного розвитку, а на їхню консервацію з відносинами, що ствердилися, в першу чергу власності й характером присвоєння.

Дискусія про кризу сучасної неокласики перебувала в тіні в період, починаючи з розпаду соціалістичної системи до глобальної економічної кризи. Причиною цього була не ефективність даного наукового напрямку, як і ринкової моделі економіки, а розширення ринку збуту для країн розвиненого капіталу за рахунок постсоціалістичних держав. Перші просто “скинули” різного роду ширвжиток на новоутворені національні ринки.

Розпад глобальної економічної кризи відновив дискусію про методологічні проблеми економічної науки. Це було спричинено загостренням боротьби за захоплення ринків, зокрема в розвинених країнах. У поле цієї боротьби дедалі більше втягується європейський ринок. Його хочуть поглинути США, де рівень конкуренції вище і відчувається гострий брак попиту як усередині країни, так і на ринках інших країн, де вони присутні. Розв'язати ці проблеми, на думку аналітиків, можна або шляхом глобальної війни, або проникненням на великий ринок, яким є європейський.

Вихід із глобальної економічної кризи ні першим шляхом, ні другим здійснити не можна, його можна лише відкласти на деякий часі. Подолання світової кризи вимагає ретельного наукового аналізу чинної моделі економіки і

моделі глобалізації, їх рушійних сил і суперечностей. Зрозуміло, що такому аналізу перешкоджають не тільки сильні світу цього, а й учені-економісти, які репрезентують сучасну неоліберальну теорію. Остання не лише стоїть на захисті існуючої системи, а і сформувала стереотип залежності людини від системи, до якої вона звикла і не хоче втратити цінності, що склалися, зокрема гроші, прибуток, кредит тощо.

Здійснювана економічна політика, в основі якої лежить мейнстрим, знайшла свій прояв у господарській практиці, наслідком чого і стала глобальна економічна криза. Усе це дає підстави стверджувати, що політика стає рушійною силою розвитку суспільства і людини, коли вона є науково обґрунтованою. Такою є політика, яка базується на законах, що об'єктивно діють, ураховує різноманітні інтереси суспільства, передбачає різні варіанти рішень і свободу вибору.

Сьогоднішня ситуація викликає тривогу не лише в наукових колах, а і серед освічених людей, зокрема у молодого покоління. Студенти 37 асоціацій економіки з 19 країн у своєму зверненні заявили: “У кризі перебуває не лише світова економіка, а й економічна теорія.., і ця криза несе свої наслідки далеко за межі університетських стін. Те, чого навчають в університетах, формує свідомість наступного покоління, яке задає тренд і таким чином формує обличчя суспільства, в якому ми живемо. ...на часі переглянути те, як викладають економічну теорію. Ми не задоволені різким звуженням навчальної програми, яке відбувається впродовж останніх двох десятиліть. ...відсутність інтелектуальної різноманітності не лише стримує процес освіти і наукових досліджень, а й обмежує наші можливості в боротьбі з різними викликами ХХІ століття, починаючи від фінансової стабільності й закінчуючи забезпеченням продовольчої безпеки і зміною клімату. Світ має приділяти більше уваги вивченню цієї дисципліни, а також дискусіям і плюралізму теорій і підходів. Це допоможе відновити цей предмет і в кінцевому підсумку створити простір, у якому можна буде знайти рішення проблем суспільства”[13]. Незадоволеність студентів зрозуміла. Підручники з економічної теорії, яких сотні в обороті, здебільшого представляють особисту точку зору автора або кафедри, які його підготували. При цьому нерідко “забувають” нагадати, що існують й інші точки зору. Вадю багатьох підручників є і те, що в них лише фіксуються явища, нерідко в догматичній формі, вони радше є словниками або довідниками. Причини неадекватності теоретичних знань реаліям сучасного економічного життя і знанням студентів, як і більшості тих, хто формує економічну політику і керує господарським життям, слід шукати як у підручниках з економічної теорії, так і в самій економічній теорії, її структурі. Структура курсу

економічної теорії є відображенням рівня розвитку економічної науки даного періоду та іншою бути не може.

У нинішніх умовах, незважаючи на різноманітність теоретичних підходів, іноді несумісних один з одним, науку про економіку слід подавати студентам як сукупність теоретичних знань. Саме вони містять пояснення фактів, їх осмислення, узагальнення. Лише теоретичні знання формують наукове розуміння дійсності, її минулого і сьогодення, дозволяють прогнозувати майбутнє. Разом із тим наука завжди є біднішою за життя. Вона оперує загальними поняттями і явищами, яких, безперечно, в житті немає. Водночас наука є багатшою за життя, бо дозволяє зрозуміти його сенс, зміст, напрямки розвитку, суперечності й створює можливість керувати процесами у природі та суспільстві.

Зрозуміло, основний напрямок теорії завжди має внутрішні відмінності, але це лишень один із способів створення економічної теорії й оцінки реального світу. Сьогодні не тільки в Україні, а й у світі практично кожен економічний вищий навчальний заклад має свій підручник. Скажімо, одна наукова школа стоїть на позиціях регулювання економіки, інша – на вільній конкуренції. Подібне неможливо собі уявити у фізиці, хімії, біології, психології та інших науках.

Повна, всеосяжна економічна освіта, на думку студентів, має сприяти збалансованому пізнанню різних теоретичних шкіл, від неокласичних підходів, які широко викладають, до значною мірою виключених із програми класичних, посткейнсіанських, інституціональних, екологічних, феміністських, марксистських і австрійських економічних шкіл. Більшість студентів економічних спеціальностей не стикаються з такими різними точками зору під час навчання[13].

Політична економія і економікс у контексті суспільного розвитку

Зі зміною економічного життя, розвитком форм його організації, управління постійно з'являються нові наукові концепції, теоретичні напрями економічної науки та різнобічні версії предмету економічної теорії. У зв'язку з цим актуальними є такі питання, як термінологічні визначення, предмет, структура і зміст викладання економічної теорії. Адже до сучасної пори немає єдиної назви науки, яку вивчаємо і якій навчаємо.

Досвід показує, що представники різних економічних шкіл не розуміють один одного і ведуть в основному “замкнений” спосіб існування. Переважна більшість сучасних економічних шкіл, використовуючи неокласичну методологію, намагається створити стандартну економічну теорію, яка не дає

достатніх знань для розуміння процесів реального економічного життя, ігнорує національні особливості, культурні традиції та цінності кожного народу.

Предметом нової теорії є не універсальне “господарство”, а більш конкретні та багатоманітні “економічні системи”. У силу цих обставин дана теорія в предмет свого дослідження включає не лише виробничі відносини, а й позаекономічні чинники, які не пов’язані безпосередньо з виробничими відносинами, але здійснюють суттєвий вплив на характер економічної системи. Це – контроль, влада, міжособистісні відносини, довіра. Без врахування цих факторів неможливо, зокрема, зрозуміти, як “працює” капіталізм у різних районах світу[14,с.5].

Подібні погляди є не лише цікавими, а й певним кроком уперед порівняно з традиційними. Разом із тим, на нашу думку, нова теорія не позбавлена суперечностей. Автори нової теорії, з одного боку, дають можливість подолати рамки односторонніх поглядів на капіталізм, який абстрагувався від історичних, соціальних, релігійних, етнічних та інших особливостей економічного життя. А з другого боку, не виходять за межі економікс, який головну увагу спрямовує на вивчення ринкової системи, ігноруючи по суті суперечності останньої, рівною мірою як і суперечності глобалізації. Економікс вивчає реально відтворювальні, але поверхові явища економічного життя, які досліджуються на основі неопозитивно-емпіричного методу. Визначальну роль в останньому відіграє технічний апарат дослідження, який з інструментів пізнання перетворюється на його предмет (математичний апарат, економетрика, кібернетика і т.ін.), а результатом дослідження є різного роду емпіричні моделі дослідження, що стають головними категоріями. У результаті виникає суперечність між методами дослідження і предметом економічної теорії, оскільки математизація, формалізація економічного життя не дає відповіді, що являють собою рушійні сили економіки, суперечності інтересів її суб’єктів.

Разом із тим “альтернативники” пропонують різноманітні моделі капіталізму, а не нову систему. У Радянському Союзі у 60–80 роки ХХ століття мали місце подібні підходи, скажімо, побудувати соціалізм із людським обличчям. Мабуть, такий підхід є своєрідним способом увіковічення капіталізму. З цим погодитися важко. Немало дослідників це розуміють і передбачають його загибель.

На думку І. Валлерстайна, кількість капіталу у світі вже зросла настільки, що його стало дуже багато, він став доступним (гроші можна зайняти, випустити акції і т. п.). У результаті зник зв’язок між наявністю капіталу і безпосереднім бізнесом. Капітал перестав відігравати роль регулятора виробництва шляхом переливу з однієї галузі в іншу, перетворившись на

паразита. Вчений вважає, що це і є структурна криза акумуляції капіталізму, якого чекає смерть[15].

Не викликає сумнівів, що аналіз господарського життя з врахуванням впливу на нього позаекономічних чинників робить наші знання значно багатшими, а рекомендовані пропозиції – більш аргументованими. Але ж чи є альтернативні системи капіталізму альтернативними сучасним посткейнсіанським, неорікардіанським і неомарксистським теоріям? Чи, може, вони альтернативні відносно неокласичної теорії? Щодо перших, то вони альтернативні, що ж до другої – навряд чи. Адже неокласичний синтез вивчає взаємодію підприємців і домашніх господарств в умовах змішаної ринкової економіки, а також взаємодію ринку і суспільства, у тому числі держави. Саме цей варіант (неокласичний) називають “ мейнстримом” (основним потоком), і він лежить в основі теоретичного викладання економічної освіти в усьому світі.

Однак, визнання більшістю будь-якої концепції економічної теорії не може слугувати доказом того, що вона є правильною. У цьому ми переконалися, втілюючи в життя “єдино правильну” доктрину – марксизм. Монополізм будь-який, і особливо в теорії, призводить до загнивання, тоталітаризму і краху. Життя довело, що предмет науки, у тому числі економічної теорії, по суті залежить від вихідних позицій тієї чи іншої теоретичної концепції.

Політична економія, її різні гілки акцентують увагу на природі багатства, причинах його зростання та особливостях привласнення. Скажімо, перша школа політичної економії – меркантилізм – суттю багатства вважала золото та скарби всілякого роду, а їх джерелом – зовнішню торгівлю. Тому визначальним принципом меркантилізму стала доктрина активного торговельного балансу як визначальної умови національного благополуччя.

Сам же засновник класичної школи Адам Сміт, виходячи з трудової теорії вартості, згідно з якою єдиним джерелом багатства є праця, предметом цієї концепції вважав походження і розподіл багатства. Така концепція отримала назву політичної економії багатства.

К. Маркс, розвиваючи концепцію трудової вартості, дійшов висновку, що між працею і капіталом існує суперечність. Він вважав, що розв’язати останню можна шляхом зміни відносин між людьми з приводу виробництва і привласнення матеріальних благ у капіталістичному суспільстві. Так виникла політекономія праці, предметом якої є виробничі відносини.

Намагаючись позбавитись класового, політичного та ідеологічного впливу, А. Маршалл вводить термін “економікс”, який “займається дослідженням зусиль людини для задоволення своїх потреб”. Сучасний економікс, або неокласичний синтез, при всіх модифікаціях підходів до

предмету по суті не змінився, на кого б ми не посилалися: Пола Самуелсона, Вільяма Нордхауза чи Кемпбелла Р. Макконелла, Стенлі Л. Брю. Економічна теорія чи аналітична економіка, на їх думку, вивчає, як суспільство використовує обмежені ресурси, щоб виробляти різні товари і розподіляє їх серед людей[16,с.32]

Як бачимо, представники даного теоретичного напрямлення вважають, що економічна наука – це наука, що вивчає людську поведінку з погляду співвідношення між цілями й обмеженими коштами, які можуть мати різне вживання. Отже, таке визначення зводить економічну теорію практично до теорії споживчого вибору (якщо й вибір підприємця розглядати як вибір споживача засобів виробництва й робочої здатності). Але при цьому залишаються поза розглядом такі, приміром, проблеми: а звідки узялися ці кошти, як вони потрапили до “споживачів”, чому різним споживачам виявилися доступними дуже різна кількість цих коштів і т.п.

Зіставлення названих підходів і порівняння з теорією альтернативних капіталістичних систем не дозволяє констатувати, що останні вийшли у своєму визначенні за предмет, характерний для економікс. Більше того, вони не відійшли і від ідеологізованого та політизованого підходів. Їх ідеологія зводиться до нового капіталізму, різнобічного капіталізму. Але все одно – до капіталізму.

Теорія альтернативних економічних систем, як складова економікс не дає теоретичних узагальнень постсоціалістичним трансформаціям, практичних рекомендацій виходу названих країн на траєкторію економічного зростання, адекватного інноваційно-технологічному розвитку. Немає відповідей на питання: який механізм співпраці між країнами різних рівнів розвитку сприятиме подоланню нееквівалентного обміну, припинить боротьбу за переділ контролю над ресурсами і доходами між країнами “золотого мільярда” та іншими, а також сприятиме створенню нової моделі світового господарства, в якій взаємна реалізація інтересів суб’єктів господарювання відтворювала б узгодження, а не непримиренність інтересів.

Класичне напрямлення економічної теорії філософськи осмислює глибинні процеси економічних явищ, їх причинно-наслідкові зв’язки. Отже, і предмет дослідження, і методи пізнання класичної економічної теорії та економікс – відрізняються між собою, хоча і займаються одним – вивченням господарської діяльності. А це означає, що кожне з цих напрямлень повинно не лише існувати, взаємодіяти, а й виконувати свої функції.

Очевидно, що класична економічна теорія втрачає свою суспільну значущість, перетворюється по суті на економічну історію або різновид економічної політики, оскільки відмовилась від своїх визначальних функцій:

теоретико-пізнавальної (евристичної), практичної, прогностичної та ідеологічної.

Доказом сказаного є те, що до сьогодні не висунуто нових парадигмальних постановок трансформації країн пострадянського суспільства. В основі більшості пропонованих моделей трансформації суспільства: ринок, приватна власність, інтерес особи – над усе.

Ринок метою бути не може. Хоча як механізм ведення господарювання у взаємодії з регулюючими засадами держави і громадськості, він може бути ефективним. Це не викликає сумніву і доведено сучасною господарською практикою розвинених країн. Рівною мірою доведено й інше: методологія лібералізму стала однією з причин руйнування та стримування розвитку країн, що розвиваються, нашої країни та інших постсоціалістичних країн.

Сучасні знання необхідно формувати з врахуванням всього багатоманіття наукових теорій, які підтвердили свою практичну значимість. Причому, будь-які теорії мають бути адаптовані до конкретно-історичних умов певної країни. Усім нам треба засвоїти давню мудрість, що хороші ідеї в більшості не є новими, а являють собою старі ідеї, які повертаються до життя в необхідний час.

Відсутність останнього, врахування лише загального, без специфічного, національного, як показав досвід українських реформ, призводить до негативних наслідків. Помилкове розуміння сучасної ринкової економіки, місця в ній державного регулювання, акцент на шокową терапію та приватизацію в Україні при недосконалості законодавчої бази, млявості і зволіканні органів виконавчої влади підготовки об'єктів, що знаходяться у сфері їх управління, до приватизації, нерозвиненість і неефективність фондового ринку перетворили процес приватизації із одного з головних інституційних важелів економічного зростання в країні на фактор загострення суперечностей.

Аналіз останніх у нашій науковій та навчальній літературі займає невідповідне місце. Більше того, з'являються роботи, у яких дослідження економіки будь-якої країни, незалежно від рівня розвитку, намагаються розглядати з позицій планетарного мислення. Звідси робиться висновок, що рушійною силою сучасного історичного процесу є не боротьба, а злагода.

Із цим важко погодитись. Достатньо подивитись, як облаштовується нове життя в Афганістані чи в Лівії або зростає диференціація в доходах між країнами “золотого мільярда” і рештою, а також у пострадянських країнах, у тому числі в Україні. Не вивчаються внутрішні і зовнішні суперечності, гіпотетичні суперечності економічних інтересів, які мають місце в нинішніх реаліях. Зрозуміло, що без цього в умовах трансформації економіки нашої

країни не буде зроблено кроку до створення нової економічної теорії, яка б дала відповідь викликам сучасності.

Таким чином, реальне життя переконує, що у світі відбувається процес конвергенції, взаємопроникнення різних систем, їх взаємне доповнення та зрощення, що має знайти відображення в економічній науці. Тому, на нашу думку, доцільно всі сучасні термінологічні визначення теоретичної складової економічної науки: економіка, політична економія, економікс, загальна економічна теорія тощо - об'єднати в один термін – економічна теорія. Адже всі її складові є нічим іншим як школами, напрямками зі своїм предметом, методами пізнання, внутрішньою логікою, які вивчають всебічні сфери економічного життя різними методами та технічним апаратом дослідження. Це дозволить взаємно доповнити існуючі економічні школи, розширити предмет економічної теорії шляхом синтезування класичного та неокласичного напрямків, запровадити плюралістичний підхід для викладання економічної теорії. Остання вийде на більш високий якісний рівень, стане продуктивнішою за рахунок розширення поля діяльності, методів пізнання, знайомства з багатством знань, нагромаджених усіма школами світу, врахуванням особливостей певної країни, її традицій та досягнень. Збагатиться викладання даного предмету, оскільки плюралізм сприяє розвиткові творчих дискусій, подоланню закостенілості й одноманітності; у студентів формуватимуться реально-конкретні знання про економічне життя, а не абстрактно-схематичні уявлення.

Політична економія в системі економічних наук та чи має вона “образ майбутнього”?

Усі наукові знання з часів Аристотеля включала в себе філософія. Потім і до сучасної пори під впливом суспільного поділу праці та науково-технічного прогресу постійно відбувається відпачкування все нових і нових галузей науки, які більш глибоко вивчають різнобічні сфери закономірностей розвитку природи і суспільства.

За роки свого існування економічна наука зробила значний крок у цьому напрямку. Поряд із загальними теоретичними знаннями господарського життя виникли галузеві економічні науки, які спрямовані на удосконалення організації та управління окремих підприємств і цілих видів діяльності. Такий поділ економічних наук відбувається за різними принципами. Скажімо, це може бути принцип охоплення певної сфери економічної діяльності (економіка промисловості, транспорту, зв'язку і т.п.), або за принципом поєднання (інтеграції) з науками інших суміжних дисциплін (економічна географія і т. п.). Усе це сприяло виникненню системи економічних наук, під якою слід розуміти

певним способом організовану велику кількість структурних одиниць, що виконують самостійні функції. Характерною особливістю сучасного розвитку науки стає тенденція залучення знань і методів пізнання інших наук, далеко не суміжних. Мабуть, потреба в інтеграції наук у поєднанні з потужними засобами пізнання і синтезування знань сприятимуть виробленню єдиної науки про суспільство майбутнього, місце економічної теорії в якій зменшуватиметься.

Нині існуюча система економічних наук охоплює десятки різних самостійних наук. У центрі цієї системи знаходиться фундаментальна економічна теорія, що є теоретичною і методологічною основою всіх економічних наук. Що ж являє собою фундаментальна економічна теорія взагалі, яке її місце в системі суспільних наук сьогодні й у найближчому віддаленні, як здійснити своєрідне “очищення” тієї суми економічних знань, яка нині включається в підручники економічної теорії, від елементів конкретних економічних наук, і нарешті, яка її структура і що викладається у вишах нашої країни та світу?

На нашу думку, те, що нині викладається як єдина наука економічна теорія, потребує розмежування на: а) загальну фундаментальну теорію – політична економія, яка б включала - предмет, метод (статика, динаміка, генетика), економічна система (спосіб виробництва, товар, ринок, неринок і т.п.), потреби, інтереси; б) теорію макроекономіки (національна економіка, роль держави, економічне зростання; в) теорію підприємства, фірми (мікроекономіка); г) комплексна інституціональна (можливо) теорія як єдиний соціально-економічний підхід (економіка як одна зі сфер суспільства у громадському житті).

Політична економія є фундаментальною наукою, метою якої є пізнання сутності явищ, їх глибинний зміст та природа. Вона, на відміну від конкретних наук, які спрямовані на конкретний результат і поточну вигоду, не практична і не приносить поточної вигоди. Більше того, вона не здатна заробити на своє існування. Подібна специфічність характерна і для інших фундаментальних наук, яким людство завдячує, в кінцевому підсумку, якісними змінами в розвитку суспільства, досягненнях науки, техніки, благополуччя людей. Визнання внеску фундаментальної науки, політичної економії в тому числі, в розвиток науки здійснюється нерідко через десятки, а то й сотні років. Ось що з цього приводу писав Джон Мейнард Кейнс: ідеї економістів і політичних мислителів – і коли вони праві, і коли помиляються - мають набагато більше значення, ніж прийнято вважати. В дійсності лише вони правлять світом. Люди практики, які вважають себе зовсім такими, що не піддаються інтелектуальному впливу, звичайно, є рабами якогось економіста минулого [17, с. 340].

400 – літня історія розвитку політичної економії переконує, що вона є соціально – економічною наукою, основою пізнання якої є об'єктивно діюча система економічних відносин з приводу створення, розподілу, обміну і споживання благ у суспільстві. Отже, дана наука має справу із законами і умовами продукування багатства, які носять характер істини, що притаманно природничим наукам. Це переконує в тому, як зазначав Джон Стюарт Мілль, що наука, яка розкриває закони таких явищ, які відбуваються у суспільстві, що виникають від спільних дій людства заради відтворення багатства, і тому ці явища не видозмінюються від устремління до будь-якого іншого об'єкту[18,с.58].

Специфіка політичної економії як соціально-економічного вчення полягає і в тому, як підкреслював К. Маркс, що дана наука розкриває анатомію і фізіологію суспільства в цілому, то природно передбачити, що анатомія і фізіологія окремих органів тіла має свою специфіку, яка притаманна лише цим окремим “органам”. Останні, займаючись конкретними сферами господарської діяльності (економікою промисловості, освіти, транспорту і т.п.), як переконують реалії сьогодення, в залежності від спеціалізації економічних дисциплін використовують свій понятійних апарат, що призводить до непорозуміння між спеціалістами однієї галузі знань. Причиною такого становища є відсутність вихідного фактора філософського базису науки, якою є методологія. І якщо за радянських часів методологічною основою всіх наук системи вважалася політична економія, то нині дехто методологічну базу вважає безглуздом, а немало економістів розуміють її як “загальний підхід до вивчення явищ, єдиним розуміння дійсності”. ...Методологію зводять до онтології, ерудиції, а не до форми інтелекту, уміння мислити[19,с.65-66]. Методологією економічних наук для багатьох науковців сьогодні став так званий здоровий глузд та цитатництво.

Теорія економікс, яка також є фундаментальною наукою, була задумана Альфредом Маршаллом як синтез елементів класичної школи (в першу чергу, теорії вільного ринку А. Сміта і теорії факторів виробництва Ж.-Б. Сея та Т. Мальтуса), а також маржинальних теорій корисності, тому по суті немає єдиної системи поглядів. Сучасний економікс поповнився елементами кейнсіанства та інституціоналізму, тобто концепцій, побудованих на несумісних методологічних засадах. Отже, дана теорія являє собою добре змонтовану еkleктику, в якій багато формулювань предметів. І це стосується не лише економічної науки, на що звертав увагу Йозеф А. Шумпетер. Він писав, що межі більшості наук безперервно зрушувалися, і не варто визначати їх виходячи з предмета і метода. Особливо це стосується економічної науки, яка не є (на відміну від, наприклад, акустики) строгою наукою, а скоріше являє

собою сукупність погано упорядкованих і тих, що перетинаються між собою, галузей знань (скоріше медицину), Тому ми не будемо наводити визначення економічної науки, які даються іншими авторами в першу чергу для того, щоб підкреслити їхню надзвичайну неадекватність, але самі не будемо дотримуватися жодної з них [20,с.12]. Звичайно, цілком справедливим є питання: а чому та або інша наука обов'язково має базуватися на єдиній методології? Адже, наприклад, з успіхом співіснують медицина європейська і медицина східна, які явно мають протилежні методологічні підходи.

Справді, проблема єдності методології науки гідна глибокого наукового дослідження. Але доки у філософії, взагалі в теорії науки панує уявлення про необхідність методологічної єдності, лише в цьому разі вона отримує право називатися системою знань, тобто наукою. Теоретикам ще належить довести, що методологічна єдність не є обов'язковою, що вона у принципі неможлива.

Особливість теорії економікс ще й у тому, що вона вважає за краще досліджувати суто господарські відносини, методи раціонального ведення ринкового господарства, максимізації доходу (прибутку) і мінімізації витрат (витрат виробництва). І це вона робить вельми докладно. При цьому теорія економікс є глибоко індивідуалістичною, прагне уникнути гострих соціальних питань.

Сьогодні теорія економікс політично репрезентує пануючий напрям у фундаментальній економічній теорії. Проте визнання більшістю аж ніяк не є доказом правильності теорії, й підтвердженням цьому слугує перша в історії людства глобальна фінансово-економічна криза (2008–2009). Вона перетворила значну частину світової економіки на одну велику лікарню, в якій пацієнти перебувають у коматозному стані. Усілякі спроби з боку мейнстріму, зокрема “режиму суворої економії”, сутність якого полягає в перекладанні основної частини рецесії на плечі тих, хто найменше повинен у його причинах і наслідках, тобто людей праці, дали негативний результат.

На наш погляд, головна проблематика сучасної макроекономіки – це місце і роль ринку, держави, профспілок, інших суспільних утворень у суспільстві. Якщо мікроекономіка вивчає в основному ринкові відносини (звідси й мікроекономічні аспекти макроекономіки), то макроекономіка вивчає відносини ринку й неринку.

У сучасній макроекономіці держава – активний суб'єкт ринку (не те, що в ідеальній і далекій від реального життя теорії вільної конкуренції). Без сильної регулюючої ролі держави ринок просто з'їсть сам себе й перетвориться на монополію, знищивши усіляке прагнення до різноманіття товарів і технічного прогресу.

Головні функції держави в умовах ринкової економіки: 1) захистити конкуренцію, не дати їй перерости в монополію; 2) регулювати потрібні монополії; 3) займатися тим, що ринку не вигідно, але потрібно суспільству; 4) займатися тим, куди ринок пускати не можна (армія, кордон, загальноекономічні системи і т.п.); 5) захищати інтереси більшості народу; і т.п.

Теорія макроекономічної еволюції включає загальну теорію економічної динаміки та статички. Динамічна теорія вивчає економічні явища в процесі їх зміни в часі. Статична теорія розглядає економічні явища, по суті, поза зміною їх у часі. Для неї характерною є концепція рівноваги взаємозалежних елементів економіки. Зазначимо, що курси економічної теорії, які викладаються нині, включають переважно системи статичних знань, які в принципі не можуть пояснити зміни в економічних системах, а також механізм і напрямок цих змін. Це не дозволяє усвідомити студентами того, що динамічні процеси розмежовуються на еволюційні (неповторні або необоротні) і хвилеподібні, циклічні (повторювані або оборотні). Під еволюційними (необоротними) процесами маються на увазі зміни, які протікають у тому самому напрямку. Еволюційний процес може обірватися або зробити “зигзаг”, але лише під впливом різких зовнішніх впливів, що ускладнюють, або природних і соціальних катаклізмів. Під хвилеподібними, циклічними (оборотними) процесами розуміються такі з них, які змінюють свій напрямок і можуть знову повернутися до вихідного стану (хоча й на іншому рівні), що робить ці процеси відносно оборотними.

Макроекономічна еволюція – це необоротний процес переходу національної (світової) економіки від одного щаблю (стадії) до іншого. Інакше кажучи, у центрі цієї теорії перебуває проблема щаблів (стадій) економічного розвитку.

Однак, показники, що характеризують макроекономічний розвиток, мають різні характеристики. Одні (насамперед ціннісні) виявляють оборотні процеси розвитку. Інші (такі як чисельність населення, обсяг виробництва й ін.) мають складну будову: тенденції росту й розвитку представляються як процеси необоротні, а темпи цього росту й розвитку виглядають як процеси оборотні, хвилеподібні. У результаті загальний (трендовий) необоротний процес пробиває собі дорогу через хвилеподібний, коливальний рух економічної еволюції.

Теорія макроекономічної еволюції національної економіки в цілому включає вивчення механізму її переходу від однієї стадії до іншої, змін виробничої й соціальної інфраструктури, характеру економічного росту, умов динамічної рівноваги й інших якісних процесів. Особливе значення має теорія

економічної генетики – механізму спадковості й мінливості економічної системи.

Проблематика мікроекономіки в її нинішньому вигляді – це все-таки теорія підприємства, і відноситься вона, безсумнівно, до конкретної економіки.

Вище наведене дозволяє зробити декілька узагальнюючих висновків:

1. З початку виникнення фундаментальної економічної науки нагромаджено значний обсяг економічних знань, створено багато теоретичних концепцій, проте єдиної економічної теорії все ще немає. Реальністю стало і те, що в економічній політиці й господарській практиці домінує сучасна неоліберальна теорія. Остання не лише стоїть на захисті існуючої системи, а й сформувала стереотип залежності людини від системи, до якої вона звикла і не хоче втратити цінності, що склалися, зокрема гроші, прибуток, кредит тощо.

Здійснювана економічна політика, в основі якої лежить мейнстрим, знайшла свій прояв у господарській практиці, наслідком чого і стала глобальна економічна криза. Усе це дає підстави стверджувати, що політика стає рушійною силою розвитку суспільства і людини, коли вона є науково обґрунтованою. Такою є політика, яка базується на законах, що об'єктивно діють, ураховує різноманітні інтереси суспільства, передбачає різні варіанти рішень і свободу вибору.

Усунути невідповідність, що склалася між економічною теорією, економічною політикою і господарською практикою, на думку низки вчених, може новий напрям в економічній теорії, який назвали системною парадигмою (Корнаї, 2002; Клейнер, 2011; Агошкова, Ахлибининский, 1998). Вона активізує розвиток інноваційних ідей в економічній теорії, доповнить і певною мірою синтезує традиційні неокласичні, інституційні та еволюційні концепції. Це дозволить узагальнити наукові знання у вигляді категорій, законів, закономірностей, тенденцій, тобто “будівельного матеріалу”, накопиченого вченими різних шкіл за всю історію розвитку людства, який стане двигуном науки, виведе її на новий рівень. Створення системи економічної науки дозволить розкрити об'єктивні та суб'єктивні суперечності існуючої системи, дасть могутній поштовх розвитку знанням, який дозволить формувати науково обґрунтовану економічну політику, що враховує інтереси всіх суб'єктів економічної діяльності.

2. Відбувається складний і суперечливий процес, з одного боку, диференціації економічних наук, а з другого – інтеграції з іншими науками: філософією, соціологією, психологією, правом, математикою та ін.. Мабуть, даний процес матиме продовження, у результаті якого буде створено єдину науку про суспільство, де економічна теорія займатиме певне місце. Це місце не буде визначальним, реальний прогрес в економічній сфері суспільства

знаходить відображення в реалізації всіх життєвих потреб людей – матеріальних і духовних - як переконає вся історія розвитку людства, значною мірою обумовлений взаємозв'язком економічної теорії з економічною і соціальною політикою. При цьому необхідно виходити з того, що ця наука буде, по-перше, спрямована на людину, по-друге, на відтворення всього суспільства та вироблених загальнолюдських цінностей, по-третє, на потреби майбутніх поколінь. В силу цих обставин економіку не можна розглядати як самостійну систему, яка саморозвивається на основі своїх внутрішніх закономірностей, що мають начебто чисто економічне походження. Розглядаючи причини розвитку історичного прогресу, причому не лише індивідуального, але й максимально всеосяжного, факторів, що на нього впливають, Й. А. Шумпетер у своїй праці “Теорія економічного розвитку” підкреслював необхідність спільних зусиль вчених різних сфер суспільних наук, у тому числі соціолога економіки (Wirtschaftssoziolog) або політеконома. Вчений наголошував на тому, що якщо політекономи і могли щось сказати на цю тему, то лише тому, що не обмежувалися економічною теорією, але, - як правило, дуже поверхово - займалися або історичною соціологією, або будували гіпотези про те, яким чином буде облаштована економіка у майбутньому[21,с.124-125].

3. Зроблені попередні висновки не дають можливості дати характеристику “образу майбутнього” політичної економії, як і дати характеристику майбутньому суспільству. Ми можемо лише гадати та накреслити деякі риси цього майбутнього. Для мене зрозумілим є лише те, що цей обрис буде дуже складним і досить далеким від примітивного “свобода, рівність і братерство”. Ми можемо говорити, спираючись на сучасні знання, ту ситуацію у світі, що існує реально сьогодні. Але зі зміною ситуації відбуватимуться зміни в системі наук, удосконалюватимуться наші знання.

Заслугове на увагу теоретична позиція знаного сучасного філософа Террі Іглтона. Глибоко аналізуючи роботи Маркса, опираючись на точне цитування й сучасну реальність, руйнуючи міфи й ідеологеми, породжені як капіталістичною, так і соціалістичною дійсністю, відповіддю на запитання: “Що робити далі?” учений приходив до таких висновків. Нове суспільство слід будувати з урахуванням конкретного сьогоднішнього. “При усій своїй варіативності майбутнього нам майбутнє слід розглядати із даного конкретного сьогоднішнього. А більша частина сьогоднішнього створена в минулому. Щоб кроїти за своїм смаком майбутнє, у нас немає нічого, крім досить убогого набору недосконалих знарядь, що дійшли до нас із минулого. Та й ці знаряддя дісталися нам не з голочки, а досить і досить пошарпанними” [22, с.105].

Таким новим суспільством, на думку Іглтона, є соціалізм, що представляє собою в певних відносинах рішучий розрив із сьогоденням. Історія в ряді істотних аспектів валиться й переробляється заново, але не тому, що соціалісти, будучи кровожерливими чудовиськами, віддають перевагу революції над реформами, а через глибину захворювання, яке необхідно вилікувати. [10, с.107]. Звертає на себе увага й те, на думку вченого, що описувати майбутнє впливає тільки за допомогою термінів, що відбуваються з минулого або сьогодення, тоді як майбутньому, що радикально пориває із сьогоденням, явно буде тісно в рамках нашої нинішньої мови. [22, с.108].

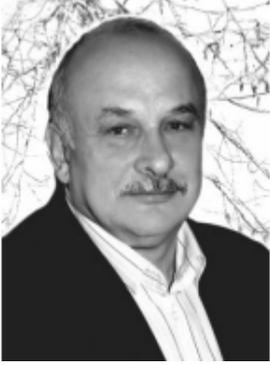
Багато дослідників вважають, що шлях до майбутнього суспільства, яке по-різному називають: “соціалістичним або комуністичним”, “постіндустріальним”, “знань”, “загального благоденства” і т.п. повинен пролягати через змішану, соціально-орієнтовану економіку, що включає ринкові й планові фактори її регулювання, націлену на комбінацію інтересів усіх суб'єктів суспільства, а не їхнє підпорядкування. При цьому нова парадигма розвитку економіки має йти разом із розробкою нової парадигми розвитку суспільства.

Список використаної літератури

1. Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма / Н.И. Бухарин. – М.: Политиздат, 1989. – 512 с.
2. Бухарин Н.И. Избранные произведения / Н.И. Бухарин. – М.: Политиздат, 1988. - XII, 499с.
3. Вознесенский Н. К вопросу об экономике социализма / Н.Вознесенский // Большевик. – 1931. - №23-24.
4. Преображенский Е. Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства / Е.Преображенский. – Т. 1, ч.1. – М., 1926. - С. 55.
5. Валовой Д.В. Социализм и товарные отношения / Д.В. Валовой, Г.Е. Лапшина. - М.: Экономика, 1972. - 398 с.
6. Ghilarducci T. Guest Editors' Introduction / T. Ghilarducci, R. McGahey // Social Research: An International Quarterly. – Fall 2013.
7. The Economics of Middle Class Collapse [Electronic Resource] // Too Much online – February 10, 2014 – Mode of access: <http://www.toomuchonline.org/tmweekly.html>
8. Poll: Majority of Americans want government to reduce income gap [Electronic Resource] – Mode of access: <http://politicalticker.blogs.cnn.com/2014/02/05/poll-majority-of-americans-want-government-to-reduce-income-gap/>
9. Baker D. Getting Radical with Markets / D. Baker // Review of Radical Political Economics – Summer 2012.
10. United Nations warns over gross inequality as handful of super rich own as much wealth as billions of poor [Electronic Resource] // The Financial Express – February 11, 2014 – Mode of access: <http://www.financialexpress.com/news/united-nations-warns-over-gross-inequality-as-handful-of-super-rich-own-as-much-wealth-as-billions-of-poor/1223966>

11. Oxfam: к 2016 году 1% населения Земли будет богаче 99%. Режим доступа: 19.01.15 <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/97573/>
12. Shaikh A. Crisis, Austerity, and the Role of Economic Theory in Policy / A. Shaikh // Social Research: An International Quarterly. – Fall 2013.
13. Международный призыв к плюрализму мнений в экономической теории. Режим доступа: <http://www.isipe.net/home-ru>.
14. Шемятенков В. Альтернативные системы капитализма / В. Шемятенков // Мировая экономика и международные отношения. – 2003. -№3.
15. Эксперт. - 23 июля 2001 г. – С.19.
16. Самуелсон П.А. Макроекономіка: пер. з англ. / П.А. Самуелсон, В.Д. Нордгауз. - К.: Основи, 1995. – 544 с.
17. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное / Дж.М. Кейнс. - М.: Эксмо, 2008. – 960 с.
18. Философия экономики. Антология / под ред. Д. Хаусмана. - М.: Изд. Института Гайдара, 2012.
19. Пезенти А. Очерки политической экономии капитализма. В 2-х т. / А. Пезенти. - М., 1976. - Т.1.
20. Шумпетер Й.А. История экономического анализа / Й.А. Шумпетер. – Т.1. – Санкт-Петербург, 2001.
21. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й.А. Шумпетер. - М.: Эксмо, 2008. – 864 с.
22. Иглтон Т. Почему Маркс был прав: пер. с англ. / Т. Иглтон. – М.: Карьера Пресс, 2012. – 304 с.

УДК 330.1

Г. В. ЗАДОРЖНЫЙ,
*доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой международной экономики и
мирового хозяйства,
Харьковский национальный университет
имени В.Н. Каразина*

ЧЕЛОВЕКОМЕРНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ – МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРМАТ КАРДИНАЛЬНОГО ОБНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Остается непонятным, как может развиваться современная, научно ориентированная культура, если сама наука не имеет научной теории личности, пользующейся хоть каким-то признанием. Незнание человека – это, может быть, наиболее сильное незнание в современной науке.

В. В. Налимов

Личность есть мое целостное мышление, мое целостное воление, мое целостное чувствование, мои целостные творческие акты.

Н.А. Бердяев

Путь к спасению лишь в пересмотре господствующих идей.

С. Франк

Политическая экономия в канун своего 400-летия по-прежнему пребывает в затаенном кризисном состоянии. Это предельно ясно отражается в трех основных фиксациях сегодняшней действительности: во-первых, произошло сознательное смещение политэкономического исследовательского дискурса в не вполне определенное предметное поле англосаксонской, а более строго – американизированной экономической теории (*экономикса*); во-вторых, стал очевидным *отрыв* научных экономических исследований *от* постижения

процессов *реальной экономики*, чему, безусловно, способствует нынешнее становление финансомики и стремление финансово-интеллектуальной власти к абсолюту; в-третьих, усиливается *игнорирование целостного* подхода к изучению *личности* как базового творческого свободно-ответственного субъекта хозяйственных благостных для Чело-Века и Природы трансформаций.

При этом следует признать, что кризис экономической науки начался во второй половине XVIII века, а во второй половине XX столетия неизбежно стал стремительно углубляться, сочетаясь с процессом нарастания *кризисности современной науки*, которая в начале нового века и тысячелетия предстала как острейший насущный вопрос существования самого человека и человеческого сообщества. И эту проблему достаточно четко выразил классик менеджмента еще в середине 60-х годов XX столетия Питер Ф. Друкер: «С тех пор как в середине XVII века Декарт объявил рассуждения о *духовной сущности человека неуместными*, западный мир интересовался только тем, *что существует вне человека*, – природой и обществом»¹ (выделено мной – Г. З.). Сам же **ЧЕЛОВЕК** в экономических, прежде всего – политэкономических исследованиях рассматривался как **СРЕДСТВО** получения прибыли, что собственно свойственно и новомодным ныне **ТЕОРИЯМ** человеческого, интеллектуального, социального, символического и прочих подобных, связанных с человеком, **КАПИТАЛА**. В мышлении экономистов это положение приобрело статус *всеобщей молчаливой догмы*, которая задает формат и пределы исследовательского видения *экономической сферы*, которая, якобы, должна *господствовать* в жизнедеятельности человека и общества.

Методология индивидуализма как разрушительный инструмент человечности

Искажающие истинную реальность современные теории капитала не просто порождают *кризисность* самой экономической науки, но и формируют и воспроизводят *искаженное* мировоззрение, миропонимание и мироустройство. И это искажение основано на *изначально искаженной методологии индивидуализма*, когда не *личность как целостное* творческо-ответственное человеческое существо рассматривается как базисный субъект хозяйственного развития, а *индивидуум* как традиционно поверхностно понимаемый отдельный *социальный атом*. Он положен в качестве исходного постулата всех «научных» экономических построений. Главная подоплека этой методологии состоит в том, что именно *свобода* в ее неолиберальном беспределе *никак не соотносится с ответственностью* за эту свободу.

¹ Друкер П.Ф. Эпоха разрыва: ориентиры для нашего меняющегося общества. – М.: ООО «И.Д. Вильямс». – 2007. – С. 215.

Неолиберальная свобода в глобальной кризисной действительности обернулась вседозволенностью, беспределом, принципом «что хочу, то и ворочу» под маской «свободного выбора», после которого «хоть потоп». Индивидуализм «ведет к утеснению и разложению личности»².

В экономической теории неолиберальная свобода стала фасадной витриной, где «нарисованные» *правоведением* причудливые завитушки «пучка прав собственности» и мрачный поверхностно-мертвящий пейзаж каркасов неолиберальных «институтов» скрывают-заслоняют-игнорируют то сущностно-жизненное, которое глубинно-необходимо – *истинно мотивирует личность* к иначе возможной *качественно обновляемой целостной хозяйственной деятельности* ради личностного – человеческого счастья. При этом сейчас весьма широко распространилось расплывчатое понятие «экономическая теория», которое растеклось как рыхлый кисель, поглотивший само наименование «политическая экономия». Так называемая экономическая теория уже не просто не вспоминает о своем зародыше-коде – фундаментально-методологической науке – политической экономии, название которой произошло от греческих слов *politikos* – государственный, общественный и *oikonomia* – управление домашним хозяйством (от *oikos* – дом, домашнее хозяйство и *nomos* – закон), но и весьма упорно старается сознательно-вызывающе не замечать политической экономии. Даже в том случае, когда еще редко пытаются говорить о политической экономии, неизменно забывают (а часто-густо и совсем *не ведают*), что главная *смысловая сакральная нагрузка* в этом *поименовании* все таки скрывается в слове «хозяйство». Именно Хозяйство в сакральном понимании соотносится с понятием *Дома*, которое распространяется от конкретного места проживания Чело-Века (микрокосма, «стянутой вселенной» – Шеллинг) до среды его жизнедеятельности – Универсума (макркосма).

И самое удивительное, чем ознаменовалось 400-летие политической экономии как отдельной системообразующей науки о хозяйстве, это то, что уже в который раз находит подтверждение положение о том, что «самоуспокоенность официального мира нельзя считать лишь очередным из многочисленных пороков той эпохи – то была бы *полномасштабная трагедия*. Ведь если бы *академики* прислушались к *обитателям подполья*, если бы Альфред Маршалл глядел на окружающий мир с той же тревогой, что и Гобсон, а Эджуорт чувствовал несправедливость общества так же остро, как Генри Джордж, – в этом случае *великие потрясения XX века могли бы миновать мир*, совершенно не подготовленный к социальным переменам подобного масштаба.

² Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта. – 1999. – С. 214.

А для нас это лишь очередное напоминание о том, что *никакая идея*, насколько бы безумной она ни казалась, *не заслуживает пренебрежения*, и тем более со стороны тех, чьи интересы, в лучшем смысле этого избитого слова, консервативны»³ (выделено мной – Г. З.). Опять на современном витке кризисной истории теперь уже глобального сообщества повторилась ситуация, когда «все попытки *достучаться до элиты* викторианских *академических кругов*, предпринятые этим сборищем еретиков и любителей, *обернулись провалом*: критические замечания наталкивались на возмущенные отповеди, предупреждения пропускались мимо ушей, а на их советы никто не реагировал»⁴. И получается не просто «маємо те, що маємо», а происходит *неизбежное ухудшение*, кризисно длящееся экономическо-суживающееся функционирование общества.

С большой долей условности можно говорить, что «на первые роли в экономической науке вышли ученые. Их вклад в ее развитие очень важен, но язык не поворачивается назвать его *жизненно важным*», ибо «волки в экономическом мире уже перевелись, а значит *отпала необходимость обсуждать вопросы жизни и смерти*. Отныне мир населяли очень приятные, пусть и воображаемые овцы»⁵ (выделено мной – Г. З.). И современный научный экономический мир предстал миром *профессиональной человекомерной некомпетентности*, где начали сплошь и рядом господствовать экономические агенты и делки, у которых душа подменена мантрами свободы, выбора и успеха, т. е. наживы. О *целостной хозяйственной жизнедеятельности* почти нет и намека.

В такой научной, прежде всего экономической среде, которая была сформирована традиционной механико-материалистической (ньютоно-картезианской) наукой не могут быть найдены и обоснованы пути преодоления современного глобального (апокалиптического – Ю.М. Осипов) кризиса, ибо, как показали нобелевский лауреат по экономике Морис Алле и другие выдающиеся современные мыслители, он имеет *духовную природу*. Надежда на преодоление этого кризиса рушится с каждым днем, ибо пока в ходу находится традиционно воспринимаемая наукой *био-социальная природа человека*, никакие проекты выживания человечества *не несут* в себе *качественно иначе возможной* жизнедеятельности человека. Под нависшем в воздухе ощущением постоянного прогрессистского улучшения, когда риски и опасности в лучшем случае провозглашались, но в практическом плане *не предотвращались*, искать

³ Хайлбронер Роберт Л. Философы от мира сего. Великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха и идеи. – М.: КоЛибри. – 2008. – С. 268.

⁴ Там же.

⁵ Там же. – С. 217.

и понимать *коренные причины* нынешнего глобального кризиса человеческого сообщества как-то стало не принято в науке.

Непонимательное скольжение *по поверхности* ситуационных явлений и действий стало характерной чертой *экономиксической* науки, которая даже проблемы *социальности* стала все шире и шире игнорировать. А поскольку *био-составляющая* природы человека задала ориентировку на *отдельность* каждой особи человеческого вида как *индивидуума*, то и поверхностно воспринимаемая *индивидуальная свобода* была превращена во всеобщий провозгласительный *манипулятивный инструмент* роста и развития, а на деле – в средство *обесчеловечивания* как самого человека, так и его жизненной среды. В этом плане современные говорения-заверения о *ренессансе методологии индивидуализма* представляются очередными поверхностными заклинаниями о прогрессивности экономической науки, за которыми, по сути, скрывается *главный метод расчеловечивания*. Когда без желания понимания истинной сущности Чело-Века и без четкой научной определенности множества терминов: человек, индивидуум, рабочая сила, человеческий фактор, личность, экономический агент, актер, делец и пр. всё валится в одну «кучу», то такая «научная методология» задает лишь *разрушительную* функцию и «работает» не во благо, а во зло Чело-Веку.

Конечно, можно использовать все эти понятия, но научное исследование требует *методологической культуры*, согласно требованиям которой категории должны быть четко определены в смысловом значении. Их сплошная подмена друг другом не только не проясняет картину реальности, но схоластически запутывает видение действительности. В методологическом плане совершенно прав Н.А. Бердяев, когда уточнял онтологическое различие между категориями «человек» и «личность». «Человек, которого только и знает биология и социология, человек как существо природное и социальное, есть порождение мира и происходящих в мире процессов. Но личность, **человек, как личность, не есть дитя мира**, он иного происхождения. И это делает человека загадкой. **Личность есть прорыв, разрыв в этом мире, внесение новизны.** Личность не есть природа, она **не принадлежит к объективной, природной иерархии**, как соподчиненная ее часть. И потому... ложен персонализм иерархический. **Человек есть личность** не по природе, а **по духу**. По природе он лишь индивидуум. Личность не есть монада, входящая в иерархию монад и ей соподчиненная. Личность есть **микрокосм**, целый универсум. Только личность и может **вмещать универсальное содержание, быть потенциальной вселенной в индивидуальной форме...** *Личность не есть часть, и не может быть частью в отношении к какому-либо целому, хотя бы к огромному целому,*

всему миру. Это есть существенный принцип личности, ее тайна»⁶ (выделено жирным мной – Г. З.). Само понятие личности фиксирует именно то специфическое, которое не отражает ни понятие индивидуум, ни понятие человек.

В личности главное – ее надмирская, *духовная природа*, являющаяся разрывом в этом мире, а поэтому наделенная способностью вносить новизну в него, обусловленную своей универсальностью, тем, что представляет потенциальную вселенную. И это фундаментальное многозначное свойство личности позволяет связывать ее природу с *особым духовно-идеальным миром*, который существует вне зависимости от природы и происходящих процессов в этом мире. Если эта зависимость выносится на первый план, то речь идет лишь о человеке как биосоциальном существе, которое *не представлено в своей глубинной сущностной ипостаси*, ибо «личность не вмещается в непрерывный, сплошной процесс мировой жизни, она не может быть моментом или элементом эволюции мира»⁷. Понятие личности предназначено для того, чтобы зафиксировать *онтологические основания* человеческой жизнедеятельности, определенным образом «проявить» ноуменальный мир в человеке, который «задан» и существует *изначально*, еще до того, что он функционирует в феноменальном мире, в мире пространственно-объектном.

И именно с этим ноуменальным миром связано *творчество* личности, которое изначально реализуется в ее саморазвитии. «Личность не есть застывшее состояние, она разворачивается, развивается, обогащается, но она есть развитие одного и того же пребывающего субъекта, вот этот имя-рек. Само изменение происходит для сохранения этого неизменного, пребывающего... Личность ни в коем случае *не есть готовая данность*, она есть задание, идеал человека. Личность *самосозидается*»⁸ (выделено мной – Г. З.). И это самосозидание, саморазвитие есть *процессирующая внутренняя* деятельность личности. Причем эта самодеятельность имеет изначально ценностно-оценочную направленность, обусловленную универсальным содержанием личности как микрокосма. «Личность есть категория *аксиологическая*, оценочная... Личность должна себя созидать, обогащать, наполнять *универсальным* содержанием, достигать *единства в цельности* на протяжении всей своей жизни. Но для этого она должна *уже быть*. Должен изначально быть тот субъект, который призван *себя созидать*. Личность в начале пути, и она лишь в конце пути. Личность не составляется из частей, не есть агрегат, не есть слагаемое, она есть *первичная целость*. Возрастание личности, реализация

⁶ Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта. – 1999. – С. 178.

⁷ Там же.

⁸ Там же. – С. 179.

личности совсем не означает образования целого из частей, но означает *творческие акты личности, как целого*, ни из чего не выводимого и ни из чего не слагаемого. Образ личности целостный, он *целостно* присутствует во *всех актах личности*»⁹ (выделено мной – Г. З.).

Методология индивидуализма – сознательно созданный механизм, призванный схоластически воспроизводить не сущностное, а поверхностно-схематичное примитивное описание той кажимости, которая в теоретическом плане выдается в качестве глубинного постижения. Но эта кажимость отнюдь еще не является тем сущностным уровнем, на котором разворачивается постижение истинной реальности *человекомерной наукой*.

Социальность как одномерная нейтральность взаимодействий

Наиболее тревожное выражение современного кризиса жизнедеятельности человека в наиболее представимом виде мыслится, прежде всего, в *хромоте* на обе ноги того, что традиционно называется *социальностью* или проще – социальной защищенностью человека в жестко насаждаемом *социал-дарвинистском* глобализирующемся мире. Жизнь в искусственно созданной и углубляющейся *небезопасности* при постоянно усиливающемся внутреннем чувстве нарастающей *тревоги* становится *повседневностью*. «Самое поразительное, что *созданный человеком мир... отрицает уже* не только природу и Бога, с которыми у него борьба, а и... *самого человека*, который ему попросту уже *не нужен* – ни по сути своей, ни в массе своей. Искусственный мир требует и какого-то *искусственного человекоподобного создания*, того же гуманоида – то ли просто постчеловека, то ли даже сверхчеловека, ну и надо полагать, уже и не в тех количествах и пропорциях, чем сегодня, а потому всем не приспособившимся и *правильно не смутировавшим землянам* придется, видно, этот счастливый, но имманентно уже болезнетворный, *мир покинуть*»¹⁰ (выделено мной – Г. З.). Традиционная – *механико-материалистическая наука, исключившая* из предмета своих исследований *духовный мир человека*, его *сознание* не может ни более-менее полно описать современную *целостную реальность*, ни найти *жизнеспасительные* пути выхода из *длящегося* поликризисного состояния человечества, для которого нарастание рисков, опасностей и катастрофичности становится почти привычной *повседневностью*.

Главная причина кризисного состояния самой *науки*, транслирующей это состояние в практическую обыденность, состоит в том, что «наука, в дни ее

⁹ Там же. – С. 179-180.

¹⁰ Михайлов Ю. Реквием. Роман о романе, или роман с романом. Метафизическая проза. – М.: ТЕИС. – 2010. – С. 511.

всемогущества, начинает выступать скорее всего как средство овладения миром, а не как средство раскрытия фундаментального. Самый большой упрек нашей культуре заключается в том, что ее *наука* оказалась *не в состоянии впитать в себя то запредельное, с которым соприкоснулась*¹¹. С одной стороны, углубляющаяся *узкая научная специализация* создает непреодолимые межпредметные, а зачастую уже и внутрипредметные барьеры и не допускает широких мировоззренческих обобщений¹², чем своеобразно перекрывает «кислород *человечности*» носителями передового *техноского* знания, не говоря уже об остальной массе «ненаучных» людей, которым достаются лишь *популяризаторские отходы* от науки.

С другой стороны, агрессивно насаждаемая идеология оголтелого *потребля(ь)ства* и достижения сиюминутного *успеха* как *якобы* самостоятельного каждым человеком производимого рационального *выбора деформирует* многогранную *личность* в *одномерного* индивида, изначально *лишенного ценностной* системы внутренних мотиваций. В результате разворачивающийся мир *техники* как процесса де(э)волюции человека (В.А. Кутырёв) исповедует безудержную новационность как ускоряющееся движение по пути *о-бес-смысл-ивания* жизни. «Инновационизм – мировоззрение, при котором тела и вещи существуют только для того, чтобы поскорее исчезнуть. И замениться чем-то новым, более совершенным. Потом опять новым, еще более совершенным. И еще раз новым, неизвестно для чего/кого и куда «совершенным». Совершенствование без образца и конца, без «акме» – абсурд *perpetum mobile*»¹³. В результате существенно сокращается пространственно-временной континуум, в котором для выживания от человека требуются *целостные* осмысленно-ответственные действия, выражающие его *целостную триипостасную – духовно-био-социальную природу*. Но *игнорирование* именно *духовно-нравственной* составляющей-основания означает, по сути, нарастание современного процесса *повсеместного расчеловечивания*.

Вся западная, в том числе и марксистская философия преимущественно исходит из того, что *социум, социальное* как бы *изначально задает систему* координат осмысления действительности. И в этом заложена главная причина непонимания кризисности современного общества, которую связывают с социальным устройством, исходящим из био-социальной природы человека. Все

¹¹ Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. Изд. 3-е. – М.: Академический проект; Парадигма. – 2011. – С. 277.

¹² «Современная теоретическая мысль – безобразна. Она абстрактна и математична, более того, стала оппозицией всему образному и предметному, носителем и выражением их отрицания» (Кутырёв В.А. Бытие или ничто. – СПб.: Алетейя. – 2010. – С. 7).

¹³ Кутырёв В.А. Бытие или ничто. – СПб.: Алетейя. – 2010. – С. 9.

наши беды и катастрофичность современности проистекают из недомыслимости и не понимания, что «проблема человека, т. е. проблема личности, первичнее проблемы общества. Ошибочны все социологические учения о человеке, они знают лишь поверхностный объективированный слой в человеке. Лишь извне с социологической точки зрения личность представляется подчиненной частью общества и при том очень малой частью по сравнению с массивностью общества. Но подлинное учение о человеке-личности может построить лишь экзистенциальная философия, а не философия социологическая, как и не философия биологическая. Личность есть субъект, а не объект среди объектов, и она вкоренена во внутреннем плане существования, т. е. в мире духовном, в мире свободы. Общество же есть объект. С экзистенциальной точки зрения общество есть часть личности, ее социальная сторона, как и космос есть часть личности, ее космическая сторона. Личность не объект среди объектов и нет вещь среди вещей. Она субъект среди субъектов и превращение ее в объект и вещь означает смерть»¹⁴. Специфика личности состоит в том, что она независимо от природы, от общества, от государства и противится всякой внешней детерминации, ибо она есть детерминация изнутри. Личность определяет себя изнутри, вне всякой объективности, а определение из свободы и есть личность. «Существование личности предполагает свободу. Тайна свободы есть тайна личности. И свобода эта не есть свобода воли в школьном смысле, свобода выбора, которая предполагает рационализацию. Достоинство есть личность в нем. Только личность имеет человеческое достоинство»¹⁵.

Социальность традиционно понимается прежде всего как *взаимодействие* особей, индивидуумов. В таком понимании сама социальность предстает как нечто *нейтральное*, ибо в ней самой еще *нет качественной определенности* этого взаимодействия. «Социальная обыденность давит на совесть и искажает ее, но *никогда не порождает ее и не определяет*. Глубина совести заложена в духовной действительности, а *не в социальной действительности*, и потому только возможна оценка социальной действительности и суд над ней. И потому достижение духовной свободы *от власти социальной обыденности* есть всегда стоящая *перед личностью нравственная задача*»¹⁶ (выделено мной – Г. З.). Поэтому мир социальной обыденности (взаимодействий индивидуумов) должен *оплодотворяться совестью* во благо человека, что возможно только в случае, когда во взаимодействие вступают *личности*. В этом плане обыденная социальность уже предстает *общностью, единением духовным*, а не просто

¹⁴ Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта. – 1999. – С. 182.

¹⁵ Там же. – С. 183.

¹⁶ Там же. – С. 205.

социальным взаимодействием. «Подлинная общность – преодоление разрыва и раздвоения между двумя планами – духовным и социальным, в ней духовность делается социальной и социальность делается духовной. А это значит, что в общности преодолевается одиночество не через подчинение личности обществу, как части целому, а через победу духовного мира над миром природно-социальным, т. е. через достижение духовной социальности, которая излучается личностью, а не подавляет личность»¹⁷.

Отсюда следует, что социальность обыденная фиксирует лишь поверхностное видение взаимодействий людей, которые сами по себе еще не позволяют видеть то, ради чего – блага или зла – происходит взаимодействие. Но углубление постижения социальности выводит сознание на *новый уровень миропонимания*, где уже как бы вступает в свои права *духовность*, которая *ценностно оплодотворяет социальность*, делает ее духовной, но субъектом этого оплодотворения является целостная личность.

Исходя из такого понимания личности и ее роли в мире главная характеристика современности как техноса, как это ни странно, лежит вовсе не в создании постоянно и настырно обновляющейся *техники* как материально выраженного основания *искусственного мира*, а в том, что происходит *ускоренная деформация целей и ценностей человеческой деятельности*, и прежде всего *утрата* ею *этического измерения* своих мотивов и результатов. Личность как глубинная «характеристика» человека *задвигается* на ничего не значащий задний план действительности, что автоматически задает *непонимание реальности* (XX век – век непонимания – М.К. Мамардашвили). Это же оборачивается расширяющейся *подменой* «нормативного знания, открывающего системные связи в природе и ограничивающего технологический производ, знанием сугубо *инструментальным*, целиком и полностью полагающимся на открытие *новых технологий*»¹⁸ (выделено мной – Г. З.). Человек и общество утрачивают смысл *Великого духовного проекта*, без которого практически невозможно *ценностное* целеполагание развития как внутреннего настроя и желания обеспечивать *достойную, счастливую жизнь* всего населения планеты Земля.

Человекомерность раскрывается через духовное измерение жизнедеятельности личности

Императив выживания человечества (Н.Н. Моисеев), спасения человека, через реализацию которого может быть спасена сама жизнь на планете,

¹⁷ Там же. – С. 206.

¹⁸ Толстых В. Глобальные вызовы и поиски ответа: социокультурный аспект // Горбачев М.С. и др. Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. – М.: Альпина Паблицер. – 2003. – С. 402.

становится *центральной практической* задачей. «Нам необходимо понять постиндустриальное общество как возвращение из «постчеловеческого» мира в *человеческий*... Сегодня культурная революция современности состоит в том, чтобы *вернуть права живого* и повысить его статус – *онтологический* и *ценностный*»¹⁹ (выделено мной – Г. З.).

Постнеклассическая **Чело-Век-о-мерная** наука, как выражение *четвертой научной революции*, сегодня встала на повестку дня кризисно глобализирующегося мира вовсе не случайно. Само ее название, имя указывает на глубочайший *смысл* этой науки, в котором центральным *благо-несущим* словом является **Чело-Век**, выступающий как **мера** всей жизнедеятельности.

В самом термине «*человекоразмерность*» весьма четко и однозначно выделяется-определяется то *самое существенное*, которым только и может прирастать житнетворение. **Чело-Век!** Если в такой разделенно-слитной транскрипции обратиться к «Толковому словарю русского языка» В. Даля, то в этом слове четко выделяется: **чело** – голова, перёд, лицо; *лицо* человека – представитель *высших духовных даров*; лично, самолично, не через третьего; **век** – бытие Вселенной, *вечность* – безначальный и бесконечный, всегдашний, постоянный, нескончаемый, пожизненный. Поэтому: **ЧЕЛО-ВЕК** – *лицо, всегда обращенное к Вечности, к высшим духовным дарам, вечным ценностям жизни*²⁰. **РАЗ-МЕРНОСТЬ** – *раз* – крата – известное число разов; единица, один; **мера** – способ определения количества по принятой единице, предел, граница, т. е. кратность предельного определения по принятой единице.

В целом же, исходя из указанных фиксаций, *человекоразмерность* можно свести к тому, что *в процессирующем явлении должна бесконечно (кратно) устанавливаться постоянная его граница, соотносимая с лицом, всегда обращенным к Вечности, откуда восполняются высшие духовные дары: любви, общности (взаимности, сотрудничества), самореализации лика (личности) в свободном и ответственном творчестве*, коль скоро *личность* своим участием в данном процессе *влияет* на его протекание. И не просто *влияет*, а *задает формат миротворения*, который традиционно в познавательном плане называется *социальным реформированием*. Однако это по сути не так, ибо предметная, реальная свобода как творчество не производна от социума, не гарантирована обществом, а скорее направлена на его перерождение – перестроение в направлении иначе качественного возможного (желательного) будущего.

¹⁹ Панарин А.С. РЕВАНШ ИСТОРИИ: Рос. стратег. инициатива в XXI веке. – М.: Руський миръ: Моск. учеб. – 2005. – С. 100, 101.

²⁰ «Человек принадлежит глубине вечности» (Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. – М.: АСТ: Астрель. – 2011. – С. 418).

В этом плане важно понимать, что власть общества над личностью, ее абсолютная граница состоит в *конечном предназначении человека*, которое отнюдь не является социальным, а непосредственно связано с *духовностью, духовными ценностями, с вечностью*. Временной аспект человеческой жизнедеятельности преходящ, он лишь отражает то *вечное*, которое фиксируется духовной и нравственной культурой, системой воспитания народа в уважении к достоинству человека, что и способствует установлению границ власти общества над личностью. «Но это значит, что граница эта не определяется со стороны плана общественного, она определима со стороны принадлежности личности к плану духовному. *Все социальные цели оказываются средствами для духовных целей*. Ничто внешне социальное не оказывается самоценным, оно всегда относительное. В плане социальном нельзя найти ничего абсолютного и вечного... Абсолютна и вечна лишь духовная основа общества»²¹ (выделено мной – Г. З.).

В этом аспекте миропонимания приходит четкое осознание и понимание *главной задачи науки XXI века: исследование внутреннего духовного мира человека*. Без такого постижения Универсума и человека, осуществления практических плодотворных действий в данном направлении вряд ли можно найти реальные пути выхода из углубляющегося поликризиса современности. **Одухотворение, очеловечивание** действительности сегодня **равнозначно выживанию и спасению** человечества. И перед учеными, как впрочем, и перед всеми землянами, встал фундаментально-спасительный вопрос: готовы ли мы «принять единство науки и духовности?»²².

Другими словами, оценивая все негоразды и риски действительности, сегодня мы должны четко осознать, что «выход из всех тупиков современного мира содержит в себе София Премудрость Божья, указующая пути из паутины виртуальных, завиральных, финансовых и аморальных миров в царствие их оригиналов, их смысловых и хозяйственных прообразов». Для своего спасения, как и спасения Природы, и самой Жизни, нам ныне *провиденциально открылось*, что «взрывной интерес к Софии-мудрости проявляется накануне величайших катаклизмов истории, когда безумие охватывает почти всех, именно тогда мудрость-София протягивает свою спасительную руку. Ибо София – идея всех идей, сакральная парадигма всего бытия»²³. Поэтому «исследование любых современных проблем возможно лишь в софийном контексте, в котором восстанавливается высшее единство неба и земли! Все

²¹ Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта. – 1999. – С. 214.

²² Талбот А. Голографическая Вселенная. – М.: Издательский дом «София». – 2005. – С. 307.

²³ Шулевский Н.Б. Софийный горизонт бытия // София. Сто лет русской философии хозяйства. – М.: ТЕИС. – 2012. – С. 46.

помыслы зарождаются в Боге, созревают в Софии и открываются в чистых сердцах»²⁴ **Чело-Веков**.

Для теоретического осмысления всего происходящего и обоснования практических *спасительных* действий человека и человечества необходим *кардинальный методологический прорыв*, на который нацелена формирующаяся *постнеклассическая наука*. Ее объектом исследований стали **человекомерные комплексы**, в которых человек играет *определяющую* роль, выступает *ядром* таких комплексов. Но понять суть развития человекомерного комплекса невозможно, не вникнув в *целостную триединую духовно-био-социальную природу человека*, в *целостность* его хозяйственной деятельности.

Это же, в свою очередь, говорит о том, что необходимо кардинально изменить систему координат в самом постижении-понимании Чело-Века. Нам еще только предстоит глубоко понять, что фундаментальная черта новой научной человекомерной парадигмы – «это понимание того, что *сознание – первичное* свойство существования, а не эпифеномен материи», ибо «недавние открытия подтверждают утверждения древней философии и великих мистических традиций, что *люди* являются также *бесконечными полями сознания*, превосходящими пределы времени, пространства и линейной причинности», а «глубинная динамика человеческой психики в сущности своей *духовна* и что *духовность* является *важнейшим измерением мироздания*»²⁵ (выделено мной – Г. З.).

Научный интерес к духовности и внутренним глубинным поискам личности сейчас становится не просто приоритетным, но и *предельным обнадеживающим* фактором в весьма проблематичном современном мире. «Новая парадигма сможет стать важным катализатором эволюции *сознания*, которому предстоит играть роль *критического фактора* в сохранении жизни на нашей планете»²⁶ (выделено мной – Г. З.).

Именно *переход* мышления и миропостижения в формат **целостности**, которая является его *духовным кодом* и *сакральным ключом*, сегодня неизбежно, принудительно, безальтернативно становится *императивной* предпосылкой деятельности человека *по спасению самого себя, Природы и Жизни*, над которыми нависла реальная угроза у-ничто-жения. По сути, вновь с

²⁴ Там же. – С. 52.

²⁵ Гроф С. Путешествие в поисках себя: Измерения сознания. Новые перспективы в психотерапии и исследовании внутреннего мира. – М.: ООО «Издательство АСТ» и др.. – 2004. – С. 281, 310.

В этой связи следует вспомнить слова Лейбница: «В основе вещественной стороны мира лежат силы, а не вещество. Первопричины вещественного мира, таким образом, несомненно духовны» (цит. по: Сафонов В.И. Мысли... мысли... Размышления, вопросы, сомнения. – М.: ООО «Издательский дом «София». – 2003. – С. 226).

²⁶ Гроф С. Путешествие в поисках себя: Измерения сознания. Новые перспективы в психотерапии и исследовании внутреннего мира. – М.: ООО «Издательство АСТ» и др.. – 2004. – С. 319.

особой силой актуализировался изначальный вопрос: *что есть личность?* Умение выстоять перед этим вопросом, «не испугаться его, не уклониться от него будет определять *возможность человека выжить* в этом Мире, быстро идущем в непонятное будущее»²⁷ (выделено мной – Г. З.).

Глубинное постижение Универсума в ныне разрабатываемом *новом* мировидении требует *личностного взгляда-критерия*, который задает-требует *одушевленности* как исходного принципа научного поиска. Самым главным в формировании нового типа мышления сейчас является признание *осмысленности* и *оживотворенности* всего мира, а это уже подразумевает необходимость соблюдения *этических законов*²⁸. Это же, в свою очередь, ведет к тому, что традиционный подход описания человеческой деятельности только в координатах чисто *экономических* трактовок (неоклассика, рыночный фундаментализм, методология индивидуализма) не только недостаточен, но он во многом *вреден, опасен* для самой жизни человека и общества, *губителен* для Природы.

Фундаментальность ценностной рациональности

Современный длящийся глобальный поликризис и насущные беды человечества явно указывают, что *целерациональность*, соотносительная с чисто *количественными* параметрами деятельности, должна, как говорят философы, уходить в основание, а на первое место сегодня с необходимостью, а правильное и важнее – *императивностью*, выходит ***ценностная (сущностная) рациональность***. Именно она ныне и в дальнейшем ради жизнеспасения, прежде всего человекоспасения, свидетельствует не просто о возрождающемся *ценностном* ренессансе, а должна стать *основанием* актуальной структуры человеческой хозяйственной деятельности.

Но в то же время надо четко представлять, что эта актуализация одновременно означает и *фундаментализацию* как выдвигание *духовно-нравственных ценностей чело-вечности*, изначально заложенной в хозяйстве и хозяйствовании. Чело-Вечность должна проявиться как первейшая ценность, которая предопределяет-оплодотворяет все другие ценности. «Действительно, человечество всегда требовало актуализации ценностей способа жизни, но только сейчас, в эпоху растущей конкурентоспособности знаний и остроты проблем экологии, *ценностная конкурентоспособность по-настоящему становится императивом*»²⁹. Наступление эпохи *ценностной*

²⁷ Налимов В.В. Указ. соч. – С. 35.

²⁸ Чикалин М.В. Творение и закономерности развития в природе и обществе: наука, техника, язык: Книга I. – М.: Белые Альвы. – 2005. – С. 3-4.

²⁹ Пахомов Ю. Бифуркаційний стан світосистемного ядра напередодні зміни світових лідерів // Економіка України. – 2008, № 4. – С. 8.

конкурентоспособности связано с переходом не только международной конкуренции, но и мышления и мировоззрения в новый формат ценностной рациональности.

М. Вебер в работе «Хозяйство и общество» разработал теорию рациональности, в которой разграничил две пары определений рациональности: по социальному действию – целевую и ценностную и по экономической активности – формальную и сущностную. Эти две антимонии почти идентичны, но могут использоваться в разных значениях. Поскольку социальное действие имеет более широкую область охвата, которое включает в себя и экономическую активность, то в условиях выживания человечества чрезвычайно актуализируется понимание и реализация именно первой пары определений рациональности. В основе целерациональности, писал М. Вебер, лежит «ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей; эти ожидания используются в качестве «условий» или «средств» для достижения активным субъектом своих рационально поставленных и продуманных целей»³⁰. Ценностно-рациональное социальное действие им определяется как действие, «основанное на вере в самодовлеющую ценность неких этических, эстетических, религиозных или других форм поведения, не зависимо от той степени, в какой они способны обеспечивать успех»³¹. Ценностная рациональность оплодотворяет человеческую деятельность посредством «заповедей» или «требований», в которых видит индивид свой *долг*. Эти заповеди становятся *безусловными требованиями* и реализуются, невзирая на возможный для себя ущерб, ибо посредством их люди претворяют в жизнь свои убеждения о долге, достоинстве, красоте, религиозных предначертаниях, благочестии или важности некоего «предмета» любого рода. Эти ценности-требования выступают как *дух* человеческой деятельности. В повиновении таким заповедям человек видит *смысл жизни*.

Целерациональным действие предстает тогда, когда «цель, средства и побочные результаты рационально *взвешиваются и просчитываются*. Это включает в себя рассмотрение альтернативных средств достижения цели, связей между целью и побочными последствиями и, наконец, отношения различных возможных целей друг к другу... в данном случае действие не аффективно и не традиционно» (выделено мной – Г. З.), а потому целерациональность является лишь *средством реализации системы ценностей*, а сама она ориентирована на принцип «предельной полезности»³².

Целерациональность в экономической сфере соотносится с *формальной*

³⁰ Weber M. Economy and Society [Vols. 1-2]. Vols. 1. – New York: Bedminster Press, 1968. – P. 24.

³¹ Там же. – P. 24-25.

³² Там же. – P. 25-26.

рациональностью, которая определяется *мерой технически возможного для хозяйства* и действительно применяемого *расчета*, т. е. имеет *количественную определенность* достижения целей, которые вытекают из ценностей жизнедеятельности. Специфика сущностной рациональности сводится к тому, что при этом «анализ *не ограничивается* простой констатацией чисто *формального* и (относительно) однозначного факта, что целенаправленное действие основано на *рациональном расчете*, использующем наиболее совершенные технические методы, но определенным образом принимает во внимание *высшие ценности*, будь то этические, политические, утилитарные, гедонистические, феодальные (сословные), эгалитаристские или какие-либо еще, а результаты хозяйственной деятельности, как бы «рационально» исчислены они ни были, *оцениваются* также и по шкале «*ценностной рациональности*» или «*сущностной целерациональности*»³³ (выделено мной – Г. З.).

Все это позволяет утверждать, что ценностная рациональность *задает качества целей* рациональной деятельности, но она *не может* сводиться к *количественному* подсчету или оценке, а *оплодотворяет* продуктивную хозяйственную жизнедеятельность человека специфическим *человечным духом*, связывая в совместно-разделенный процесс хозяйствования. Особенно важными становятся ценности и мотивы *человечности* в нынешний период углубляющегося глобального кризиса, который весьма четко проявил нарастание тенденции *игнорирования высших ценностей* в ходе современных финансово-экономических *деформ*.

Вполне естественно, что становление постнеклассической *человекомерной* науки не может не отражаться на системе *образования*, в которой также требуются не просто чисто формальные, но *кардинальные* изменения в *качественно-содержательном* плане. Суть необходимых здесь реформ весьма точно выразил Джидду Кришнамурти в следующих словах: «...до тех пор, пока образование не сможет выработать у нас *целостного представления о жизни*, оно будет бессмысленным... Образование – это не просто стяжание разного рода знаний или сбор и систематизация фактов. Образование – это *познание жизни как целостного процесса*. Главной задачей образования является формирование *целостного*, а значит и *разумного человека*... Познать жизнь означает *познать самого себя*, именно это является альфой и омегой образования»³⁴ (выделено мной – Г. З.).

Важно понимать, что без нарастающего осознания современной кризисной реальности, понимания ее истинных причин и следствий, вряд ли

³³ Там же. – Р. 85-86.

³⁴ Кришнамурти Джидду. Образование и смысл жизни. – К.: «София»; М.: ИД «София». – 2003. – С. 10, 15, 14.

возможно говорить и о *посткризисном* развитии. С другой стороны, взятые в качестве канвы высказывания выдающихся *мыслителей современности*, которые *видят глубже и дальше* даже просто образованных людей, мыслителей, обеспокоенных судьбой человечества и будущим каждого человека, свидетельствуют, что в науке, образовании и хозяйствовании неизбежно будет нарастать количество понимающих глубинные проблемы спасительной жизнедеятельности, что создаст условия для изменения мышления и действий. Мыслителями уже сделано довольно много. Но нынешняя ситуация такова, что *леность к чтению* даже среди ученого истеблишмента, даже *весьма продвинутого* в познании каких-то *узких* научных проблем, не позволяет сосредотачивать внимание на *мировоззренческих, ценностно смыслообразующих* вопросах, определяющих направления и пути функционирования, выживания и развития человека и общества.

Между тем не будет преувеличением констатировать, что подавляющее большинство острейших проблем современной реальности возникло из-за того, что именно глубинные, фундаментальные, *вечные вопросы откладываются* в этом суматошном, стремящемся к *успеху* любой ценой, мире на «потом», которому, как правило, так и не наступает черёд. *Забывая или не желая искать ответы на вечные вопросы*, человечество ускоряет свое движение к *небытию*, а словесные призывы без надлежащего обдумывания и понимания *лишь обостряют* кризисную ситуацию, порождают новые риски и опасности, создают вполне реальные катастрофические угрозы жизнедеятельности человека, вызывают деградацию.

Между тем требование постнеклассической *человекомерной* науки сформировать *новую научную картину реальности* и задача образования – доводить ее к сознанию молодежи, превращая ее в основание процесса современного миропостижения, являются необходимыми императивами *человечной* жизнедеятельности, независимо от статусной определенности субъекта хозяйства – человека, предприятия, государства или транснациональной корпорации. Человечная деятельность возможна только на основе ценностной рациональности, благодаря реализации которой человек может сохраняться и воспроизводиться как Чело-Век.

Личностная методология как способ постижения и развертывания голема свободы-ответственности личности

Следует особо акцентировать, что мотивации и решения к действию принимаются *именно отдельным человеком, личностью*, руководствующейся своим *мировоззрением*, во многом являющимся результатом процесса *личного самопостижения и образования*. Рассуждения о коллективных интересах и

целях в данном аспекте лишь *искажают* проблему, затушевывают ее понимание, становятся зачастую вредоносной социальной технологией *перекладывания* личной *ответственности*. И дело не столько в том, что общество «выставляет человеку цену за полученную им свободу, и цена ей – ответственность»³⁵. Истинная проблема находится намного глубже: в самой специфике человеческой духовной внутренней природы, где «заложен» архетип-код **свободы-ответственности**, который предопределяет целостность личности и неизбежно должен *развертываться* через *мемы* (культурное) и *уны* (собственно человеческое) посредством ее целостной хозяйственной жизнедеятельности.

Для постижения проблемы *свободы-ответственности* необходимы *метафизические размышления*, ибо в своем **неразделимом единстве свобода-ответственность** покоится в глубинно-сущностной природе *личности*, *всецело* принадлежат сфере *духа*. Именно из этого единства свободы-ответственности исходят *все* глубинные *ценностные* установки личности, которые (должны) объективируются в ее хозяйственной жизнедеятельности. *Разрыв* свободы-ответственности порождает все *суетные* проблемы. *Потеря ответственности* – это *утрата* человеком способности к *истинному использованию свободы*. Свобода в отрыве от ответственности превращается во *вседозволенность*, рождает *внутренне разорванного*, как минимум, *раздвоенного* человека, который *не может жить полноценной жизнью*. Личность его, как внутреннее глубинное ценностное единство, *разрушается*. И никакой *внешний закон* не может *справедливо* отрегулировать межчеловеческие единое-единственное «я».

Личность включает и свободу, и ответственность, которые имеют *рефлексивную природу*, отсвечиваясь одно в другом, но отсвечиваются так, что это по сути *единое-единственное*, которое и есть предисходной **свободой-ответственностью**. И эта свобода-ответственность не имеет оснований, т. е. является *предоснованной*. В ней находят основания постижения мироздания, ибо она *изначально* «определяет» саму среду, в которой развертывается *вся полнота опыта личности*, т. е. она предстает в форме *исходной основополагающей интуиции* для самопостижения и самореализации личности.

Свобода-ответственность в таком понимании «я» (глубинно-сущностная предопределенность личности, ее геном и архетип) предстает именно *исходной точкой* пространства-времени, которая развертывается в *физическом мире* прежде всего через *физические константы антропного принципа*, а затем и в пространственно-временном материально-вещном мире. Но *в то же время* эта

³⁵ Друкер П.Ф. Эпоха разрыва: ориентиры для нашего меняющегося общества. – М.: ООО «И.Д. Вильямс». – 2007. – С. 215.

исходная точка разворачивается и по *личностно-человечной, духовной «оси»*, представляя процесс *разворачивания свободы-ответственности как сознательного человеческого творчества*. По сути, здесь говорится о разворачивании *единой предсущности*³⁶, но в разных объективированно воспринимаемых мирах: *физическом и духовном*. Здесь же находится доказательство, что *физические константы* антропного принципа **обеспечивают разворачивание духовно-нравственной константы** этого принципа, которая *исходно предположена* в свободе-ответственности как во *вневременном центре* человеческой-человечной личности.

В этой исходно-изначальной свободе-ответственности личность предстает перед *пустым миром*³⁷, но через нее же «берёт» *ответственность* за «сотворение» мира, свободно-ответственно *распаковывая* в нем те *смыслы*, которые как тайна находятся в *вероятностном смысловом континууме*. И в этом статусе-процессе *преодоления жесткой личностной капсулизации*, который именно и предстает разворачиванием свободы-ответственности постижения *жизнетворческих смыслов*, *личность* можно понимать как **смысл смыслов**, как постоянную устремленность к тайне, как постоянное напряженное усилие к *жизнетворению*. Указывая на принадлежность свободы-ответственности *сфере духа*, принципиально важно подчеркнуть, что *специфика духа* определяется тем, что «дух может быть организатором, он может владеть техникой для своих духовных целей, но он будет сопротивляться превращению его в орудие организаторского технического процесса»³⁸.

Свобода-ответственность *проявляется-реализуется в хозяйстве и целостной деятельности человека*, познание которых возможно только в формате *метафизических и ценностно-нравственных* размышлений. При этом *специфика* свободы-ответственности сводится к тому, что она **автоматически не воспроизводится** в каждой *отдельной ситуации* или отдельном действии, *поступке*³⁹ личности. Каждый раз свобода-ответственность «созидается» **заново** и требует *напряженных личностных усилий*.

В нынешней весьма рискованной и опасной глобальной кризисной ситуации *императив выживания человечества трансформируется в императив*

³⁶ Подробнее см.: Задорожный Г.В., Задорожная О.Г. Мемо-уный личностный годем «свобода-ответственность» как истинно-реальное основание разворачивания очеловечивающего хозяйства // Вопросы политической экономии. – 2014. – № 4 (электронный журнал).

³⁷ См.: Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. – 2012. – С. 261.

³⁸ Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. – М.: АСТ: Астрель. – 2011. – С. 660.

³⁹ Весьма показательной в этом плане является связь свободы и ответственности в поступке: «так или иначе, но философия собственности предстает в контексте философии поступка, прежде всего – проблем свободы и ответственности», что задает новый формат мировоззренческого осмысления духовной собственности и необходимости ломки привычных стереотипов (Тульчинский Г. Свобода и собственность // Исупов К., Савкин И. Русская философия собственности (XVIII – XX вв.). – СПб.: СП «Ганза». – 1993. – С. 442).

человеческой личностной ответственности. Речь идет об изменении именно *императива* нынешней жизнедеятельности. Только превратив *ответственность личности в императив*, можно надеяться на возможность *выживания* человечества, на то, что человечество сможет иметь *человечное* будущее.

Одним из первых этот вектор осмысления современного бытия обосновал еще в 50-е годы XX века заведующий кафедрой этики Католического университета в Люблине Кароль Вайтыла, ставший затем Папой Римским Иоанном Павлом II. «Именно в реализме как экзистенциальном требовании, перефразируем Канта, осуществляется связь человека с миром и Богом, иначе всё можно придумать, оправдать и от всего отказаться. Словно бы кантовский категорический императив с его призывом «действовать так, чтобы в своем лице никогда не относиться только как средству, но и всегда и как к цели», Вайтыла *заменяет императивом реалистической ответственности*, подразумевающей *сиюминутную* – но перед *лицом вечности!* – осознанность присутствия в бытии, и в бытии Бога»⁴⁰ (выделено мной – Г. З.).

Прояснить выражение «*сиюминутную – но перед лицом вечности!*» здесь можно словами С.Н. Булгакова: «Вечность лежит не *за* временем или *после* времени, но наряду с ним, *над* временем, как для него идеал, и *под* временем, как его основа, которая ощущается временем лишь через призму ничто, небытия. В любом миге бытия, в каждом его моменте просвечивает вечность, целостная и неделимая, в которой нет настоящего, прошлого и будущего, но все, что бывает, временно есть. Вертикальные сечения времени проникают в вечность, поэтому-то ничто из того, что только однажды мелькнуло во времени, не может уже исчезнуть, обратиться в небытие, ибо имеет какую-то проекцию в вечность, есть сама она в одном из бесчисленных ликов своих. В этой свободе от временности, в этой неистребимости раз бывшего заключается и радость бытия, и страх пред вечностью, ее угроза: на Страшном суде ничто не позабудется и не укроется»⁴¹.

Современная *экономиксическая* наука в последние годы актуализировала проблемы *социальной ответственности*, но ей до сих пор не удалось постигнуть суть «природной» ответственности Чело-Века. Социальная ответственность является вторичной, *производной* от ответственности личности. Непонимание этого порождает желание видеть в социальной ответственности чуть ли не краеугольный постулат преобразовательного менеджмента в условиях глобального кризиса. Но за феноменом социальной

⁴⁰ Вайтыла Кароль (Папа Римский Иоанн Павел II). Личность и поступок: Антропологический трактат. – М.: Издательство Московского университета. – 2010. – С. 12-13.

⁴¹ Булгаков С.Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. – СПб.: «Издательство Олега Абышко». – 2008. – С. 278.

ответственности скрыта *тайна*, связанная с единой духовно-био-социальной природой личности, с тем, что голем «свобода-ответственность» пока *не расшифрован* современной наукой. Но понимание этой проблемы является достоянием скрытого эзотерического знания, которое в последнее десятилетие начало постепенно приоткрываться в специальной литературе⁴². Поэтому можно говорить о том, что поскольку в жизнедеятельности человека проявляется взаимодействие добра и зла, то и ее осмысление невозможно вне взаимообогащения научного и духовного знания. В этом явном поверхностном симбиозе⁴³ нынешних отрывочных знаний приходит осознание, что «суть грехопадения человека состоит в наивном познании смысла Добра, сведенного современным человеком к принципам «свободного общества», «общества потребления», к идее «индивидуальной свободы» и смысла Зла, понимаемого обывателем как лишения человека простых радостей эгоизма», чем в какой-то мере уже *задается ориентир* осознания того, что «обществу *еще предстоит пройти путь постижения* того, что сегодня пока является *тайным знанием элиты элит* – мудрецов, философов и священников, *познания* того, что *Свобода практически равна Ответственности*, Долгу, осознанной Необходимости, диктуемой, в зависимости от мировоззренческих предпочтений мыслителя, или Законом Божьим, или фундаментальным Законом Природы»⁴⁴ (выделено мной – Г. З.).

Понимание *голема свободы-ответственности* как *предисходной «клеточки»* единой духовно-био-социальной природы человека позволяет говорить о необходимости кардинального перехода от методологии индивидуализма к *личностной методологии* исследований хозяйства как сферы *целостной* человеческой жизнедеятельности. Развертывание *голема свободы-ответственности* открывает совершенно *новую качественную* возможность политэкономического анализа, в котором *человекомерность* становится его *альфой и омегой*, ибо вне координат *человекомерности* вряд ли можно правильно – *человекоспасительно* постигать наш кризисный мир и продуктивно его преобразовать во благо Чело-Века. Как здесь глубоко не задуматься над словами Л. Баткина: «*Моральность рождается* в момент выбора *под личную ответственность*, а не как результат наложения *готовой* парадигмы. В политике, в истории *наиважнейшей проблемой*, в свою очередь, становится

⁴² См., напр.: Гендель Макс. Музыкальная гамма и схема эволюции. – М.: Профит Стайл. – 2010; Гендель Макс. Лекции о христианстве розенкрейцеров. Сокровенные истины о Шекспире. – М.: Профит Стайл. – 2012 и др.

⁴³ Здесь не затрагивается проблема исходной синкретичности человеческого знания.

⁴⁴ Шелкопляс Е.В. О формировании элиты «Третьего Рима» в новой политической реальности: взгляд с позиций теории системного оптимума развития // Национальная элита – судьба России. – М.; Волгоград: Волгоградское научное издательство. – 2009. – С. 272.

определение *индивидуумом границ этой ответственности*»⁴⁵ (выделено мной – Г. З.).

***Ренессанс политической экономии через развертывание
философии хозяйства и глобалистики***

Получив фундаментальное качественное образование в старейшем классическом Харьковском университете по специальности «политическая экономия», проблемы совершенствования методологии экономической науки стали господствующими в личном осмыслении реалий конца XX – начала XXI века. Без понимания и развития методологических оснований и постулатов экономическая наука становится поверхностной, манипулятивно-сиюминутной, оторванной от процесса реальной жизнедеятельности человека. Многие количественные показатели, индексы, схематично-упрощенные математизированные модели, модно-апологетические концепты быстро меняющейся видимой действительности в основном превращаются в «научную» шелуху, не только не раскрывающую сущность целостной человеческой деятельности, но она способствует нарастанию *непонимания*, поле которого быстро расширяется. В итоге научные практические рекомендации в большинстве своем *неприменимы* к усложняющемуся кризисно-античеловечному искусственному миру, ибо *их продуктивность* с точки зрения *целостной* хозяйственной деятельности и создания условий для саморазвития и самореализации личности *ничтожно мала*. Главная причина такого современного состояния находится в том, что в хозяйствоведческой науке человек, *личность отодвинута на какие-то задние роли*, без четкого осознания, что только *целостная личность* должна рассматриваться как *базисный инициативный субъект*, который самореализуется в свободно-ответственном творчестве нового качественно иначе возможного мира для своего блага.

В продвижении по пути постижения и понимания быстро меняющегося и усложняющегося современного глобального мира, выявления его противоречий, рисков, угроз и опасностей вызрело обоснование необходимости практического перехода к *человекомерной науке*. В ходе напряженного осмысления глубинной реальности и нынешней поверхностной действительности мной были последовательно предложены и обоснованы **7 гипотез** (положений-шагов), ставших для личного миропонимания *узловыми точками нового мировосприятия*, которые сегодня позволяют говорить о том, что *иначе возможное человеческое будущее* непосредственно связано с проективной идеей созидания ***духовно-ноосферно-устойчивого общества***. Весьма кратко

⁴⁵ Баткин Л.М. Макьявелли: опыт и умозрение // Вопросы философии. – 1997. – С. 113.

остановлюсь на сути этих гипотез, которые во вполне четко сформулированных и аргументированных формулировках представлены в основных опубликованных мною осмыслительных работах.

1998 г. – *социальная экономика (экономия)*⁴⁶, основанная на традиционном понимании сущности человека как *биосоциального* существа. Специальный глубинный анализ социальной составляющей показал, что *социальность* лишь фиксирует *взаимодействия* людей без четкого различения и указания *качественной направленности* этих *взаимодействий*: во благо или во зло. В содержании нынешней кризисной социальности «заложена» некая недостаточность современного мировоззрения и даже ачеловечность.

2000 г. – *интеллектономика как цивилизация одухотворенного интеллекта*⁴⁷. Понимание *интеллекта* как логично-расчетного *целерационализирующего* свойства человеческого *сознания* (более фундаментального основания реальности, чем материя, пространство и время) позволяет использовать интеллект как во благо (атомная энергетика), так и во зло (атомная бомба). Научные открытия – нейтральны, но их использование зависит от *человеческих качеств-ценностей* тех людей, которые внедряют их в жизнь⁴⁸. Выделена и обоснована приоритетность в международной конкуренции⁴⁹ *новой 5 стадии – интеллектуальной конкурентоспособности*.

2005 г. – *триипостасная – духовно-био-социальная природа Чело-Века*⁵⁰. Именно *духовная* основание-составляющая отличает Чело-Века от всех иных животных видов; она предопределяет и биологическое, и социальное. *Трансперсональная психология*, открывшая *новую карту человеческой психики* и человеческого сознания, предстала тем основанием и полем мыслетворчества, которое четко доказала императивную потребность *духовного очеловечивания* реальности. Переход к более сущностной современной стадии международной конкуренции в условиях необходимости выживания человека и человечества фундаментально актуализирует *ценностную рациональность* и порождает становление *новой 6 стадии – ценностной конкурентоспособности*⁵¹.

⁴⁶ Задорожный Г.В. Социальная экономия как постнеклассическое основание исследования экономики цивилизаций // Экономика цивилизаций в глобальном измерении. Монография / Под ред. А.А. Пороховского, В.Н. Тарасевича. – Москва: ТЕИС. – 2011. – С. 87–108.

⁴⁷ Задорожный Г.В., Бервено О.В. Неэкономика как интеллектономика (о цивилизации одухотворенного интеллекта) // Экономическая теория на пороге XXI века – 5: Неэкономика / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. – М.: Юристъ. – 2001. – С. 99–112.

⁴⁸ «Наука – нулевая, вроде ножа. Можно резать хлеб, можно убить человека» (Л. Лиходеев).

⁴⁹ М. Портер выделял 4 стадии международной конкурентоспособности: стадия факторов производства; стадия инвестиций; стадия инноваций; стадия богатства.

⁵⁰ Задорожный Г.В., Колупаева І.В. Людська діяльність: зміст і трансформація структури у сучасному господарському розвитку. – Харків: Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна. – 2009. – С. 46–62.

⁵¹ Задорожный Г.В., Москвина А.О. Ценностная конкурентоспособность как новая стадия международной конкуренции // Социальная экономика. – 2010. – № 1.

2010 г. – *духовно-нравственная константа антропоного принципа* предопределяет физические константы антропоного принципа⁵². В основе этой гипотезы лежит понимание того, что *наука* есть *расшифровка Божественных чертежей*⁵³. Одним из мощнейших аргументов, который был научно установлен, стало понимание того, что в молекуле ДНК лишь 3-5 % ее наполняемости содержит привычную наследственную информацию от 46 родительских хромосом (23 – от отца и 23 – от матери); а в 95–97 %, которые среди генетиков совсем недавно еще назывались «генетическим мусором», оказались тем информационно-волновым «геномом», в котором именно и заложена «программа» *очеловечивания*⁵⁴ особого живого вида – homo sapiens. Но эту программу-код надо вспомнить, понимать, уметь развернуть, чтобы человекоподобное существо «стало», «припомнило» себя как Чело-Века – Лица, обращенного к Вечности, вечным ценностям.

2011 г. – необходимость перехода от индивидуалистической методологии к *личностной методологии миропонимания*⁵⁵ современного кризисного мира. Не индивидуум, а целостная *личность* является *базовым субъектом хозяйства*. Упрощенно трактуемый в неолиберальной теории *институт* и повсеместно насаждаемый *неоинституционализм* не может не восприниматься как поверхностно-схоластическое «обновление» кризисной «подкраски» фасада современной социально-экономической науки. В такой трактовке институты появляются лишь *на тринадцатом уровне постижения реальности*⁵⁶. *Игнорирование* предыдущих двенадцати уровней постижения не только *искажает* целостность миропонимания, но и *инволюционно* способствует *углублению кризисности* глобальной действительности.

⁵² Задорожный Г.В. Хозяйство как «поле» реализации духовно-нравственной константы антропоного принципа // Задорожный Г.В. Человекоспасительная функция хозяйствоведческой науки. – Харьков: Точка. – 2012. – С. 55–80.

⁵³ Многолетние размышления и знакомство с работами святых отцов и современной монографической литературой привело к тому, что ныне существующие две точки зрения на Творение (о противоположности науки и религии или о высшем синтезе науки и религии) по-своему однобоки. Формулировка, как мне убедительно представляется, истинного понимания проблемы стала возможна при осмыслении книги руководителя международного коллектива ученых, которые расшифровали геном человека, Френсиса Коллинза «Доказательства Бога: Аргументы ученого» (М.: Альпина нокфикшн, 2008), где одна из глав им названа «Расшифровка божественных чертежей».

⁵⁴ В.Н. Тарасевич назвал этот «геном» уном (от универсума), в котором предопределена человеческая специфика в единстве с генами и мемами (см.: Тарасевич В.Н. О триединой субстанции и тайне институтов // Наукові праці Донецького національного технічного університету. Серія: економічна. Вип. 40–2. – Донецьк: ДонНТУ. – 2011. – С. 54).

⁵⁵ Задорожный Г.В. Личность как объект познания хозяйствоведческой науки // Социальная экономика, 2012, № 2–3. – С. 7–28; Задорожный Г.В. Личность как начало координат реактуализации политэкономических исследований // Социальная экономика. – 2012. – № 4. – С. 5–28.

⁵⁶ См.: Задорожный Г.В. Возможна ли фундаментальная экономическая наука вне метафизики? (Экономика или хозяйство? Институт или человек? Индивид или личность?) // Европейський вектор економічного розвитку. Збірник наукових праць. Вип. 2 (13). – 2012. – Дніпропетровськ: Дніпропетровський університет імені Альфреда Нобеля. – С. 66–71; Задорожный Г.В. Неоинституционализм как говорение-поверхность манипулятивно-сознательного устройства (анти)чело-вечного глобального мира // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, Серія «Економічна». – 2013. – № 1047. – С. 3–18.

2012 г. – архетип «свобода–ответственность»⁵⁷ как «предзаданная клеточка-основание» развертывания *человечных* свойств, качеств, способностей человека в духовном мире (в какой-то мере аналог термина «пространство-время» в физическом мире). Этот архетип – исходное основание творческого развертывания *хозяйства* как целостной сферы жизнеотправления, жизнедеятельности Чело-Века.

2013 г. – концепция-стратегия **духовно-ноосферно-устойчивого развития**⁵⁸ человеческого общества как *императивный путь* реализации человеческого *выживания* в современном *поликризисном* мире. Духовно-ноосферно-устойчивое развитие – переход *от экономики* как *деньгономики* и *потреблятства*, преследующих *прибыль* как конечную цель, к *знаниеемному глобальному хозяйству*⁵⁹, где не просто традиционно понимаемые научные знания, а целостное, **цельное** (взаимодействующие научное и вненаучное) **Знание**, прежде всего *благостное* *жизнепостижительно-человечное онтологическое*, оплодотворяет *свободно-ответственное творчество* *человечной жизнедеятельности*.

Все эти гипотезы родились на методологическом фундаменте политической экономии, которую уже в своем изначальном поименовании смело можно назвать наукой о фундаментальных основаниях и принципах постижения и управления хозяйством, которая, как показывает вся история развертывания экономической мысли, изучает прежде всего *метафизические (идеально-сознательные)* процессы человеческого хозяйствотворения. Тем самым можно утверждать, что изначальное *предметное поле* политической экономии – *хозяйство* остается *неизменным* на протяжении 400 лет существования этой науки. Но само хозяйство выражается-реализуется в своих конкретно-исторических *формах*, а экономика как денежно-товарное хозяйство стала особой формой, осмысление которой было актуальной задачей в последние три века. Сегодня экономика в своей новейшей форме *финансомики* также является хозяйством, но ее постижение с точки зрения *человекоспасения*, *выживания* человека показывает, что сформированная сегодня в глобальном мире высшая форма власти – *финансово-интеллектуальная*, устремленная к абсолюту своего господства, оборачивается *противочеловечностью*⁶⁰. «Фонтан» новых финансово-виртуальных инструментов свидетельствует лишь о

⁵⁷ Задорожный Г.В., Колинько О.Г. Личностный архетип «свобода–ответственность» как истинное основание хозяйства и исток спасения человечества в XXI веке // Социальная экономика. – 2013. – № 2–3. – С. 7–26.

⁵⁸ Задорожный Г.В., Олефир В.Н. Духовно-устойчиво-ноосферное развитие как смысло-понимательно-человечное хозяйственное спасение человека // Социальная экономика. – 2013. – № 1. – С. 51–73.

⁵⁹ См.: Задорожный Г.В., Кацуба А.В. Глобализирующееся знаниеемное хозяйство: проблемы ренты и квазиренты. – Харьков: Точка. – 2013. – С. 66–105.

⁶⁰ См.: Задорожный Г.В., Халина О.В. О финансово-виртуальных технологиях и инструментах как формах реализации финансово-интеллектуальной власти в условиях глобализации // Социальная экономика. – 2012. – № 1. – С. 97–114.

технической стороне этой новой действительности, но понимание ее сути, которая скрыта за этим «фонтаном», невозможно вне метафизических осмыслений.

Именно необходимость последних свидетельствует о том, что сегодня приходит понимание того, что 400-летнее движение политической экономии в изначальном предметном поле хозяйствования пришло к формированию и становлению *метаметодологии – философии хозяйства*. Именно эта метаметодология, с одной стороны, венчает современный осмыслительный процесс миропонимания; с другой стороны, открывает широкие новые возможности дальнейшего сущностного постижения современного процесса миропостроения, в котором целостная личность посредством самопонимания и самореализации призвана создать не просто условия для выживания человечества, но исходя из своей внутренней духовной природы сделать свободно-ответственное творчество основанием *коэволюционного развития* Чело-Века, Природы и общества.

С точки зрения метаметодологии философии хозяйства человеку, который своей деятельностью *сотворил* современный *глобальный кризисный мир*, предстоит осознать то, о чем писал Н. Бердяев в заключительной главе своей работы «Смысл творчества»: «Три эпохи божественного откровения в мире – три эпохи откровения о человеке. В первую эпоху изобличается законом грех человека и открывается природная божественная мощь; во вторую эпоху усыновляется человек Богу и открывается избавление от греха; в третью эпоху окончательно открывается божественность творческой человеческой природы и мощь божественная становится мощью человеческой. Откровение о человеке есть окончательное божественное откровение о Троице. Последняя тайна скрыта в том, что тайна божественная и тайна человеческая – одна тайна, что в Боге хранится тайна о человеке и в человеке – тайна о Боге. В человеке рождается Бог, и в Боге рождается человек. Раскрыть до конца человека значит раскрыть Бога. Раскрыть до конца Бога значит раскрыть человека. Не только Бог есть в человеке, но сам человек есть лик Бога, а в нем осуществляется божественное развитие. Человек причастен тайне Божественной Троицы. Человек – не только малая вселенная, но и малый Бог. Человек несет в себе двойной образ и подобие – образ и подобие вселенной и образ и подобие Божье... Через творчество человека окончательно открывается Бог в мире... Богочеловеческая природа откровения должна быть обнаружена до конца, и она может быть обнаружена лишь в творческом акте откровения самого человека. Весь смысл нашей эпохи в том, что она переходит к откровению человека»⁶¹.

⁶¹ Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. – М.: АСТ: Астрель. – 2011. – С. 320, 321.

Открыть откровение человека, осмыслить его понимание и самореализовать в творчестве – это главная задача современной целостной хозяйствоведческой науки, ибо, как уже заявили виднейшие представители западного естествознания⁶² (и с этим можно вполне согласиться), *главным объектом исследования науки XXI века становится внутренний духовный мир человека*. Наконец-то после нескольких столетий самолюбования материалистически настроенная наука начала прозревать, что «духовно слепая наука всегда будет превращаться в ворох ничтожных мелочей, в беспринципную лабораторию, обслуживающую личную жадность и общественный порок»⁶³.

В этом ключе обосновывается новая проектная идея-гипотеза – концепция, промыслительная конструкция *духовно-ноосферно-устойчивого развития общества*. Она с необходимостью становится *новым полем гуманитарного очеловечивающего проектирования*, открывающего путь и определяющего механизмы *иначе возможного* (А. С. Панарин) будущего в плане реализации *императива выживания человечества*. Медиационное рефлексивное полиспециальное (междисциплинарное) мыслетворчество должно исходить из того, что «у человека **нет выбора**: он должен **оставаться человеком**» (С. Леу). Но он может и должен оставаться человеком лишь через реализацию откровения Чело-Века как Лика Бога, вспоминающего и воплощающего Вечные ценности Жизни в Любви.

С другой стороны, в аспекте хозяйствопостигательного формата современной политической экономии ныне открывается еще одна ее смысловая грань, которая начала формироваться в последние три десятилетия в форме *глобалистики* как новой *универсумной* науки, обращенной к *глобальному хозяйству*, кризисность которого поставила человеческую общность на грань выживания.

Для понимания предмета и формата глобалистики, как сугубо университетской (универсальной) науки, вновь необходимо вспомнить основополагающий тезис С.Н. Булгакова, в котором он акцентировал внимание, что само название «**университет**» взывает не к знаниям, а к знанию, не к наукам, а к науке, к *целокупности* и *универсумности*, ибо постижение человека и мира возможно только когда они рассматриваются как *целостности*. Однако

⁶² О своеобразном пределе развития естествознания в силу своей внутренней разъединенности и омертвления объектов его анализа см.: С.Н. Булгаков. Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах. Т. 1. – М.: Издательство «Наука», 1993, с. 118, 114, 147 и др.). Историческое развитие естествознания через его прогрессистские технико-технологические результаты неизбежно всегда оборачивались и одновременной *деградацией целостного миропостижения*. И хотя это целостное миропостижение было идеалом естествознания, оно только сейчас во весь голос заявило о необходимости всестороннего исследования духовного мира человека.

⁶³ Ильин И.А. Религиозный смысл философии. – М.: ООО «Издательство АСТ». – 2003. – С. 65.

только в конце минувшего века в сонме отдельных, дифференцированных наук возникла глобалистика, претендующая на **целостностное миропостижение**, где именно глобальность становится в определенной мере тождественной миропостижению. При этом ключевым, сущностным словом для глобалистики является слово «**глобальность**», которое органично включает в себя *физическое* – *материю и пространство-время*, и *духовно-нравственное*, собственно *человечное* – *свободу-ответственность*, которая разворачивается изначально в сфере *сознания*, а затем – в *хозяйстве* как сфере целостного жизнеотправления человека. Поскольку же при таком понимании хозяйства оно практически совпадает с глобальностью, а она всегда имеет в себе *ядро*, определяющее прежде всего *качество глобальности*, то в *человеческом хозяйственном мире* таким ядром является **Чело-Век**, ради возникновения и жизнедеятельности которого был «задан» *антропный принцип* с его *физическими константами*.

Сама же *специфика Чело-Века* как особого живого биологического вида (об этом необходимо всегда помнить из этого исходить в научном поиске) связана с его *духовностью*, то есть все основания говорить о *духовной константе* антропного принципа, которая *из-начально*, *пред-вечно* «задана» в големе (матрице, коде) Жизни и *пред-определяет* константность физического мира. Как «постулат» пространство-время глубинно характеризует «дление» физического мира, так и «геном» свобода-ответственность «основывает» внутренний духовный мир Чело-Века, разворачивающийся в хозяйстве, где каждое «практическое отклонение» от «вектора» свободы-ответственности сопровождается «пробуждением» Со-Вести – свернутого *ключа* духовной константы.

Исходя из такого понимания глобальности, заключающего в себе и охватывающего физический и духовный миры как сложную, многоуровневую и бесконечную миропостигаемую целостность-континуум, глобалистика предстает не только как *судьбоносная и судьботворящая наука* для человечества, но и как совершенно качественно новая – *человекомерная наука*. Мирознание как человекознание формирует человеческое и *человечное* мировидение (видение мира в целом), которое *оплодотворяет* и реализует мироведение как преобразование Универсума. Потому взаимозависимые и взаимодействующие мировидение и мироведение отличают и придают специфику человеку и его жизнедеятельности **глобальность**. Именно такое понимание глобальности формирует особое *целостное знание* – *глобалистику*,

а «глобалистика виглядит *судьбоносною дисципліною*, и *мир* будет *таким, каким* будет *глобалистика*»⁶⁴ (выделено мной – Г. З.).

Но все же при формировании и понимании глобалистики этого тезиса *совершенно недостаточно*, ибо сама *глобалистика* будет *такой*, какой её создает *человек-личность*, обладающая *человечным мировоззрением*. Поэтому *ценностно* и *целенаправленно* размышлять о глобальности и глобалистике необходимо в *благостном человеческом формате*, где *человек* не вмененно-упрощенно, манипулятивно воспринимается как *средство*, пусть даже *интеллектуальное*, наращивания прибыли и капитала, но как высшая *цель развития*, являясь *творчески-ответственным ядром человекомерного комплекса – хозяйства*: будь-то семья, ее хозяйство или мировое хозяйство⁶⁵.

Поэтому *исходный методологический посыл* при рассмотрении *глобалистики* как судьбоносной для Чело-Века науки состоит в том, что *мировоззрение и качества личности* предопределяют видение и понимание самой *глобальности*, ибо *Универсум* является постоянным *неслиянно-единым* процессом *взаимодействия микро- и макрокосма*.

Взрыв интереса к практике «*сотворения всемирности*» требует всемерного осмысления данного процесса и задачей современного знания становится *осознание человечества и планеты как единого космического, геологического, биогенного и антропогенного процесса эволюции*. «В XXI веке глобализация превращается в самую влиятельную экономическую, технологическую, информационно-культурную реалию. Устраняя межнациональные, межконфессиональные, межкультурные преграды, процесс глобализации по-новому организует жизненный мир человечества»⁶⁶, т. е. по сути творит новый мир хозяйства. И для постижения и творчества этого предстоящего нового хозяйственного мира в условиях ныне дрящущейся кризисности глобального мироустройства требуется *новое фундаментальное триединство-базис* научного поиска в виде рефлексивных наук – политической экономии, философии хозяйства и глобалистики, которые в своей слиянности-разделенности отсвечиваются друг в друге, взаимно оплодотворяясь, знаменуют понимательное основание посткризисного хозяйственного благостного творчества.

Некоторое представление о проявлении этого триединства поможет дать понимание того, что «творческая духовная жизнь не есть движение по

⁶⁴ Чешков М.А. Глобальный контекст постсоветской России. Очерки теории и методологии мироцелостности. – М.: Центр конвертируемого образования Московского общественного научного фонда; ООО «Издательский центр научных и учебных программ». – 1999. – С. 13.

⁶⁵ См.: Задорожный Г.В. Глобалистика – междисциплинарная человекомерная наука о развитии современного мирового хозяйства // Сучасні тренди трансформації світового господарства. – Харків: Точка. – 2014. – С. 25.

⁶⁶ Толстоухов В.Л. Глобальный социальный контекст и контуры эко-будущего // Вопросы философии. – 2003. – № 8. – С. 50-51.

плоскости, это движение вертикальное, ввысь и вглубь... поверхностное сознание видит лишь плоскостное движение... Сознание глубинное видит движение вертикальное. Ныне, на космическом перевале, так глубоко изменяет мир вертикальное движение, что происходит перемещение плоскостей, происходит распластование и распыление мира и переход в иное измерение»⁶⁷. За хозяйственными явлениями человек всегда стремился познать хозяйственные сущностные закономерности, чему собственно изначально и была посвящена *политическая экономия*.

Но постижение таких закономерностей при правильной продуктивной для человека постановке вопроса неизбежно вело к еще более глубинному сущностному уровню миропонимания, когда хозяйство начинало соотноситься с Универсумом и ролью в нем самого человека, когда сам Универсум предстал средой человеческо-человечной жизнедеятельности. Это углубленное видение предстало размышлительным полем *философии хозяйства*. Но политэкономическое представление, обогащенное максимумами философии хозяйства, формирует новый уровень познания, в котором в снятом виде уже заложены и политэкономические знания, и философско-хозяйственные размышления. Сознание человека поднимается к пониманию глобальной действительности, трансформация которой будет человекоблагостной, судьбоносной только на основе глубинного видения. Этот уровень миропонимания предстает как зарождающаяся *глобалистика*. Такое триединство задает каркас матрицы не только выживания человечества, но и позволяет воспроизводить единую триипостасную духовно-био-социальную природу человека как *божественный код* хозяйственного творчества.

Конечно, описанная схема является довольно примитивной, но она в какой-то мере позволяет понять, что вертикальное движение научного поиска кардинально меняет миропонимание, а на его основании должны происходить человекомерные изменения-измерения хозяйственного мира.

В этой связи кардинально возрастает роль и значение *университетского* (целокупного) образования. Современное качественное *универс-и-тет-ское образование* должно являться интегральным фокусом осмысления и понимания не просто современных действительных проблем человеческой жизнедеятельности. Понятно, что в литературе высказываются различные точки зрения, порой, может быть, где-то не совсем совместимые. Но общий пафос университетского образования все же, как представляется, находится в формате *человекоспасения, возрождения человечности как откровения Чело-Века*, раскрытия истинной роли университетского образования в свободно-ответственном творческом *человечном обустройстве* реальности,

⁶⁷ Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. – М.: АСТ: Астрель. – 2011. – С. 335-336.

которая сегодня уж вовсе не прочь полностью подчинить человека техносу, *манипулируя его сознанием*, втягивая в процесс обездуховления, упрощений и схематизаций, помещая его в иллюзорно-виртуальный мир *расчеловечивания*. Система образования в этом процессе становится *актуальной точкой бифуркации*, в которой понимательно определяется-задается настоящее и будущее человека/постчеловека, бытия/ничто, жизни/смерти.

В этой связи следует полностью разделить пафос первого президента Римского клуба Аурелио Печчеи, который обосновал, что «проблема в итоге сводится к *человеческим качествам* и путям их усовершенствования. Ибо лишь через развитие человеческих качеств и человеческих способностей можно добиться изменения всей ориентированной на материальные ценности цивилизации и использовать ее огромный потенциал для благих целей. И если мы хотим сейчас обуздать техническую революцию и направить человечество к достойному его будущему, то нам необходимо прежде всего подумать об изменении самого человека, о революции в самом человеке»⁶⁸.

Выдвинутые и обоснованные гипотезы во многом предопределяют-задают формат постнеклассической *человекомерной науки*, широко открывают врата *междисциплинарного целостного постижения* внутреннего духовного мира личности и жизнеукрепляющих хозяйственных действий Чело-Века, наполненных *наддисциплинарными софийными, мудрыми смыслами*. Во взаимодействии научного и вненаучного знания в постижении реальности, как представляется, происходит не некий провозглашаемый будущий высший *синтез* науки и религии, а открывается подтверждаемое результатами экспериментов новейшей науки положение о том, что *наука служит расшифровкой божественных чертежей Творения-реальности*. К такой точке зрения, такому пониманию все больше и больше подталкивают открытия тех ученых, которые сегодня работают на самом передовом рубеже осмысления-постижения целостной реальности и ведут свой поиск в сферах космологии, квантовой физики, нейрофизиологии, трансперсональной психологии, современной биологии, медицины, где происходит выход из механико-материального мира *в мир духовный*. Вечный вопрос: что есть человек и каково его предназначение в нашем мире? – при таком новом повороте понимания проблемы соотношения науки и религии многое проясняется и вдохновляет.

Поэтому сегодня столь важно не только способствовать становлению новой человекомерной науки, но и вводить *человекомерность* во все процессы смыслопоиска и непрерывного *образ-ования*, хозяйственных пре-образ-ований на всех уровнях управления и функционирования современного общества. При этом нельзя не просто забывать, а исходить изначально из того, что общество,

⁶⁸ Печчеи А. Человеческие качества. – М.: Прогресс. 1985. – С. 43.

социум состоит из отдельных *личностей*, миропонимание и мировоззрение которых оплодотворяет все хозяйственные решения и действия. Духовный внутренний мир человека не просто «имеет значение», но задает *ценности мотивов и целей* деятельности, а поэтому общество и мир становится таким, *каким его создает личность*, для которой главным полем, сферой жизнедеятельности должно быть сознательное свободно-ответственное творчество. Ренессанс политической экономии неизбежно связан с введением в нее формата человекомерности, в котором духовно-нравственные ценности и мотивы становятся главным постполифуркационным вектором жизне- и человекоспасения.

УДК 330.101

В. Е. МАНДЫБУРА,
*доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономической теории,
Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко*

ИДЕОЛОГЕМНЫЙ ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА КОНЦЕПТУАЛЬНО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО «РАЗВИТИЯ» ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

1. Базовые положения обеспечения объективности научных исследований и функции экономической науки

Поиск наукой истины [*] состоит в объяснении сущностного содержания предметов, явлений, процессов, взаимодействий и отношений, которые происходят в материальном мире, который представлен четырьмя естественными формами движения материи (механической, физической, химической, биологической), а также ее особой, социальной формой. Этот поиск одновременно является и процессом и результатом адекватного отображения объективной реальности субъектами познания независимо от их сознания и фиксации полученных достоверных результатов в объективных по смыслу теориях и их концептуальных элементах.

Ведущая роль в этом процессе принадлежит методологии научного поиска, т.е. познавательному механизму науки, что является собой концептуальное учение о применении исследователями научных методов (способов, подходов), и соответствующего инструментария в процессе познания объективной реальности материального мира.

Достижение объективности результатов научного поиска можно обеспечить реализацией следующих исходных базовых положений:

во-первых, поскольку «монополию на истину имеет лишь сама объективная истина», а исследователи могут к ней лишь приближаться, постигать, научно осмысливать, то основным критерием истинности

результатов познання являється неопровержимое их подтверждение практикой реального материального бытия;

во-вторых, приближение к постижению объективной истины возможно лишь в процессе не предвзятых научных дискуссий, т.е. в теоретических полемиках исследователей, прежде всего, при обеспечении условий, когда позиции оппонентов рассматриваются всесторонне с максимально полной аргументацией;

в-третьих, необходимо обеспечить понятийную чистоту в определении сущностного содержания категориального аппарата (т.е. обобщающих научных понятий, которые наиболее полно и всесторонне раскрывают те или иные стороны предмета, процесса, явления или отношения). В случае же нечеткости и «множественно-плюралистической» размытости категориального аппарата в любой науке невозможно качественное углубление познания истины. Невозможной также становится и научная дискуссия, поскольку стороны полемики не имеют четких понятийных ориентиров и представлений о чем конкретно идет речь.

Хотя научный прогресс невозможно остановить, однако история развития науки свидетельствует, что его можно либо насильственно задержать, либо существенно затормозить путем фальсификации в определенные периоды его результатов. Прежде всего, это происходит вследствие влияния на конкретную науку отрицательных внутренних и внешних факторов.

К внутренним проблемам можно отнести «авторитетное» навязывание научному сообществу псевдонаучных или ошибочно-тупиковых взглядов.

Так история развития физики свидетельствует, что от «господствующих научных представлений» XIV ст. относительно сущности строения и передачи энергии в материальном веществе, в частности таких теоретических концепций как «флогистоны» и «теплород» в последствие не осталось и следа, не смотря на защиту по данной тематике значительного количества магистерских и докторских диссертаций. Не выдержала испытание временами и прогрессивная в свое время «корпускулярная» теория М. Ломоносова. Вместе с тем, все истинное, в научном развитии остается в качестве фундаментальных «кирпичиков и ступенек» способствующих в дальнейшем постижению человеческим интеллектуальным сознанием материального мира.

Например: теория относительности и современная квантовая термодинамики не опровергают три закона классической механики И. Ньютона, а построенная на другом исходном постулате геометрия Н. Лобачевского не перечеркивает достижения геометрии Евклида. Не считаясь с внешние притеснения инквизиции, вплоть до сожжения Д. Бруно силам мракобесия не удалось навечно навязать человечеству систему мироздания по Птолемею. Так

же, вопреки гонениям, вплоть до физического уничтожения научных работников деспотической властью в СССР в 40-50-х годах минувшего столетия не удалось уничтожить генетическую ветвь развития биологической науки и кибернетику.

Однако, приведенные примеры касается главным образом развития естественных наук, где реальная практика со временем неумолимо опровергает и отбрасывает все надуманное и фальшивое. Т.е. то, что не соответствует объективной реальности развития материального мира.

В науках же, которые исследуют социальную форму движения материи, в частности ее экономическую и социально-экономическую составляющую, процесс поиска объективной истины идет значительно сложнее, и противоречивее.

Одна из наибольших сложностей здесь возникает вследствие того, что социальная форма движения материи своей субстанцией познания имеет сложнейшую систему отношений, которые возникают между людьми, их ассоциациями и обществом в целом в процессе разнообразных проявлений жизнедеятельности социума. Эти отношения являются особой формой взаимодействия, которое исследователь не может воспринять органами чувств, данными ему биологической природой (зрением, слухом, обонянием, осязанием, вкусом), как это происходит в процессе исследования естественно-природных форм, где широко используются специальная исследовательская измерительная аппаратура и сложные лабораторные комплексы.

Ни один из исследователей социальной формы движения материи не может увидеть или иным физиологическим способом воспринять сложную совокупность отношений, которые возникают между людьми в процессе реализации их интересов, даже с применением самых современных микроскопов или другого лабораторного оборудования. Только лишь сила научного, образно-абстрактного мышления и надежный методологический инструментарий общественных наук дают возможность познания, «постижения истинного знания, открытия тайн бытия социума» этой наиболее сложной сфере материального мира.

В основе возникновения экономических отношений лежат экономические интересы, носителями которых есть люди, наделенные сознанием и волей в стремлении их реализации. Именно интерес, прежде всего, экономическая выгода является тем мощным побудительным мотивом деятельности, как человека, так и людских ассоциаций в сфере экономической жизни общества. К тому же сама системная совокупность экономических отношений диалектически развиваются на основе противоречивого, а порой и

антагонистически конфликтного характера взаимодействия человеческих интересов.

Общие интересы объединяют отдельных индивидов в социальные ассоциации (партнерские или анти социальные группы, корпоративные кланы, социальные слои, общественные страты и классы). Реальная мотивация действий отдельных индивидов и человеческих ассоциаций базируется на стремлении достижения определенных жизненных благ, с целью удовлетворения широкого спектра объективных потребностей (а также аномально- деструктивных и патологических желаний). Именно вследствие наявности этих причин, для обеспечения научной объективности поиска истины в сфере исследования социальной формы движения материи, изложенные ранее три базовых положения, должны быть дополнены следующими двумя:

в-четвертых, в социальной сфере, в зависимости от существующих единичных (частных), особых (ассоциированных), или общих (общественных) интересов, а также исходя из моральной позиции исследователя (его научной порядочности, или наоборот) к истине можно либо «докопаться», или открыть, познать, постигнуть, и, наоборот, ее можно «закопать», т.е. сознательно исказить, «не замечать» ее объективного содержания или, вообще, очернить и сфальсифицировать;

в-пятых, если в социально-экономической сфере процессы происходят именно так как происходят, то добросовестный исследователь не имеет ни научного ни морального права лишь констатировать сам факт, аналогично содержанию «крылатого» выражения известного отечественного политика и «политэконома» – «имеем то, что имеем». Исходя из научных позиций исследователь-политэконом должен дать ответ на следующие вопросы: в чьих интересах «произошло, так как произошло»? кому выгодно, «чтобы происходило именно так как происходит»? кто конкретно, какие именно субъекты социально-экономических отношений (индивиды, группы, кланы, слои и общественные классы) заинтересованы в том, чтобы в общество «происходило то, что происходит», а само общество «имело то что оно имеет»?

Как и в исследованиях естественных наук, так и в сфере исследований социальной формы движения материи *познавательная функция* есть и остается внутренним мощным генератором развития научного знания.

Вместе с тем, с точки зрения общества (поскольку удельный вес научных работников незначительным в составе населения) существование науки подчиняется обязательному выполнению еще двух «внешних» функций, которые связаны с выполнением определенного социального заказа:

первая, прогностическая, практически прикладная;

вторая, идеологическая, которая существует в форме социального заказа определенного класса или господствующей в государстве общественной группы, исходя из их социально-экономических интересов.

Прогностическую функцию обуславливает само существование науки (в т.ч. экономической), т.е. это есть то имманентное свойство, которое отличает ее от «голой», ничем неприкрытой идеологии. Ведь защищать классовые, или особые кланово-групповые, корпоративные интересы можно и на уровне эмоций, без какого либо обращения к научным (или наукообразным) аргументам. В этом случае «потребитель», выступающий «заказчиком теоретически обоснованных экономических идеологем и мифов» всегда ожидает от нее не только оправдание или возражении относительно определенного существующего порядка вещей (в чем и заключается суть классовой идеологической функции политической экономии), а, прежде всего, требует обоснованного прогноза своей дальнейшей практической деятельности.

Именно социально-классовый заказчик, который в своих интересах использует экономическую теорию, четко определяет и самые рамки прогноза.

Первое, это может быть краткосрочный прогноз для локального рынка (микроэкономическая теория А. Маршалла и в дальнейшем представителей его школы).

Второе, среднесрочный прогноз для ряда отраслей национального хозяйства, или даже для экономики страны в целом (теория циклов и макроэкономическая теория Дж. Кейнса).

Третье, довольно долгосрочный (на десятилетия), прогноз, но такой, который ограничен чисто технико-технологическими и технико-экономическими параметрами и аналогичными характеристиками. При этом его важный признак состоит в том, что этот прогноз реализуется путем использования константных социально-экономических показателей, т.е. допускается сохранение в неизменном виде базисных (производственно-экономических и политико-экономических) отношений существующего способа производства.

Примером может служить «технологическая» ветвь современной футурологии, к которой относится теория технологических волн Кондратьева, и теоретические выкладки циклов Леонтьева.

Четвертое, можно выделить так называемый «глобальный прогноз», что должен ответить на вопрос относительно стратегических перспектив существования социально-экономического способа производства и всей общественно-экономической формации. Этот прогноз должен дать представление относительно вероятных, в случае его отрицания, новых форм социально-экономических отношений.

Глобальный прогноз, как правило, интересуется тот общественный класс, которому на определенном этапе исторического развития становится «тесно» в пределах существующего общественно-экономического порядка, т.е. класс, который заинтересован в частичном, или полном демонтаже существующего строя.

Такой прогноз для класса буржуазии (включая как владельцев капитала, так и мелких собственников-товаропроизводителей) в наиболее полной форме дал А. Смит, а для класса наемных работников (пролетариата) - К. Маркс.

Относительно реализации *второй* внешней функции, то на сегодня общественной и, в частности, экономической наукой фактически не исследуется блок проблемных вопросов, которые связаны с тем, каким образом господствующая идеология (в т.ч. экономическая [**]) влияет на научную объективность результатов теоретических исследований. По этому поводу еще в 1867 г. Карл Маркс, в предисловии к первому изданию «Капитала» отмечал: «В области политической экономии свободное научное исследование встречается не только с теми врагами, с которыми оно имеет дело в других областях. Своеобразный характер материала, с которым имеет дело политическая экономия, вызывает на арену борьбы против свободного научного исследования самые яростные, самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души - фурии частного интереса» [1, с 10]. И далее, в послесловии ко второму изданию: «Бескорыстное исследование уступает место сражениям нанимаемых писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой» [1, с 17].

2. Основные проявления реализации апологетико-идеологических заказов экономической наукой.

Ретроспективная оценка последствий выше названного влияния позволяет сделать вывод, о том, что по своему смысловому наполнению проявления идеологического заказа в социально-экономической науке относительно желательных для власти и тех властно-господствующих социально-классовых группировок, интересы которых реализует государственная власть. Эти последствия, можно разделить на три наиболее характерные их проявления.

Первое проявление идеологического заказа состоит в том, что экономическая наука и, прежде всего, политэкономия получают задание (или непосредственное, или завуалировано-конъюнктурное) «исследовать и раскрывать содержание» тех явлений, процессов, закономерностей и отношений, «которых в реальной социально-экономической жизни общества фактически не существует». Т.е. таких, которые могут быть

структурированы и обоснованы лишь идеально, с позиций формальной метафизической логики, именно поэтому их «научное» изложение носит преимущественно схоластический и социально демагогический характер.

Навязывание заказных идеологем в виде наукообразных мифов является наиболее распространенной формой первого проявления социально-классового заказа. Если настоящая наука все ставит под сомнение, критически проверяет каждое из утверждений, то вера не допускает возникновению любых сомнений, относительно религиозных догматов. В вульгарной политической экономии наукообразные мифы являются чем-то промежуточным между наукой и верой, смесью достоверных фактов и вымысла, утонченной, или примитивной выдумки. Создатели наукообразных мифов, как правило, люди не бесталанные. Поэтому способны создавать наукообразные мифы, которые не только очень привлекательны, но могут быть чрезвычайно живучими в массовом сознании.

Например, важнейшим идеологическим мифом советской политической экономии, который считалась «теоретическим достижением» политэкономии социализма, было обоснование существования «свободного, ассоциированного труженика, совладельца общественных средств производства, труд которого на планомерных началах (т.е. на вне рыночных отношениях) непосредственно получал общественное признание, а его рабочая сила не носила характера товара».

В реальной жизни, этого «свободного субъекта» социалистических производственных отношений по закону 1939 года можно было привлечь к криминальной ответственности только лишь за нарушение режима работы, который состоял в опоздании на работу или отсутствии на рабочем месте более 15 минут. Не удивительно, что этот «сохозяин общенародной, социалистической собственности», с неожиданной эйфорией, согласился на «приватизацию» собственности, которая, в соответствии с существующей идеологемой и реально действующей Конституцией СССР, ему же и принадлежала. Именно этот «совладелец» без всякого сопротивления отдал «свою собственность» на заклятие денационализации, прямоком в руки номенклатурных и криминальных «активистов», которые в дальнейшем стали тем «народом», которому была отдана собственность народа, а именно, новыми «олигархами» в аномально отреставрированной системе капиталистических производственных отношений.

В качестве примера буржуазного идеологического мифа, который за последние три десятилетия «успешно воспет» и отечественным научным сообществом, можно выделить «теорию человеческого капитала». Эта теоретическая концепция является образцом мифотворчества в экономической науке.

Хотя на сегодня в научном сообществе и имеет хождение более двух десятков определений категории «капитал», однако, его политико-экономическая сущностью была и неоспоримо продолжает оставаться базисным отношением частной собственности, которая в конкретной системе капиталистического способа производства, способна приносить его владельцу (владельцам) прибавочную стоимость (прибыль), которая не является результатом его (их) личного труда, а есть порождение эксплуатации и неэквивалентного отчуждения результатов наемного труда.

Целью создания заказного идеологического мифа является доказать существование гармонии интересов на основе существования в системе экономических отношений двух видов капитала – «человеческого» и «нечеловеческого» (физического, естественного, материального, финансового, реального, фиктивного). По мнению авторов, это дает возможность их владельцам-капиталистам получать доходы, и обеспечивать рыночное взаимодействие на началах равноправного партнерства. При этом, ни о какой эксплуатации и отчуждении труда капиталом речи вообще не может вестись.

Основа фальсификации состоит в отождествлении и дальнейшей подмене классического содержания категорий «рабочая сила», категорией «человеческий капитал». При этом адепты теории «человеческого капитала» не пытаются аргументировано опровергнуть теоретико-методологические подходы определения содержания категории «рабочая сила», обоснованные К. Марксом в «Капитале», как «универсальную» для капиталистического способа производства. «Под рабочей силой, или способностью к труду, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми наделен организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости.... Чтобы ее владелец мог продавать ее как товар, он должен иметь возможность распоряжаться ею, следовательно, должен быть свободным собственником своей способности к труду, своей личности». [1, с 178] При этом не имеет значения, ее носителем является наемный работник малоквалифицированного или высококвалифицированного, простого или сложного, физического или умственного труда.

По мнению сторонников «теории» одно из его распространенных определений: «Человеческий капитал – капитал в форме умственных способностей, которые приобретаются вследствие...формального обучения, образования, или на основе практического опыта». [2, с 256, 445] В чем тут отличие от понимания сущности «умственного человеческого потенциала», который является интеллектуальной составляющей категории «рабочая (трудова) сила»?

Если попробовать согласиться с подменой сущностного содержания категории «рабочая сила» на категорию «человеческий капитал», а субъекта-владельца этого капитала считать не реальным, а «человеческим капиталистом», то следует обратить внимание на наличие трех характерных особенностей потребительской стоимости товара «человеческий капитал».

Первая особенность, состоит в том, что «человеческий капитал» невозможно сохранять про запас, поскольку без постоянной реализации в трудовом процессе конкретных знаний, умений, трудовых навыков и производственного опыта происходит их утрата (т.е. дисквалификация). И чем выше качественный, интеллектуальный уровень этого «капитала», тем большими являются его потери, которые, наиболее ощутимы в условиях вынужденной и длительной безработицы.

Вторая особенность, состоит в том, что «человеческого капитал» должен постоянно продаваться (ежесуточно, еженедельно, ежемесячно и ежегодно), иначе владелец этого «капитала» и члены его семьи просто погибнут от голода и холода, не имея других источников существования.

Третья особенность, «человеческий капиталист» всегда авансирует владельца «не человеческого капитала», т.е. он предоставляет в своеобразный беспроцентный кредит свой «человеческий капитал» – тот единственный товар, который принадлежит ему на правах частной собственности, поскольку он делегирует право его использования в процессе производства раньше, чем «реальный капиталист» уплатит за него рыночную цену.

При этом, какого бы качественного уровня не был «человеческий капитал», существует ряд особенностей его реализации в процессе материального и нематериального производства в условиях капитализма:

1) нанимаемый «человеческий капиталист» работает под контролем «реального капиталиста» или лиц, которые им уполномочены для осуществления этой функции (менеджеров, мастеров, директоров, руководителей линейных производственных подразделений и т.п.). Он трудится по стандартам и нормативами труда и на условиях выполнения требований трудовой дисциплины, которые должны неукоснительно выполняться согласно условиям трудового контракта;

2) за «реальным капиталистом» остается правовая возможность отказа от акта покупки услуг «человеческого капитала» путем реализации «испытательного срока» на протяжении которого проверяются способности, профессиональное мастерство и добросовестность собственника «человеческого капитала»;

3) в процессе труда «человеческий капиталист» любого квалификационного уровня взаимодействует с «реальным капиталистом» на

условиях, по которыми продукты труда первого (в т.ч. и интеллектуального) подлежат отчуждению в пользу второго, т.е. результат количественной и качественной меры использования «человеческого капитала» обязательно переходят в частную собственность «реального капиталиста», собственника авансированного капитала;

4) «реальный капиталист» получает прибавочную стоимость, которая трансформируется в ее соответствующие формы (прибыль, процент, торговую прибыль, дивиденд, ренту и т.п.), в то же время стоимость авансированных средств в развитие «человеческого капитала» для его владельца не возрастает, поскольку он получает лишь такую величину стоимости, которая, в лучшем случае, соответствует расходам на его простое воспроизводство .

Сторонники теории «человеческого капитала», понимая уязвимость позиции относительно партнерского равенства двух групп капиталистов, как правило, сходятся на том, что неотделимость «человеческого капитала» от субъекта, который им владеет, т.е. «человеческого капиталиста» порождает ряд его функциональных особенностей.

Первая особенность, нулевая ликвидность «человеческого капитала» в сравнении с «физическим капиталом» (в частности финансовым). В отличие от владельца «физического капитала», который, в случае его не использования в производственной деятельности, может сдать его в аренду, под проценты, заложить для получения ссуды, или законсервировать, ликвидировать по остаточной стоимости, то владелец «человеческого капитала» не может его реализовать вне границ трудового процесса, т.е. интеллектуальные способности, знания или личные биофизические характеристики не имеют ликвидной рыночной стоимости.

Вторая особенность, не материальный, не отчуждаемый характер «человеческого капитала» предопределяет его временные ограничения, которые существуют только на текущий момент. Для «человеческого капитала», который не реализуется в трудовом процессе по специальности, стоимость образования, добытого раньше, и на текущий момент, которая не используется, относится к расходам нынешней деятельности владельца.

Третья особенность, не отчуждаемость «человеческого капитала» от его собственника предопределяет его двойственную природу. «Активы человеческого капитала» используются не только в производственной (экономической) деятельности, а и в повседневном быту, в жизни, т.е. за пределами рабочего времени. Поэтому инвестиции в формирование «человеческого капитала» неотделимы от расходов на потребление, которое свидетельствует о закономерной связи, которая существует между производством и потреблением.

Четвертая особенность, неотделимость «человеческого капитала» от человека-собственника, предопределяет необходимость включения в процесс формирования «человеческого капитала» не только сформированных в процессе воспитания способностей личности, а и врожденных, которые передаются через наследование умственных, интеллектуальных, психологических и других характеристик, т.е., его генетических качеств.

Можно добавить и *пятую* особенность, которая состоит в том, что вместе с физическим и моральным старением, присущим как элементам «основного» так и «человеческого капитала», последний имеет уникальное свойство, а именно, возможность «моральной деградации», которая возникает в случае, например, превращения высокообразованного интеллектуала в люмпена-маргинала. Только при этом возникает вопрос: куда девается «человеческий капитал» в случае, когда скажем бывший заведующий научной лабораторией, имеющий наивысшую научную степень и научное звание превращается в люмпена-алкоголика, а затем и бомжа, который в течении не более двух лет жизни на улице вообще исчезает из людского сообщества?

Конечно, «трудовой потенциал» человека не может формироваться без определенных ресурсных вложений, которые подлежат учету. [3]

Первый источник, формируется за счет собственных материальных ресурсов, которые на семейном уровне имеет в своем распоряжении владелец «рабочей силы». Он также делает в саморазвитие тот фундаментальный взнос, который определяется стоимостью расходов его личной «специфической работы», связанной с овладением новыми знаниями, умениями, навыками и дальнейшим накоплением трудового опыта.

Второй источник формируется за счет средств, которые инвестируются государством в здравоохранение, общее и профессиональное образование, культурное и морально-этическое развитие доведенных до уровня конкретного субъекта – носителя трудового потенциала.

Третий источник – инвестиции владельцев капитала, которые вкладываются в подготовку и переподготовку нанимаемых работников. Здесь речь может также идти о части расходов, которые направляются на общеобразовательную и профессиональную подготовку наемных работников, которая во все больших масштабах на сегодня владельцами реального капитала в странах развитой рыночной экономики перекладывается на государственный бюджет.

Второе проявление идеологического заказа состоит в том, что наука на определенные направления теоретических исследований получает своеобразное «табу». То есть «идет отмашка», политическая экономия не должна исследовать явления, процессы, закономерности и отношения, которые существуют в

реальной действительности, поскольку их объективный анализ не является удобным для властно-бюрократической элиты и тех господствующих общественных классов, от имени и в интересах которых действует антагонистическое государство.

Например, продолжительное время, в частности, в период острейшего противоборства двух мировых систем, который получил название «холодной войны», экономисты Запада по вполне понятным политическим причинам фактически перестали исследовать широкий спектр отношений, связанных с основными противоречиями капиталистического способа производства. В частности: противоречия, которые возникают между наемным трудом (в т.ч. и высочайшей квалификации) и капиталом (в т.ч. корпоративным); противоречия, которые существуют между общественным характером производства в условиях государственно-корпоративного капитализма и частнокапиталистическим способом распределения и присвоения его конечных результатов между членами общества и пр.

Так, например, с позиций конъюнктурной выгоды политэкономы остаются в стороне и от анализа ситуации, связанной с особенностями воспроизводства трудового потенциала в условиях, когда за последнее десятилетие даже в странах государственно-корпоративного капитализма, на «демократических» началах наблюдается активное и уже нескрываемое наступление капитала на гарантированные права представителей класса наемного труда.

Также не исследуются причины и последствия ограничения социальных гарантий, которые ранее имели работники наемного труда и малообеспеченные слои населения, поскольку в настоящее время это явление приобретает угрожающие масштабы. Сказанное наиболее ярко иллюстрируют следующие примеры.

Во-первых, сегодня в большинстве стран развитой (и не только) капиталистической экономики резко поднимается планка пенсионного возраста. Согласно принятому Бундестагом в марте 2007 года закона, в ФРГ наемные работники, родившиеся после 1962 г. получают право на пенсионное обеспечение при достижении ими 67 летнего возраста. При этом «важное достижение полового равенства» состоит в том, что указанное в полной мере касается и женской части трудящегося населения.

Во-вторых, увеличение пенсионного возраста сопровождается ликвидацией гарантий занятости для работников, которые достигли 40 летнего возраста и выше. Т.е. того возрастного ценза, когда конкурировать на рынке труда становится все сложнее, вследствие преждевременного износа трудового потенциала, который связан с жесткими условиями повышения интенсивности

труда путем не только «выжимание пота», а и «нервов и мозга». При этом сказанное осуществляется путем принятия новых трудовых кодексов (Испания, Италия, Франция и др.), что происходит, несмотря на многочисленные протесты и массовые манифестации трудящихся.

В-третьих, началось «наступление» капитала на законодательно установленную продолжительность рабочего дня и рабочей недели, поскольку, начиная с 1980-х годов, она составляла 38 часов в Германии и Бельгии, 37 – в Великобритании, а во Франции 35 часов. Так, например, во Франции в 2007 г. вопреки протестам профсоюзов, парламент разрешил работодателям удлинять рабочую неделю. На сегодня по данным МОТ свыше 50 часов в неделю работают в: Японии - 28,1% всех нанимаемых работников: Новой Зеландии - 21,3%: Австралии и США - 20,0%: в Великобритании более 15,5% работников наемного труда. Литва, которая считается реставрационным лидером среди стран бывшего СССР, уже законодательно закрепила 48 часовую обязательную еженедельную продолжительность наемного труда. За повышение продолжительности рабочей недели до 60 часов единым фронтом выступают Правительство и работодатели этой страны.

Нужно отметить, что Мировой банк в 2007 году озвучил стремление капитала установить 66-часовую рабочую неделю, как «желательную норму» для стран, которые надеются на инвестиции. И это происходит несмотря на то, что по медицинским данным при такой продолжительности рабочей недели иммунитет нанимаемых работников снижается приблизительно втрое, а резко возрастают сердечнососудистые заболевания, не говоря о нервно-психологической перегрузке, которая истощает организм, приводит к депрессиям и преждевременному физическому старению трудового потенциала нанимаемых работников.

Третье проявление идеологического заказа состоит в подмене объективного научного исследования явлений и отношений, отражающих диалектически сложные, противоречивые, а во многих случаях и конфликтные социально-экономические процессы, происходящие в реальной действительности на их математически-модельную формализацию и виртуализацию.

Не требует особых доказательств, что математический инструментарий в политэкономических исследованиях выполняет вспомогательную роль и, как правило, не может описать сложнейших глубинных, диалектически противоречивых социально-экономических процессов, явлений и отношения, а также адекватно отразить соответствующий им категориальный аппарат исследований. Поэтому, важнейшими элементами исследований здесь

выступает количественный анализ («экономическая арифметика») и репрезентативная экономическая статистика.

Наивысшая абстрактность математических методов позволяет их применять в самых разных областях науки, где возможна фиксация постоянных и переменных величин, прежде всего исследующих механическую и физическую форму движения материи. Но экономика - это неисчислимо количество переменных и неизвестных характеристик и параметров, которые отражают как частные, так и ассоциированные интересы людей, которые оптимально реализуются лишь при определенных необходимых и достаточных системных условиях, прежде всего, при достигнутом консенсусе, отражающем общественные, и, прежде всего, общенациональные интересы.

Методологическая база исследований, за последние десятилетия, под воздействием идеологической конъюнктуры все больше и больше насыщается математическим инструментарием, что, как свидетельствует реальная практика, таит угрозу потери связи с предметом исследования базисных производственных отношений и соответствующих им процессов и явлений экономического воспроизводства. Следует обратить внимание на тот факт, что в бывшем СССР в период апогея экономического «застоя» под эгидой Центрального экономико-математического института Академии наук СССР проводилась работа по созданию и практическому использованию так называемой теории и методологии «системы оптимального функционирования социалистической экономики» (СОФЭ). При этом, математические методы и математическое планирование, прогнозирование и моделирование были базовой основой создания СОФЭ [4]. Практика, как «критерий истины», убедительно показала полную несостоятельность результатов проведенных исследований, и это при условии, что они предназначались для использования в плановой, а не стихийно-рыночной экономике.

Реалии современного этапа существования государственно-монополистического капитализма показывают, что апологетически заданное максимальное насыщение экономической науки чрезмерными математическими абстракциями используемых прогностических моделей развития экономики и ее отдельных секторов фактически лишились связи с реальными процессами, обнаружили свою ограниченность и неспособность к выяснению, учету и оптимизации национальных, региональных и глобальных интересов. Современный перманентный глобальный кризис, начавшийся в США в декабре 2007 г. в финансовом секторе, убедительно доказал абсолютную несостоятельность широкого применения распространенного на сегодня математически-модельного подхода к экономике, как основы оценки прогностических перспектив ее развития. В частности, это относится и к

определению реальных количественных параметров воспроизведенного цикла, в условиях их аномального и патологического искажения фиктивно-финансовыми и кредитно-спекулятивными отношениями.

Более того, в средствах массовой информации стран государственно-корпоративного капитализма все чаще звучат обвинения современных экономистов, в том, что они оказались несостоятельными дать реальную картину состояния экономики, и продолжают сознательно пропагандировать и навязывать искаженное представление о ней. Это всецело относится и к мировой «научной элите» – лауреатам Нобелевской премии по экономике, получившим ее «за заслуги в математическом моделировании и прогнозировании сценариев рыночных рисков и их влияния на экономическое развитие».

Обозреватель газеты «Нью-Йорк Таймс» А. Скотт обратил внимание на то, что в академическом сообществе имеется немало известных экономистов коррумпированных консультационными гонорарами, местами в советах директоров и членством в элитных университетских клубах» [5]. Политолог Ч. Фергюсон, в вузовском журнале утверждает, что «за последние 30 лет профессия экономиста ... настолько скомпрометирована конфликтом интересов, что сейчас выглядит как группа поддержки финансистов и других отраслей, чья прибыль сильно зависит от правительственной политики» [6]. В настоящее время в США публично обсуждается вопрос об ответственности экономистов и экономической науки перед обществом. Профессор университета г. Денвер Дж. Де Мартино выпустил книгу «Клятва экономиста (О необходимости содержания профессиональной этики экономиста)» [7].

Спасительную универсальную возможность для увода от ответственности за практическую несостоятельность и бесполезность для общества результатов теоретических исследований экономической науки предложил А. Маршалл, который усматривал в качестве главной задачи политэкономии наработку «знаний для самой себя – абстрактно-методологических знаний, которые только «проливают свет на практические вопросы». [8, с. 96]. «Творчески развивая» обоснование такого подхода А. Гальчинский утверждает: «Политэкономия не ставит себе целью обоснование прикладных экономических моделей. Принцип «практика – критерий истинности непосредственно ее не касается. Политэкономия – это выход за пределы практики. Наряду с другими науками она формирует креативно-инновационный потенциал практики, детерминирует практику. Отсюда саморефлексивность в развитии политэкономии...». [9, с. 6]

3. Особенности подрыва методологического фундамента политической экономии.

Политическая экономия является теоретико-методологическим фундаментом экономической науки. По мнению В. Тарасевича: «Родившись наукой и избравши себе имя собственное, политическая экономия осталась философией, но уже в новом качестве – философии экономической науки. Поэтому политическая экономия в широком смысле и предусматривает активный диалог с философией...». [10, с. 23]

В то же время, как одна из важнейших составляющих научного обществоведения, политэкономия не обладает достаточно сильным иммунитетом от «инфицирования вирусами» вульгаризации.

Вульгаризация науки имеет достаточно сложную «клинику» и характеризуется такими наиболее характерными «симптомами»: 1) исследователи ограничиваются преимущественно поверхностным описанием внешних проявлений экономических отношений, явлений и процессов, вне рассмотрения их глубинной сущности и влияния на их состояние сложных взаимозависимостей обусловленных причинно-следственными связями общественных отношений; 2) допускается широкое использование неправомерных абстракций при рассмотрении субъектов экономической системы, прежде всего это касается персонифицированных, ассоциированных и институциональных субъектов, а также наличие эклектического смешивания единичных, особых и общих интересов и отрицания существования антагонизмов в социально-классовых отношениях; 3) происходит конъюнктурная подмена непредубежденного исследования сложного и диалектически противоречивого мира социально-экономических отношений, осторожной или беззащитной апологетикой, заказной защитой интересов и экономического поведения общественно господствующих и паразитирующих классов и социальных групп; 4) имеет место полный отказ (прямой или косвенный) от анализа движущих общественно-экономических противоречий определенного способа производства, а также механизмов их оптимального согласования, наблюдается стремление обоснования мифа «про абсолютную гармонию социально-классовых интересов и мотиваций» в капиталистической системе, которого в реальной жизни не существует.

Составляя фундаментальную теоретико-методологическую основу всех экономических наук, политическая экономия в настоящее время испытывают всевозрастающее влияние, с одной стороны, прагматизма, а с другой - гуманитарных наук, что расширяет поле междисциплинарного подхода к анализу современного состояния социальной формы движения материи, в том

числе экономических отношения явлений и процессов. Вместе с тем, не может не вызывать обеспокоенности доминирование в экономической науке ряда негативных особенностей методологического характера.

Первая особенность современного процесса познания социальной формы движения материи, а по сути подрыва методологической основы экономической науки, состоит в том, что подавляющая масса политэкономов пытаются заимствовать в той или иной мере научный инструментарий и проводить в экономической сфере аналогии с исследованиями природных форм движения материи, особенно механики и физики. Цель этого заимствования объясняется стремлением к «обогащению методологических возможностей развития экономической науки». В частности это относится к исследованиям связанным с проблемами поиска новой парадигмы политической экономии и всей экономической науки.

А. Гальчинский считает, что: «Соответствующая методологическая конструкция возникновения нового ведет свое начало из физики сложных, диссипативных систем, принципы которой проектируются на процессы общественного развития как универсальные закономерности. Новая парадигма политэкономии имеет, в моем понимании, аккумулировать в себя соответствующие подходы». [9, с. 6] Оценивая проблемы развития физики, этот ученый утверждает: «Только преодолев «железные» каноны ньютоновской механики, А. Эйнштейн смог подняться к вершинам теории относительности. Эта истина относится и к формированию новой парадигмы политэкономических знаний, которая в процессе становления может восприниматься только как политическая метаэкономика, как теория концентрирующая свое внимание на процессах, которые только зарождаются, находятся за пределами видимых трансформаций, институциональных определений. Предложенные читателю теоретические обобщения имеют именно такую определенность». [9, с. 7]

Утверждение, относительно преодоления А. Эйнштейном «железных» канон механики Н. Ньютона, с целью создания новой парадигмы, поднимающей к «вершинам теории относительности», мягко говоря, научно некорректно! И это стоит рассмотреть более детально

Дело в том, что механическая форма движения материи, связанна с изменением взаимного расположения тел (или их частей) в пространстве и времени, под влиянием их массы. Механическое движение, это наиболее «простая» из форм движения материи, о что свидетельствует абсолютная возможность ее математической формализации, включая даже такие наиболее сложные внутренние формы как гидродинамика и аэродинамика.

Содержание трех законов («железных канонов») механики Ньютона следующее.

Первый «закон инерции»: «всякое тело продолжает удерживаться в своем состоянии покоя или прямолинейного и равномерного движения, пока и поскольку оно не принуждается приложенными силами изменить это состояние». *Второй закон:* «изменение количества движения пропорционально приложенной движущей силе и происходит по направлению той прямой, по которой эта сила действует». *Третий «закон взаимодействия»:* «действию всегда есть равное и противоположное противодействие, иначе, взаимодействие двух тел между собой равны и направлены в противоположные стороны».

Более высокая форма физического движения материи хотя и неразрывно связана с механической формой, однако ей не тождественна, поскольку невозможно отнести к механике ни тепловые, ни электромагнитные, ни ядерные процессы.

Спрашивается, какие же «железные каноны» преодолел А. Эйнштейн на пути к «новой парадигме»?

Научные достижения классической механики И. Ньютона (в т.ч. и ее законы) никоим образом не были перечеркнуты (преодолены) процессом дальнейшего развития теоретической физики, чтобы осуществить разработку теоретических основ современной ядерной физики, квантовой термодинамикой, открыть законы движения микромира (элементарных частиц, атомов, атомных ядер, и др.). Основателями этого теоретического направления были три выдающихся физика-теоретика: *Макс К. Э. Л. Планк* – вывел формулу распределения энергии в спектре излучения абсолютно «черного тела», доказал уравнение релятивной динамики, осуществил обобщение положений термодинамики в рамках специальной теории относительности (нобелевский лауреат 1918 г.); *А. Эйнштейн* – создал специальную и общую теорию относительности для движения тел скорость которых близка к скорости света, открыл закон взаимосвязи массы и энергии, заложил основы расчета энергетического баланса ядерных реакций, разработал квантовую теорию света и объяснил явление фотоэффекту, создал квантовую статистику долей с целым спином, развивал теоретические вопросы космологии и единой теории поля (нобелевский лауреат 1921 г.); *Н. Х. Д. Бор* – разработал на основе идей Планка первую квантовую теорию атома, вскрыл атомарные спектры, заложил основы теории деления атомного ядра, предвидел спонтанную делимость урана, (нобелевский лауреат 1922 г.).

Думается, что высказанное мнение А. Гальчинского не будет выглядеть таким уж и абсурдным, если рассмотреть его в контексте реализации одной из важнейшей задачи вульгаризации экономической науки.

Вторая особенность, вытекает из первой. Она продолжает реализацию «фундаментальной» идеи подрыва методологической основы развития политической экономики, а именно, преодоления «железных канонов» диалектики Гегеля, и замены ее на методологию субъективного метафизического идеализма. Это делается с целью обоснования создания «новой парадигмы», поднимающей к «вершинам теории пост модернизма, пост индустриализма и пост капитализма». [11, с. 170-178; 341-350; 378-387]

Этот известный отечественный ученый утверждает: «следует понимать, что речь идет фактически о необходимости имплементации в систему экономического анализа методологических принципов метафизики, которая предусматривает движение не от реальности к идеи, а, наоборот – от идеи к новой реальности. В целом в условиях межсистемных трансформаций анализ трансцендентного, того, что считают «над эмпирическим», находящимся «по ту сторону» не только существующей практики, а и накопленных знаний. Речь идет о виртуальных (иррациональных) явлениях, возможных лишь на уровне мета философских методологических постулатов». [9, с. 7]

В монографии «Экономическая методология, Логика обновления», в разделе «Ренессанс метафизического» А. Гальчинский высказывает такое мнение: «Знаковым в имплементации в экономическую методологию принципов метафизики является ...выход в свет монографического исследования В. Базилевича и В. Ильина «Метафизика экономики». [11, с. 94] . Авторы названного труда отмечают: «В отличие от эмпирической науки, направленной на достижение конкретного результата, метафизику интересует тайна бытия. Не претендуя на ее окончательное познание, она стремится «выявить и коснуться ее». В результате, если эмпирическая наука идет «от действительности к идее», то метафизика – «от идеи к действительности» [12, с. 13] И далее « ...Речь идет о поиске механизмов анализа «потенциальной реальности», «реальности отсутствующего», «объективно существующей реальности внутреннего мира человека». [12, с. 274, 275]

Действительно, только «истинный метафизик» способен уразуметь, что собой в научно-понятийном разумении представляют такие дефиниции, как «потенциальная реальность» и «реальность отсутствующего».

Для любого ученого, не выполняющего апологетическую функцию, не является особым секретом то, что возврат к метафизике в любой форме ее проявления состоит в сознательном установлении препятствия на пути прогрессивного развития науки.

В смысле «антипода диалектики», категория «метафизика», в философии впервые, употребил Гегель, имея в виду также и то, что прежняя метафизика, как правило, была сформирована анти диалектически. В дальнейшем смысл категории «метафизика» утвердился как понимание антидиалектического, формально логического способа мышления, как результат односторонности в познании, когда рассматривают вещи, явления, процессы и отношения как неизменные и независящие друг от друга, отрицаются внутренние противоречия как источник развития природы и общества.

Научная несостоятельность метафизического, формализованного мышления проявляется в *абсолютизации любых сторон и моментов познавательного процесса, доминировании формальной логики и противопоставлении его методу материалистической диалектики и диалектической логики.*

Материалистическая диалектика не только «онтологическое», но и «гносеологическое» учение, Диалектическая логика, рассматривает мышление и познание равным образом в становлении и развитии, поскольку вещи и явления есть то, чем они становятся в процессе развития, и в них, как тенденция, заложено их будущее, то, чем они станут. В этом смысле и *теория познания* рассматривается материалистической диалектикой как обобщенная история познания и каждое понятие, каждая категория, несмотря на свой предельно общий характер, отмечены печатью историчности. «В своем рациональном виде диалектика, – отмечал К. Маркс, – внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает, в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна». [1, с. 22]

Для современных «продвинутых» метафизиков стоит напомнить содержание трех *«железных канонов»* гегелевской диалектики.

1. *Закон перехода количественных изменений в качественные* заключается в том, что на определенном этапе развития объекта, количественные изменения переходят в качественные, а их новое качество, определяет характер, направление, возможности и темпы протекания количественных изменений и формирует силу, дающую импульс к развитию нового качества.

Исследование социально-экономических явлений и процессов начинается с познания их качества, затем – количества, и, оценки их в единства, которое фиксируется категорией «мера». «Меру» Гегель характеризовал как

«сущностное единство количественного и качественного», или как «качественно выраженное количество». Решающей стороной диалектического метода познания в единстве качества и количества является анализ качественной стороны. *Меру также можно рассматривать как определенную количественную границу, до перехода которой, качественное состояние предмета (отношения) не изменяется.*

2. Закон единства и борьбы противоположностей, или закон противоречий — важнейший инструмент познания глубинной сущности противоречивого характера социально-экономических явлений и процессов. Особенность категории противоречие состоит в том, что оно скрепляет все парные категории, выражает процесс их взаимного проникновения, взаимного отрицания (борьбы) и взаимного единства.

3. Закон отрицания отрицания, синтезирует важнейшие признаки других законов диалектики, охватывает единство поступательности и наследственности, появление нового и относительной повторяемости на качественно новой основе старого и т.д. и вместе с тем обогащает их, что теоретически выражается в новом понятии. Такой процесс отрицания является конструктивным, в отличие от деструктивного, который разрушает определенную систему, означает регрессивный путь ее развития, факторами которого являются, прежде всего, внешние относительно системы факторы.

Специфическими формами закона отрицания отрицания в экономическом исследовании является: 1) отрицание более развитой общественной формы менее развитой (например, отрицание более развитой экономической формы собственности менее развитой); 2) отрицание новыми, прогрессивными организационными формами менее развитых (например, замена одних организационных форм управления предприятиями, компаниями другими - более совершенными); 3) отрицание более совершенными вещественными формами развития продуктивных сил менее совершенных (например, качественное усовершенствование отношений специализации, кооперирования, комбинирования, интеграции производства и т.п.).

Только с позиций диалектики можно понять сложный, полный противоречий путь становления объективной истины, связь на каждой ступени развития науки элементов абсолютного и относительного, устойчивого и изменчивого, переходы от одних форм обобщения к другим, более глубоким.

Важнейшей составляющей частью диалектического материализма является **исторический материализм**. Его возникновение и формирование было коренным переворотом в развитии общественной мысли. Оно позволило, с одной стороны, провести последовательно материалистический взгляд на мир

в целом – не только на природу, но и на общество, а, с другой, – вскрыть материальную основу общественной жизни и законы, определяющие ее развитие, а, следовательно, и развитие всех других сторон общественной жизни, определяемых этой материальной основой.

Основу исторического материализма составляет учение об общественно-экономической формации – историческом типе общества, основанном на определенном *способе производства, и который* выступает как ступень прогрессивного, цивилизационного развития мировой истории человечества от *первобытнообщинного строя* через *рабовладельческий строй, феодальную и капиталистическую общественно-экономические формации* к социалистической и гипотетически-утопической – «коммунистической формации».

Категория «общественно-экономическая формация» впервые было введено в научную практику марксизмом и составляет краеугольный камень этого социально-экономического учения. Каждая система производственных отношений, возникающая на определенной ступени развития *производительных сил*, подчинена как общим для всех формаций, так и особым, свойственным лишь одной из них закономерностям возникновения, функционирования и перехода в более высокую форму. Действия людей в пределах каждой *общественно-экономической формации* – бесконечно разнообразные, индивидуализированные, казалось бы, не поддающиеся никакому учету и систематизации – были обобщены и сведены к действиям больших масс – классов, реализующих в своей деятельности потребности общественного развития.

Исторический материализм устранил два главных недостатка домарксистских социологических теорий, которые, *во-первых*, были идеалистическими, т. к. ограничивались рассмотрением идейных мотивов человеческой деятельности вне исследования того, чем вызываются эти мотивы, какими материальными причинами они порождаются; *во-вторых*, в основном исследовали лишь роль выдающихся личностей в истории, не уделяя внимания действиям народных масс, ассоциированных групп как истинных творцов истории.

Вскрывая материальную обусловленность общественно-исторического процесса, исторический материализм в противовес вульгарно-материалистическим теориям, отрицающим роль идей, политических и др. учреждений и организаций, подчеркивает их обратное, активное воздействие на породивший их базис и выявляет огромную роль субъективного фактора — действий людей, классов, партий, сознательности и организованности масс.

Исторический материализм не приемлет ни *фатализма*, ни *волютаризма*. Люди сами творят свою историю, но не могут творить ее по собственному волевому произволу (хотя могут в определенные периоды ее существенно исковеркать), ибо каждое новое поколение действует в определенных объективных условиях, созданных до него предыдущими поколениями. Эти причинно следственные условия и действующие на их основе социально-экономические законы при их научном познании открывают разнообразные возможности для деятельности людей. Реализация этих возможностей, а значит, и реальный ход истории зависит от людей, их активности и инициативы, от организованности и сплоченности прогрессивных сил.

Диалектико-материалистическое понимание истории развития человеческой цивилизации дает возможность: *во-первых*, отличить один период истории от другого и вместо рассуждений об «обществе вообще» исследовать исторические события в рамках определенных формаций; *во-вторых*, вскрыть общие и существенные черты разных стран, находящихся на одинаковой ступени развития производства, а значит, использовать в исследовании общенаучный критерий повторяемости, применение которого к общественной науке отрицают субъективисты; *в-третьих*, в противовес эклектическим теориям, рассматривающим общество как механическую совокупность общественных явлений, а исторический процесс, - как результат влияния различных факторов (природных условий или просвещения, развития торговли или рождения гения и пр.), научная категория общественно-экономическая формация позволяет рассмотреть человеческое общество в конкретный период его развития как единый «социальный организм», включающий в себя все общественные отношения, явления и процессы в их неразрывном органическом единстве и взаимодействии на основе действующего способа производства, как единства производительных сил и производственных отношений; *в-четвертых*, позволяет свести стремления и действия отдельных людей к действиям больших масс, классов, социальных групп, слоев, интересы которых определяются: 1) определенным местом в системе общественных отношений, прежде всего в производстве и управлении; 2) отношением к собственности, прежде всего, на средства производств, природные, финансовые и информационные ресурсы; 3) характером присвоения результатов общественного производства, который может быть: а) легитимным или криминальным; б) трудовым или эксплуататорским; в) основанным на самостоятельной деятельности субъекта или связанный с его социальным содержанием как инвалида, либо нетрудоспособного по возрасту.

Производственные (базисные) отношения определяющим образом влияют на характер всех других общественных отношений: политических, идеологических, правовых, нравственно-этических, религиозных и других. Именно понимание функциональной зависимости всех общественных отношений от производственных отношений впервые в истории позволило на научной основе объяснить закономерности исторического развития общества.

4. Идеологическая направленность концепции смены «старой» метапарадигмы политической экономии на «новую».

Одна из важнейших задач науки, в т.ч. и экономической состоит в перманентной, системной и критической инвентаризации собственного теоретико-методологического арсенала и накопленной совокупности знаний на предмет их соответствия современным реалиям диалектики социально-экономического развития человечества. Это задача не единовременного конъюнктурного характера, а достаточно длительный процесс непрерывного осмысления и переосмысления собственных научных (или близких к таковым) представлений экономической науки. При этом чрезвычайно важно выявить и оставить в качестве надежного фундамента те «кирпичики» истинных научных знаний, опираясь на которые возможно прокладывать путь в научно неизвестное пространство познания социальной формы движения материи.

Усилия ученых должны быть направлены на качественное совершенствование научно-методологического инструментария. В частности, это касается переосмысления и конкретизации содержательной четкости действующего понятийно-категориального аппарата. Важно также, с учетом имеющих место масштабных аномалий и патологий, которые накапливаются в социально-экономических отношениях современного глобально взаимосвязанного мира, дать оценку соответствия содержания общепринятой трактовки экономических законов объективным реалиям современной практики.

Роль теории в выборе путей общественного переустройства исключительно велика: именно теория структурирует наше сознание, позволяет упорядочить представления о реальности и об ориентирах ее преобразования. Умелое соотнесение положений теории с конкретной реальностью позволяет трезво оценить существующую обстановку и заложить надежный фундамент для возможности сформулировать достаточно конструктивную концепцию перспективных преобразований. Вместе с тем, теория не может стоять над жизнью или, уйти от нее в сторону, или подменять реальную хозяйственную и политическую и социальную практику. В случае, когда «теория» пытается

перенести в жизнь не имеющие к ней абсолютно никакого отношения утопические абстракции, и «маниловские прожекты», она способна не только деформировать саму объективную реальность, но и оказывает специфическое воздействие на теорию. Как уже отмечалось, способствует появлению идеологических мифов, весьма «полезных» для политиков и в популистском плане привлекательных для широких масс населения.

Как уже отмечалось, общество являет собой одну из наиболее сложных форм объективной материальной реальности. В отличие от природы, общественные отношения и процессы происходят в сознательно созданной среде (мире искусственных и естественных объектов) и наполнены целенаправленной созидательной (а в определенных случаях и разрушительной) деятельностью людей. Их научное познание усложняют быстрые изменения условий и факторов, которые влияют на общественную жизнь. Именно особенности развития общества обусловили особую роль осмысления в новых исторических условиях *научную парадигму обществоведения*. Содержательно эта категория определялась, как «научная теория или модель постановки проблемы, которая принимается как методологический образец решения исследовательских задач в экономической науке, прежде всего, политэкономии.

В течении первого десятилетия после распада СССР среди ученых-экономистов, особенно тех, кто в свое время «успешно развивал» политэкономии «развитого социализма» велась оживленная дискуссия, связанная с изменением «старой» парадигмы на «новую».

Доминанту содержательного наполнения этой дискуссии задал бывший «академик-адепт» политэкономии развитого социализма Л. Абалкин, основная научная заслуга которого состояли в исследовании проблем совершенствования хозяйственного механизма плановой социалистической экономики. Именно он в середине 80-х годов прошлого столетия был «научным прорабом перестройки» на пути реформирования «механизма социалистического хозяйствования», а после краха радикальных реформ социалистической экономики, которые проводились под его непосредственным руководством на посту заместителя Председателя Совета Министров СССР, написал в 1991 году монографию: «Не использованный шанс: Полтора года в правительстве [13]. После этого, Л. Абалкин положил начало дискуссии о концептуальной смене парадигмы, опубликовав в 1993 году в российском журнале «Вопросы экономики» статью «Экономическая теория на пути к новой парадигме». [14].

Проведенный анализ публикаций по данной проблематике показывает, что большинство отечественных и других исследователей постсоциалистического пространства, рассматривали «новую парадигму», с

одной стороны, преимущественно, как некую «панацею», обладающую свойством решения всех проблем углубления теоретического осмысления прошлого, настоящее и будущего состояния развития социально-экономической системы человечества. С другой стороны, они видели в ней надежный способ отмежевания от своего не так далекого социалистического научного прошлого, путем радикальной критики ранее используемой концептуальной диалектической парадигмы исторического материализма.

По мнению Л. Абалкина, для того, чтобы та или иная научная школа, как определенная система идей, представлений и методологических подходов смогла бы претендовать на роль «новой парадигмы», она, должна «дать пояснение эмпирическому материалу, который накопился, и открыть путь к дальнейшему углублению знания» [14, с. 4]. В статье говорилось о необходимости «вырваться из традиционного конфронтационного подхода в мышлении» и «жесткого самоконтроля», а также об отказе от «категоричности оценок и выводов» [14, с.12]. Однако, в практическом плане, Л. Абалкин, полярно сменил акценты теоретической оценки марксистских и немарксистских (старых и новых) концептуальных взглядов на сущность фундаментальных категорий политической экономии.

экономические категории современной развитой рыночной капиталистической системы.

Во-первых, ряд технологических и социальных факторов, по мнению Л. Абалкина, «все больше ставит под сомнение универсальность трудовой теории стоимости в объяснении общественных процессов. Она теряет свою абсолютную значимость и переходит к разряду «частного случая», применимого, короче говоря, только к эпохе господства капиталистической свободной конкуренции» [14, с.13].

Во-вторых, его позиция состояла в том, что нет смысла «до хрипоты спорить о преимуществах общественной или частной собственности», поскольку в ходе исторического развития состоялось принципиальное снятие их противостояния» [14, с. 13].

В-третьих, Л. Абалкин утверждал, что, учитывая указанное изменение в производительных силах и отношениях собственности, «отпадает один из краеугольных камней формационной концепции общественного развития» [14, с.13].

Все это является свидетельством мгновенной методологической мимикрии, когда ведущий ученый, директор Института экономики АН СССР по мановению ока сменил ранее неоспоримую для советских экономистов методологию на не менее тотальную доминанту научной мысли Запада, имеющую название «единого течения».

Один из ключевых тезисов высказанный Л. Абалкиным состоит в следующем: «Очевидно, будет болевой разрыв с диалектикой двойственности, отказ от стремления понять и описать мир исключительно с помощью парных категорий: добро и зло, война и мир, капитализм и социализм. Динамика множественности становится универсальным методом познания многомерного мира, отодвигая традиционные диалектические понятия на роль одного из рабочих инструментов и «частного случая», применимого к решению относительно простых и формализованных задач. Первым шагом в этом направлении может стать освоения довольно глубоких традиций тройственного восприятия мира». [14, с.11]

Никто не сможет оспорить существование рядом с «диалектикой двойственности» довольно «глубоких традиций тройственного восприятия мира».

Это, прежде всего, относится к таким морально-этическим триадам, как: «вера – надежда – любовь»; «честь – совесть – достоинство»; «свобода – равенство – братство».

Существует теологическая триада христианства: «бог отец – бог сын – дух святой».

Можно в качестве примера также вспомнить триаду, действие которой крайне негативно для общества, но очень важная для государственной бюрократии, поскольку облегчает ей жизнь: «бесконтрольность – безответственность – безнаказанность».

Даже преступный мир для своей безбедной жизни на основе присвоения криминальной выручки для обмана граждан в сфере производства использует триаду: «утруска – усушка – угар»; а в сфере торговли: «обмер – обвес – общет».

Конечно, используя «метод вульгарной абстракции», «диалектику двойственности» явлений природы и общества можно поменять местами с «диалектикой множественности», возведя последнюю из ранга «частного случая» в ранг «универсального». Однако, несмотря на предложенные изыски, в объективном мире экономических отношений все пока что остается без перемен: стоимость остается сущностью товара, а цены – денежной формой ее проявления; прибавочная стоимость – содержательной сущностью прибыли, а прибыль – ее внешней формой проявления; капитализм не перестает быть антагонистической способом производства, основанным на эксплуатации и отчуждения труда капиталом и без его кардинальной формационной трансформации не возможен дальнейший прогресс человечества в направлении социально справедливой системы организации общественного производства и полноценной свободной жизни всех людей.

Если первый в мире экспериментальный полет братьев Райт и закончился аварией, это не означало невозможность дальнейшего существования и развития авиации. Если эксперимент построения социалистической общественно-экономической формации потерпел крах в результате того, что делали не те (кто должен), делали не то (что требовалось) и делали не так (как надо), не означает возможности в мировом масштабе отрицания капитализма социализмом, и дальнейшего поступательного развития общества, извлекшего уроки из ошибок и просчетов прошлого.

Относительно же того утверждения, что исчезает диалектическая двойственность материально-вещественных парных категорий то эта позиция известного академика, мягко говоря, научно не корректна.

При внимательном взгляде на сущностный смысл «диалектической двойственности» и «диалектической множественности» в природе и обществе, любой идеологически не зашоренный ученый в состоянии заметить, что диалектическая, двойственная противоположность по своей сути есть смысл смысла, или глубочайшая сущность и источник движения как естественных, так и социальных явлений. Наоборот: диалектическая множественность – это всего лишь внешняя форма проявления названных сущностей. Отрицание ведущей роли «диалектической двойственности», это отрицание диалектического закона единства и борьбы противоположностей, отрицание противоречия, как источника развития.

Все научные категории имеют содержание лишь в соответствии со своим антиподом: анализ – синтез; абстрактное – конкретное; стойкость – переменность; закон – хаос; организация – дезорганизация; материальное – идеальное; объективное – субъективное; прогресс – регресс; сущность – явление; содержание – форма; количество – качество; структура – элементы; электрон – позитрон; нейтрино – антинейтрино; вещество – антивещество; самостоятельность – зависимость; тяготение – отталкивание; ассоциация – рассеяние; ассимиляция – диссимиляция; самосохранение – самообновление; плюс – минус; жизнь – смерть; здоровье – болезнь; белое – черное; натуральное хозяйство – рыночное хозяйство и тысячи других парных понятий.

Даже в отношениях собственности, системно определяемых как «капитал», существуют такие его внутренние парные категории как: «постоянный – переменный»; «основной – оборотный»; «реальный – фиктивный» и другие.

В повседневном сознании также существуют парные понятия, такие как: добро – зло; щедрость – скряжничество; правда – вранье; счастье – несчастье; любовь – ненависть; богатство – бедность; ум – глупость; моральность – аморальность и множество других.

Диалектические противоречия природы, общества и сознания являются естественными и вечными спутниками человечества. Непротиворечивых процессов и явлений в природе и общественной жизни просто не существует. *Противоречие, это:* 1) динамичное взаимодействие единых и взаимно исключающих противоположностей, единство и борьба которых является источником самодвижения системы, предмета (отношения); 2) одновременное проявление в том же самом процессе и в одном том же отношении, взаимоисключающих тенденций и свойств; 3) взаимодействие, стороны которого органически связаны, и обязательно представляют разные тенденции, разные направления изменения и развития.

Основные особенности экономических противоречий состоят в следующем: 1) в экономическом противоречии представлены два аспекта трудовой деятельности людей: социально-экономического и производственно-экономического; 2) единство и борьба противоположных тенденций в экономической деятельности людей обеспечивает историческую наследственность в саморазвитии производственных отношений, продуктивных сил и способа производства в целом; 3) экономические противоречия выражают взаимозависимость, взаимное отрицание и взаимопроникновение конкретных целевых мотиваций людей и их ассоциаций в процессе общественного воспроизводства; 4) способ бытия экономических потребностей, интересов, мотиваций, целей, как движущей силы формирования поведения классов, социальных групп, трудовых ассоциаций, семей и отдельных лиц заключается в их активном, диалектическом, естественно-противоречивом взаимодействии.

Только противоречия и их разрешение могут быть причиной рождения новых форм, методов, тенденций экономической деятельности и, соответственно, новых экономических отношений между людьми, их ассоциаций и общества в целом.

Если не усматривать определяющего влияния доминанты идеологического заказа представителям экономической науки, та фактически невозможно понять, каким образом, увешанным всевозможными научными (и не только) регалиями экономистам теоретикам и историкам экономической мысли до сих пор еще удается ограничивать свое понимание действительности одномерным взглядом не только на товарно-денежные категории, но и на исторические макро ступени развития человечества. В то время, как одни ученые придерживаются лишь уровня глубинных, исторически трансцендентных формационных факторов истории человечества (производительных сил, средств производства, разделения труда, типов собственности, способов соединения рабочей силы со средствами производства, социальными формами жизни людей), другие (и они составляют

в современной экономической науке агрессивное большинство) принимают во внимание только поверхностные, локальные, исторически автономные (замкнутые и самодовлеющие) «культуры» средств производства, экономических укладов и укладов жизни, социального и духовного развития человеческих сообществ, форм искусства, морали, религии и прочее.

За два столетия противостояния «домарксистских», «марксистских» и «немарксистских», формационных и цивилизационных подходов к системной структуризации различных этапов исторического развития человечества уже назрело вполне реалистическое и теоретически положительное решения этой «дилеммы». Оно коренится в признании политэкономами не только различия содержания сущности и форм проявления в экономической истории этапов развития человечества, но и диалектического единства их качественных сторон.

Решение названной «дилеммы» также состоит в признании научной ценности теоретических исследований как на уровне качественной сущности исторических этапов развития человечества, так и на уровне всего существующего разнообразия форм их проявления. И с этой, точки зрения: 1) определение формационной концепции как уровня сущности в периодизации истории человечества – это все тот же самый диалектико-материалистический подход в политической экономии, который закономерно привел к выявлению сущностной, трудовой природы стоимости, прибыли, ссудного процента и земельной ренты; 2) определение цивилизационных теорий как уровня формы проявления такой сущности (это тот самый субъективно-психологический подход), который породил маржиналистский инструментарий практического (и на определенном этапе достаточно эффективного) регулирования современной развитой капиталистической экономики.

5. Диалектико-материалистическое направление развития политической экономии

Критическая оценка идеологической направленности реализации концепции смены «старой» мета парадигмы политической экономии на «новую», отнюдь не перечеркивает определенных позитивных моментов, связанных с реальным развитием методологии политической экономии. В качестве положительного примера можно позитивно оценить научную позицию В. Тарасевича, который обосновал дифференцированный и системно структурированный спектр «парадигм» разных исторических этапов и уровней теоретического осмысления экономической действительности. [15, с.46] Он также внес существенный вклад в диалектическое понимание тенденций эволюции научных парадигм. По мнению этого политэконома: «Наиболее

важным условием эволюции парадигмы является переменное, но стабильное соответствие между ее составляющими, которые сохраняют начальную качественную определенность. Пребывая на траектории восхождения парадигма постепенно приобретает зрелость и завершенность, стает в дальнейшем более развитой и наполненной соответствием между ее составляющими...Под влиянием активной познавательной и критической деятельности субъекта быстрыми темпами эволюционирует содержательное ядро парадигмы... Вместе с тем могут отсеиваться составляющие, которые не отвечают предметному простору. Рано или поздно наступает момент насыщения парадигмы, приобретения ею определенной целостности. Она достигает высшей точки эволюции, за которой возможен ее закат. Как правило, он связан с утратой исторических приоритетов отражения ею реальных процессов и протекает тем быстрее, чем меньше она является критичной и самокритичной.... Неадекватная институционализация и идеологизация доминирующей парадигмы способна резко затормозить, или даже остановить ее эволюцию, в частности до приобретения ею зрелых форм, препятствовать возникновению легальных альтернатив. В этих условиях любая из парадигм не застрахована от рецидивов светской религии. Понятно, что новые идеи все же развиваются - или за границами официоза, или приобретая необходимые им формы. Однако темпы их накопления, адекватны потребностям прогресса, их роль в обществе может резко возрасти только в результате коренных институциональных изменений». [13, с. 27, 28].

Обобщая можно утверждать, что в настоящее время экономической наукой используются, преимущественно, три доминирующие *мета парадигмы*.

Первая, «формационная», основана на диалектических началах исторического материализма. Эта научная модель определяет качественный уровень исторически поступательного цивилизационного развития социума состоянием триединой системы элементов общественно-экономической формации: экономического базиса, производительных сил и социальной надстройки. При этом анализ социально-экономических и др. отношений проводится с позиций социально-классового подхода на основе рассмотрения антагонистического характера сущности исторически сменяемых, досоциалистических типов цивилизации, а также их потенциальных возможностей в развитии производительных сил и человеческой личности.

Вторая, «цивилизационная», основана на диалектическом подходе к развитию одного из компонентов триады системных составляющих общественно-экономической формации, а именно, продуктивных сил общества. При этом, уровень «цивилизации» общества, определяется на основе выделения трех стадий его развития, К ним относится «до индустриальная»,

«индустриальная» и «пост индустриальная» стадии. По сути, эта концепция широкое и емкое понятие «цивилизация» сводит исключительно до уровня исторического развития материально-технической составляющей производительных сил, а именно к средствам производства, достижениям их технико-технологического совершенства.

Третья, «субъективистская», основана на позитивистских подходах «научного рационализма» и доминировании принципа «методологического индивидуализма». При этом сама цивилизация и уровень ее развития воспринимается как общественное явление, которое по своей сути составляет сконструированную человеком реальность, которая отображает непосредственное развитие самого человека, детерминируется, прежде всего, этим развитием. Базовым постулатом этой парадигмы является «свобода личности, т.е. абсолютный суверенитет ее взглядов и склонностей».

Простое сопоставление существующих парадигм в контексте сравнения их содержательного наполнения с позиций методологии понимания взаимодействия и взаимозависимости общего, особого и единичного в системном исследовании неоспоримо доказывают доминантный, всеобщий характер первой как наиболее универсально-общественной и которая системно включает вторую (на правах особой) и третью (как проявление единичного, частного).

Открытие, на основе высшего проявления научно-абстрактного мышления, триады системной совокупности отношений, явлений и процессов жизни социума и их отражение в конгломератной и всеобъемлющей социально-экономической категории «общественно-экономическая формация», является высочайшим достижением человеческого гения. Общественно-экономическая формация, диалектически неразрывно соединяет в себе: 1) экономический базис общества; 2) производительные силы; 3) социальную надстройку (в том числе политическую и экономическую).

Важнейшее значение имеет бинарное взаимодействие экономического базиса и производительных сил общества. Именно в их взаимодействии проявляется двойственное качественное содержание общественного способа производства.

Во-первых, способы производства отличаются не тем, что производится, а тем как именно производится материальные и нематериальные блага, на основе использования каких материально-вещественных факторов производства и технологий (индустриальных, ядерных, космических, микробиологических, нано и т.д.).

Во-вторых, какой характер носит процесс соединения личного и вещественного фактора производства, трудового потенциала (рабочей,

трудова сила) и средств материального и нематериального производства, включая весь спектр услуг. История развития человечества показывает, что этот характер может быть либо добровольным, либо принудительным. И если в условиях рабовладельческого способа производства характер принуждения по отношению к рабу был исключительно насильственным, в условиях феодального способа производства насилие соединялось с экономическим принуждением к труду крепостного крестьянина, то в условиях капитализма принуждение работников наемного труда носит исключительно экономический характер.

Как уже отмечалось, в обществе между людьми и их ассоциациями возникают социальные отношения, которые имеют противоречивый характер. От механизма их согласования зависит, какой характер они принимают: не антагонистический или антагонистический; эквивалентный или не эквивалентный; социально справедливый или несправедливый. И от того, как общество и государство способны разрешать эти социально-экономические противоречия в полной мере зависит и экономическое развитие и социальная стабильность общества.

Относительно самых отношений то, все они тесно переплетены и в реальной жизни, их взаимодействие практически невозможно размежевать, или искусственно отделить одно от другого. Они действуют в неразрывной связи и тесной причинно-следственной зависимости. В то же время историко-материалистическая наука абстрактно разграничивает эти отношения (прежде всего на «базисные» и «надстроечные»), относя те или другие к своему предмету, т.е. к определенному очерченному полю своего исследования. При этом в целом исторический процесс развития представляет собой тесное переплетение экономических, политических, идеологических, правовых, социальных, морально-этических, религиозно-атеистических и др. факторов и отношений, взятых в системном взаимодействии и взаимозависимости, лишь, в конечном итоге, определяемом экономическими условиями.

Нет необходимости доказывать, что во всех общественно-экономических формациях система производственно-экономических, базисных отношений испытывает на себе влияние со стороны других общественных отношений и форм социальной жизни. Очевидно, что, предмет экономической науки (прежде всего политической экономии) не может быть очерченный полем научного исследования лишь исключительно *производственно-базисных отношений*, которые включают:

- 1) экономические отношения собственности;
- 2) экономико-воспроизводственные отношения;
- 3) хозяйственно-экономические отношения;
- 4) товарно-денежные отношения;
- 5) распределительно-экономические

отношения; 6) отношения обмена жизненных благ; 7) финансово-кредитные отношения; 8) отношения перераспределения, социальных компенсаций и гарантий; 9) отношения конечного потребления и удовлетворение воспроизводственных потребностей человека и др.

Политэкономическое исследование должно основываться на рассмотрении внутрисистемного взаимодействия трех составляющих конгломератов общественно-экономической формации, а именно: базисно-надстроечного; продуктивно-экономического; продуктивно-надстроечного. Эти внутрисистемные блоки содержат «бинарные» отношения, в которых влияние каждой составляющей является приблизительно равнодействующей. Внутри формационные блоки представлены такими бинарными отношениями:

во-первых, базисно-надстроечные отношения, которые включают:

1) политико-экономические отношения; 2) экономико-идеологические отношения; 3) экономико-культурные отношения; 4) морально-экономические отношения; 5) экономико-правовые отношения; 6) экономико-этнические отношения; 7) экономико-религиозные отношения; 8) экономико-атеистические отношения; 9) семейно-экономические отношения и др.; Их также можно объединить как систему отношений экономической надстройки или в блок отношений, которые в настоящее время находятся в «ведении» институционалистов.

во-вторых, продуктивно-экономические отношения, которые включают:

1) ресурсно-экономические отношения; 2) организационно-экономические отношения; 3) технико-экономические отношения; 4) технолого-экономические отношения; 5) экономико-экологические отношения; 6) экономико-информационные отношения и др.

в-третьих, продуктивно-надстроечные отношения, которые включают:

1) политико-технологические отношения; 2) технолого-идеологические отношения; 3) организационно-правовые отношения; 4) информационно-политические отношения; 5) информационно-правовые отношения; 6) эколого-правовые отношения; 7) эколого-политические отношения; 6) нравственно-экологические отношения; 6) ресурсно-политические отношения; 7) ресурсно-идеологические отношения; 8) ресурсно-правовые отношения; и др.

Сложность системно-структурного и причинно-следственного взаимодействия общественных отношений, значительно возрастает с учетом их внутри уровневого структурирования и противоречивого характер в достижении консенсус интересов частного (единичного, персонифицированного), особого (группового, ассоциированного, классового) и общего (общественного). Если индивидуальные интересы и межличностные отношения определенной мерой исследуются экономической наукой, а в

«субъективистской» парадигме даже абсолютизируются, то интересы и мотивации на уровне «групповых» интересов остаются вне поля зрения современных политэкономов. Прежде всего, это относится к оценки масштабов и последствий их влияния, особенно деструктивно-разрушительного, на реализацию интересов общества (в т.ч. государства) в условиях «масштабных общественных трансформаций».

Системе современного государственно-корпоративного капитализма, которая эволюционно сформировалась не собственной базисной основе в процессе более трехсотлетнего развития имманентно присущи собственные особые антагонизмы и аномалии. И, несмотря на «саморефлексивность в развитии политэкономии» [9, с. 6], в последние десятилетия все больше публикуется результатов фундаментальных научных исследований, в которых морально добросовестные ученые Запада делают попытку дать политэкономическую оценку реального состояния дел, имеющего место в странах развитого государственно-корпоративного капитализма (в частности США).

Для примера достаточно обратить внимание на содержательный смысл названий отдельных параграфов монографии Майкла Паренти «Демократия для избранных»:

«Богатство и бедность в Соединенных Штатах Америки»; «Капитал и труд»; «Накопление и экспансия»; «Нужда и лишения трудящихся в Америке»; «Человеческая цена экономической несправедливости»; «Культура плутократии - учреждения и идеология»; «Правление корпоративной плутократии»; «Рост корпоративного государства»; «Закон на службе бизнеса»; «Благодеяние для богатых»; «Налоги – помощь богатым»; «Экономический империализм»; «Бедные получают все меньше и меньше»; «Правительство для грабителей»; «Трудящиеся в осаде»; «Профсоюзы и цели их борьбы»; «Глобализация. Всемирная торговая организация и конец демократии»; «Идеологическая монополия»; «Политэкономия бюрократии»; «Государственная власть в частных руках».

В целом эта научная работа, которая с момента опубликования выдержала семь изданий, посвящена вопросам объяснения причин, почему реальная демократия не совместна с современным капитализмом. Здесь автор, значительное внимание уделяет выяснению угроз общественной стабильности, которые возникают вследствие постоянного нарушения как базовых прав и свобод большинства населения, так и подрыва основы рыночной эквивалентности во взаимоотношениях труда и капитала, усиления новейших проявлений эксплуатации и отчуждения результатов высококвалифицированного труда [16, с. 5-8].

К аналогичным работам можно отнести также и научные труды таких современных авторов как Эрнандо де Сото, Луиджи Зингалеса и Рагхурама Раджана [17, 18] и др.

В Украине же (как и в других республиках бывшего СССР ставших независимыми государствами), в результате «рыночных трансформаций», а по сути реставрации системы капиталистических производственно-экономических и социально-политических отношений, сформировался уникальный феномен, не имеющий исторических аналогов, а именно, симбиоз «кланово-мафиозного» и «корпоративно-кланового капитализм». Этот феномен требует глубокого политэкономического исследования. [19, с. 34-44] Его негативные, аномальные и патологические стороны усиливаются теми гипертрофированными отношениями, которые были унаследованы от «развитого социалистического общества», где господствовал класс «номенклатурно-партийной бюрократии».

В «геном» нового, отреставрированного на основе капиталистических производственных отношений, общества также были включены наиболее пагубные проявления отношений, которые были имманентно присущи номенклатурной бюрократии. К ним можно отнести отношения «протекционизма», «родства», «кумовства», «блата», «землячества» и прочие. Будучи включенными в новую систему общественных отношений, эти, анти социальные отношения, не только разрушают принцип «равенства возможностей для всех членов социума», но и подрывают основы социальной мобильности, уничтожая так называемые «социальные лифты».

Учитывая сказанное, вполне логически возникает вопрос - как в таких, мягко говоря, неблагоприятных условиях может сформироваться: «Свободная индивидуальность, основывающаяся на универсальном развитии индивидов, – это в нашем понимании и есть теоретическая матрица, на основе которой реализуется системная специфика разворачивающейся пост капиталистической эпохи». [4, с. 9].

Приведенная цитата А. Гальчинского, лично мне очень напоминает лозунг о формировании «всесторонне и гармонично развитой личности», в обществе где все делается «во имя человека и для блага человека». Но ведь все это уже исторически пыталось быть реализованным в СССР, когда осуществлялась задача выполнения «программы построения коммунистического» (или, что есть по сути тем же самым, «пост капиталистического») общества. Эту программу провозгласила КПСС, «партия трудящихся», а по сути, структурная организация «номенклатурной бюрократии», которая была стерта с политической арены. А то чем закончилось, попытка социалистического строительства после победы, так

называемой пролетарской революции в октябре 1917 г., теперь ни для кого не является секретом.

Спрашивается, каким же образом новая «субъективистская» парадигма политической экономии, по мнению А. Гальчинского, способна к практической реализации в отечественных условиях, т.е. после проведения вышеназванных трансформаций. Спрашивается, каким образом в недрах этого, аномально воссозданной общественно-экономической системы может возникнуть «пост капиталистическое» общество, в условиях которого будет доминировать «вектор растущей индивидуализации» и где будут так «свободно дышать», т.е. «универсально развиваться индивиды»?

Лично для меня субъективная основа этой авторской позиции не является загадкой, поскольку в данном случае речь идет всего лишь о примере социальной демагогии и заказного идеологического мифотворчества в политэкономической науке.

Необходимо осознать, для того, чтобы общество не перешло опасную «меру», т.е. не достигло критической «точки кипения», «революционной ситуации», не распалось, не погрязло в хаосе войн и «гражданского беспредела», а продолжало эффективно функционировать, как целостная ассоциация людей, перед политической экономией стоит ряд сложных проблем требующих своего объяснения и практически-прикладного решения.

Политэкономия должна не гипотетически, а реально отместить все проявления вульгарного апологетического, идеологически заданного мифотворчества и начать разработку действенных социально-экономических механизмов предупреждения и недопущение революционной, разрушительной, антагонистической дезинтеграции общества. При этом она должна опираться не только лишь на собственные знания и новые открытия, а, учитывая универсальный характер науки, вести постоянное сотрудничество с другими общественными науками. Это тем более важно, поскольку сегодня в мировых и отечественных масштабах, спокойное поступательное развитие общества разрушает сложная система противоречий и конфликтов, которая обострилась, прежде всего, в таких сферах как: 1) социально-экономические и социально-классовые отношения; 2) межэтнические и межнациональные отношения; 3) межрелигиозные и межконфессиональные отношения; 4) нравственно-этические и аморально-патологические отношения.

Основой выполнения политэкономией, важнейшего социального заказа по обеспечению научно-фундаментального сопровождения поступательного экономического развития и социальной стабильности общества должна стать ее стратегическая нацеленность на неразрывную связь теории и практики,

которая, как это не странно звучит для «неометафизиков», по прежнему остается «критерием истины».

Политэкономии необходимо перестать «выдавать рецепты», аналогичные мечтаниям «социалистов-утопистов». Следует также отказаться от навязывания обществу наукообразных концепций «экономической маниловщины», предлагающих для строительства «прекрасного далеко», или «пост капиталистического будущего», прожекты по принципу «потенциальной реальности» и «реальности отсутствующего». В то же время, необходимо всесторонне и объективно исследовать опыт провала построения на земле «самого справедливого общества трудящихся», чтобы вновь не пришлось реставрировать «пост капиталистическое» общество в капиталистическое.

Реальной основой в определении первоочередных задач для политэкономов должен стать поиск новых форм и механизмов достижения общественного консенсуса на началах оптимального согласования, прежде всего, социально-классовых интересов, а также создания реального механизма «укрощения» агрессивно-разрушительных кланово-мафиозных и кланово-корпоративных интересов реальных «хозяев жизни». Это особенно важно, поскольку наиболее разрушительное влияние на реализацию общественных интересов имеют специфические «особые интересы». Это интересы, реализуются многочисленными преступными группами. Они действуют в таких организационных формах, как шайки, банды, мафиозные кланы, корпорации коррупционеров и казнокрадов и др.

Негативное влияние преступного группового интереса особенно возрастает в случае его сращивания, или проникновения в органы государственной власти (в т.ч. силовые и правоохранительные структуры), а также в общественные и политические организации. Это направление исследований является для политической экономии очень актуальными. Ведь в число задач, решаемых политэкономической наукой входит не только те, что направлены на содействие активизации стимуляторов общественного развития, но также и выявление, оценка природы, степени социально-экономической опасности широкой палитры социально-экономических дестимуляторов, а также разработка эффективных механизмов их социально-экономической «аннигиляции».

Именно политической экономии следует разобраться, почему переход к «свободным рыночным отношениям», которые («как мирный атом» после Чернобыля, вошли в каждый дом и каждую семью), превратили значительную часть общества в тотально «продажную ассоциацию», когда на торги идет все: «должности», «почести», «награды», «честь», «совесть», «кровь»,

«человеческое тело и его органы», «жизнь», «государственные тайны» «интересы государства и общества» и др.

В своих исследованиях политической экономии необходимо вернуться к рассмотрению изменений происшедших в современных условиях в социально-классовой структуре общества. Это следует сделать с учетом качественных особенностей современного изменения системы мотиваций и интересов, а также новых межклассовых и внутри классовых (между внутриклассовыми стратами) противоречий (например, между олигархами и представителями других внутренних страт собственников капитала). Сказанное касается не только взаимодействия между такими традиционными классами как «класс собственников капитала» и «класс представителей наемного труда». В системе классово-экономических отношений важно также выяснить особенности системной реализации интересов таких общественных классов, как: «класс работающих (самозанятых) собственников»; «класс высшей государственной бюрократии»; «класс легитимных социальных иждивенцев»; «класс профессиональных экономических игроков» и др.

Отдельного научного изучения заслуживает так называемый «андеркласс», особая социальная группа населения, которая ведет антиобщественный образа жизни, существует на криминальные источники присвоения жизненных благ. Сюда можно отнести коррупционеров и казнокрадов, а также лиц, использующих чужую (в том числе государственную) собственность с целью личной наживы и обогащения

Необходимо, заняться исследованием завершающей фазы системы общественного воспроизводства - конечным потреблением, качеством жизни. Здесь вопиющим проявлением социально-экономического неравенства является масштабная поляризация населения по уровню как имущественного ценза. так и величине доходов расходуемых на конечное потребление. Представляет значительную опасность, относительно сохранения политической стабильности в обществе, ничем не оправданное, аномальное социально-экономическое расслоение населения на бедных (нищих) и богатых (роскошествующих). При этом, следует также сделать акцент на доведение до общества того, что как сверхнизкое (недопотребление), так и сверхвысокое потребление (т.е. роскошь) влияют на человеческую личность так же отрицательно, как и бедность (нищета), разрушают ее моральные качества, искажают жизненные ориентиры, фетишизируют стремление к «престижному», «эталонному», «неразумному», «расточительному», «безмерному» потреблению.

Необходимо, наконец, разобраться и с той негативной ролью, которую играет «фиктивный» капитал в провоцировании перманентных мировых финансовых кризисов. Также, следует обратить внимание на такие феномены

его функционального порождения как «фиктивная прибыль», «фиктивный доход», «фиктивный валовой внутренний продукт», «мультипликатор кредитно-долгового трансферта» и пр.

Можно назвать еще не один десяток важнейших направлений исследований, которые ждут профессиональных и морально честных политэкономов и, в которых действительно нуждается общественная жизнь, как «конечный критерий оценки» научно добытой истины. Однако эти проблемы являются тематикой отдельного разговора.

* * *

(*) Экономическая истина – не зависящее от воли и желаний исследователя, адекватное отображение и воспроизведение совокупности экономических отношений, явлений и процессов, определенной экономической системы в целом в объективных по смыслу теориях (что включают их основные элементы: учение, идеи, законы, категории, понятие, отдельные определения, выводы, хозяйственные предложения, результаты экспериментов и т.п.).

(**) 2. Экономическая идеология – составная часть общественной идеологии, содержание которой состоит в систематизированном выражении совокупности взглядов и идейных установок, которые существуют в обществе на организацию экономической жизни и характер реализации социально-экономической справедливости в производстве, распределении и конечном потреблении жизненных благ между общественными слоями и классами. Ядром экономической идеологии является господствующая совокупностью идей и взглядов доминирующего общественного сообщества, прежде всего господствующего общественного класса, которые объективно отражают его экономические побудительные мотивы (интересы) и оценивает роль и место, которое он занимает в экономике, а также жизни государства и общества в целом.

Список использованной литературы

1. К. Маркс. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала. - М. Политиздат, 1978.
2. Долан Э., Линдсей Д. Микроэкономика. - Спб., 1994.
3. Мандыбура В. Идеологическая и объективная составляющая экономической «теории человеческого капитала» // Экономическая теория. - № 1. - 2009.
4. Введение в теорию и методологию системы оптимального функционирования социалистической экономики. Под ред .Н Федоренко, Ю. Овсиенко, Н. Петракова. – М.: Наука, 1983.
5. Chronicle of Higher Education. October 3. 2010.
6. New York Times. October 7. 2010.

7. G.F. De Martino. The Economist's Oath (On the Need and Content of Professional Economic Ethics. - N.Y.: Oxford University Press. 2010.
8. Маршалл А. Принципы политической экономии: В 3-х т. – Т. 1. – М., 1983.
9. Гальчинський С. Начала новой парадигмы политической экономии, постановка проблемы // Экономическая теория. - № 2. - 2012.
10. Тарасевич В.. Политическая экономия: имя собственное, широкий смысл и предметный простор // Экономическая теория. – 2012. - № 1.
11. Гальчинський А. Економічна методологія. Логіка оновлення: Курс лекцій – К. 2010.
12. Базилевич В., Ільїн В. Метафізика економіки. - К., 2007.
13. Абалкин Л. Не использованный шанс: Полтора года в правительстве. – М : Политиздат, 1991.
14. Абалкин Л. «Экономическая теория на пути к новой парадигме» // Вопросы экономики. - № 1. - 1993;
15. Тарасевич В. Еволюція економічної теорії та сучасне парадигмальне зрушення. «Економіка України» - № 12. - 1996.
16. Паренти М. Демократия для избранных. Настольная книга о политических играх США // Пер. с 7-го англ. изд. В. Горбатко. - М.: «Поколение», 2006.
18. Сото Э. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире / Пер. с англ. - М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004.
19. Зингалес Л., Раджан Р. Спасение капитализма от капиталистов: Скрытые силы финансовых рынков - создание богатства и расширение возможностей / Пер. с англ. - М.: Институт комплексных стратегических исследований; ТЕИС, 2004.
19. Мандибура В. «Тіньова» економіка України та напрями законодавчої стратегії її обмеження. – К.: Парламентське в-во, 1998.

В. Н. ТАРАСЕВИЧ,
*доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой политической экономии,
Национальная металлургическая академия Украины*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: УНИВЕРСУМНОСТЬ, УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ И ФУНДАМЕНТАЛЬНОСТЬ

Поскольку человеку присущ вполне определенный уном, как контражность генома и мемона, и этот уном соразмерен и рекуррентен жизненному пути человека, постольку и в творениях человеческих уном концентрируется, воспроизводится и выражается. Величайшим творением человека является *политическая экономия*. В свете ее 400-летней истории уместно и целесообразно обратить внимание на ее **субстанциональность** – не только как первоосновность, изначальность, исходность, источниковость, подлежащность, но и *первичность, непосредственность*. *Политическая экономия*, как и другие *великие науки* (их немного, например, математика, физика, космология), является *первичной, перворожденной непосредственно* из ненауки, вненаучного знания и вненаучных практик. Таким образом понимаемая *объективно заданная* сущность субстанциональности детерминирует свое собственное *содержание*. Главное в нем – контражность *взаимодействующих универсумности, универсальности и фундаментальности* (см. рис. 1). Именно эти *атрибуты* образуют ядро унома *политической экономии* и *определяют ее судьбу*.

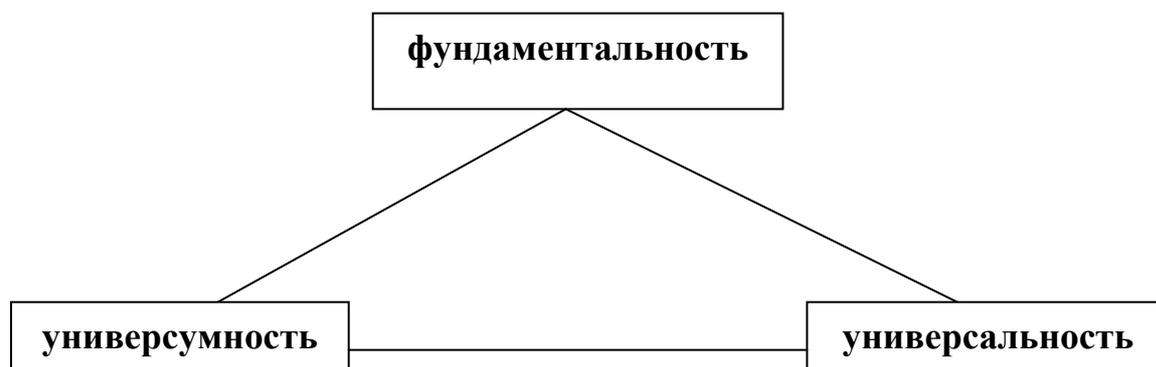
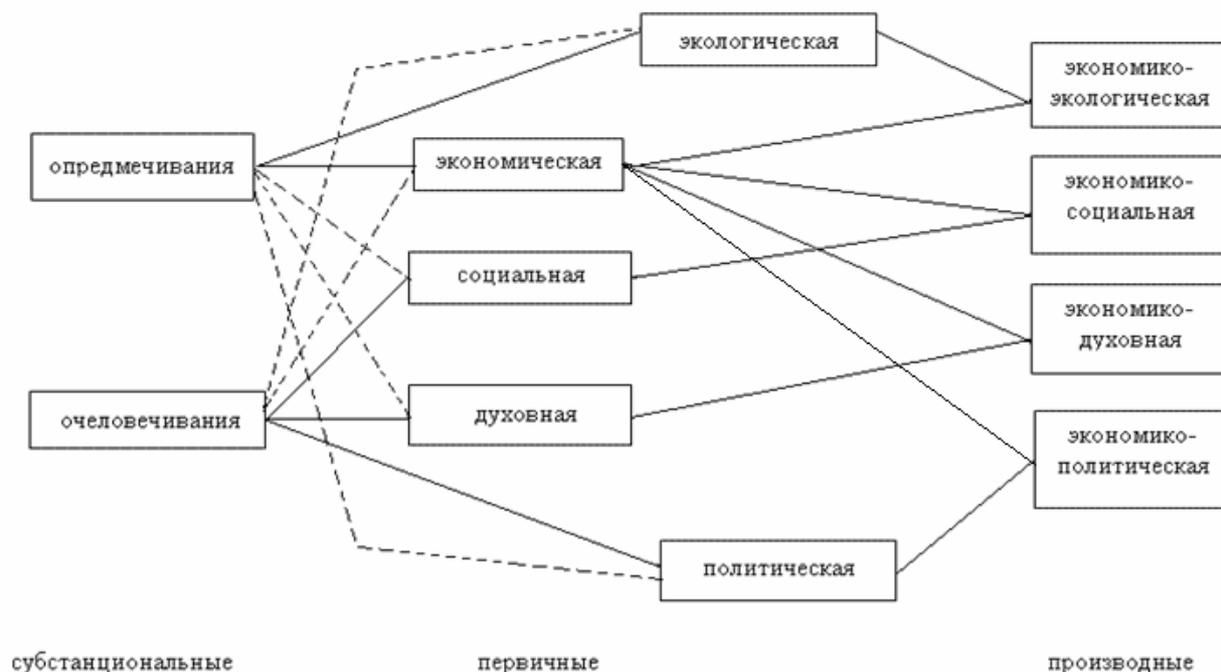

Рис. 1. Базовые атрибуты политической экономии

Універсум в термінах постнекласическої науки – сверхсложная человекоразмерная система, включающая вполне определенные субстанциональные (опредмечивания и очеловечивания), первичные (природно-экологическая, экономическая, социальная, духовная и политическая) и производные (экономико-политическая, экономико-социальная, экономико-социально-политическая и др.) сферы (см. рис. 2). *Универсумность* политической экономии характеризуется следующими взаимосвязанными ипостасями (субатрибутами):

универсумные сферы

Рис. 2. Универсум как сверхсложная человекоразмерная система

1. *Онтологические:*

1.1. Материализованность, укорененность в изначальной тотальной синкретичности универсума. В этой *тотальности* политическая экономия материализована в зародышевом реальном *наноуниверсуме*, как своей *материальной первооснове*.

1.2. Вместе с развитием и дифференциацией универсума, выделением его обозначенных сфер, *дифференцируется и наноуниверсум*. Его *ядро* закрепляется в *экономической* сфере. Материальной основой политической экономии становится *экономический универсум*, Его *родовые связи с иными сферами не порываются*, а укрепляются в меру укрепления и развития таковых между всеми сферами универсума.

1.3. Вместе с *дифференциацией самой экономической сферы* (на рисунке 3 представлен лишь уровневый аспект, «срез» дифференциации) обогащается и экономический универсум. Имея ввиду указанный уровневый аспект, в *эконуниверсуме выделяются соответствующие уровни*: нано-, микро-, мезо-, макро-, мега.

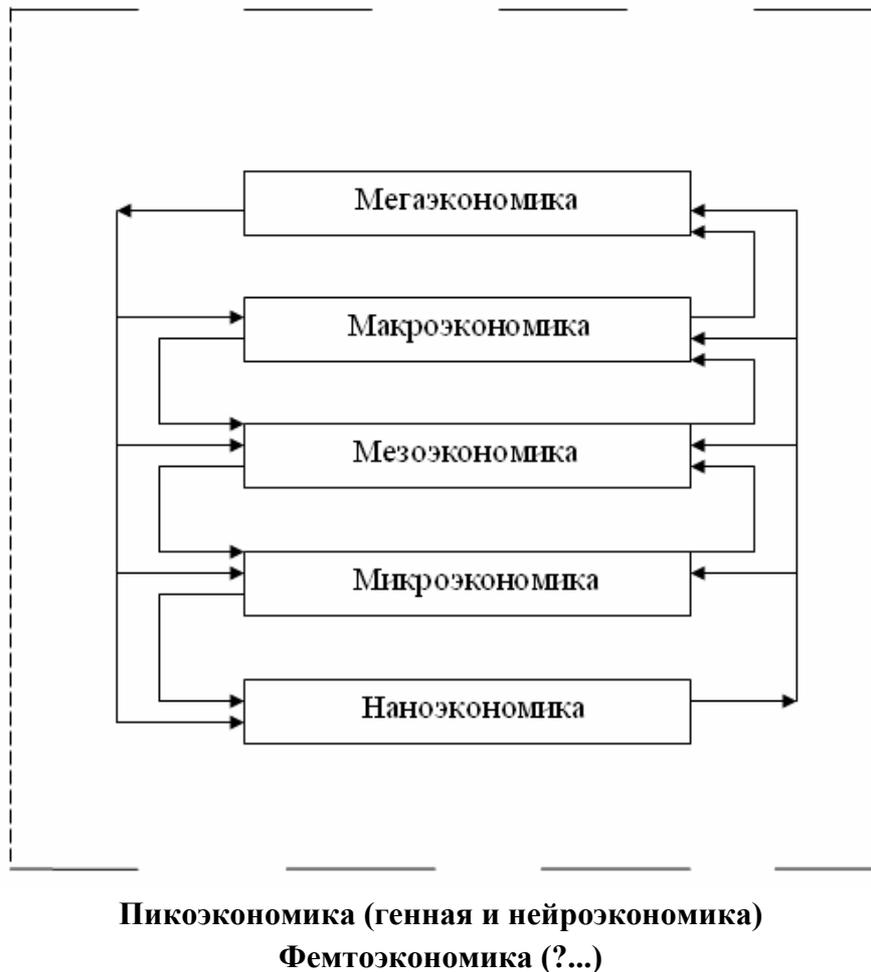

Рис. 3. Уровни экономики как сложной человекоразмерной системы

1.4. Универсум и эконуниверсум детерминируют *границы предметного пространства* политической экономии (политэкономической картины мира) реальной *проблематикой человеческого богатства* в широком смысле, в единстве синкретичной, стоимостной, полезностной, социальной и синтетической ипостасей (см. рис. 4).

2. Гносеологические:

2.1. Изначальной синкретичности универсума отвечает не менее *синкретичный дух* человека, синкретичное *постижение* человеком универсума и синкретичное знание – *любомудрие - философия*, как его (постижения) результат. Политическая экономия находится здесь в *зародышевом* состоянии в виде *нанопостижения и нанознания* (наряду с подобными модусами иных

первичных наук). Именно из этой освященной нравственностью и моралью материнской гавани на заре Нового времени политическая экономия решается на самостоятельное, но отнюдь не автономное, плавание. Она не порывает материнские узы экологичности, социальности, духовности, политичности, а питается ими и поныне. Именно эта подпитка обеспечивает ее вездесущность, в том числе на всех уровнях экономической сферы универсума, нацеленность на сущность и причины сущего, их человеческое, общественное измерение.

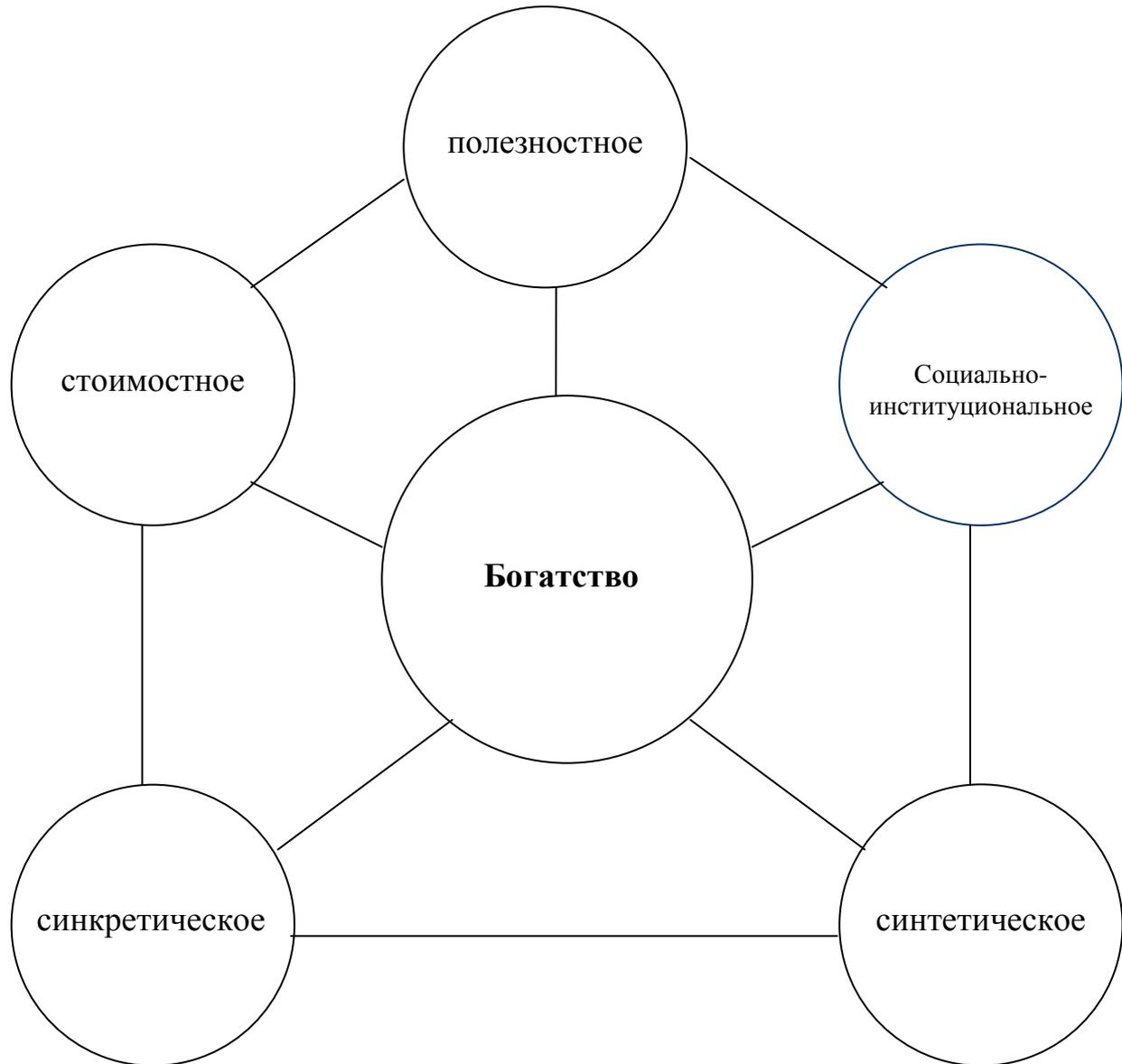

Рис. 4. Границы предметного пространства политической экономии

2.2. Вместе с развитием универсума, по мере выделения и обособления в человеческом духе сознательной, подсознательной и бессознательной составляющих (см рис. 5), а в самом сознательном – невербально-генетической, чувственно-эмоциональной и вербально-теоретической ипостасей, духовный зародыш политической экономии вбирает живительные

соки всех этих составляющих. Таким образом, новорожденная наука политическая экономия является вербально-теоретическим организмом, но таким вербально-теоретическим, которое не только не оборвало свои связи с иными составляющими духа, но умножает и развивает их.

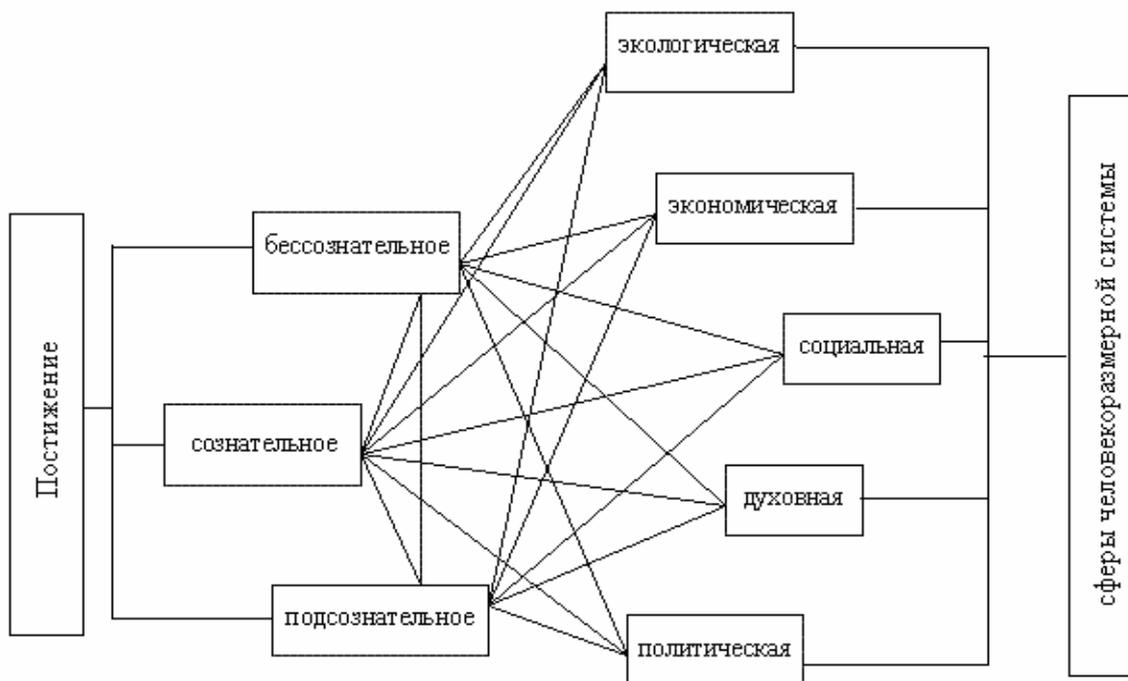

Рис. 5. Постижение и познание объекта

Итак, *политэкономическое ядро – вербально-теоретическое познание эконуниверсума* - существует и может развиваться опережающими темпами только в контексте *постижения универсума*.

3. Аксиологические:

3.1. Исторически политическая экономия выделяется из *моральной, нравственной философии*, а потому содержит в себе, в своем геноме *гены морали и нравственности*. Потому она определяет этос науки и стандарты научности.

4. Праксеологические:

4.1 Универсум и его постижение потому и коэволюционируют и соразвиваются, что существует и прогрессирует *человеческая деятельность*. Она сама является неотъемлемой частью универсума и постижения, а потому не может не быть альфой и омегой политической экономии. Именно политическая экономия впервые направляет *вербально-теоретический прожектор на экономическую деятельность и отношения ее акторов*. Но и первая, и последние пребывают в темпоральном пространстве деятельности универсумной, и *политическая экономия в соответствии с данным ей от*

зачаття и рождення универсумным характером, обречена извечно пребывать в этом пространстве.

Универсальность понимается здесь как *всеобщность, вездесущность*. Обратим внимание лишь на *три аспекта* универсального *политэкономического империализма*.

1. *Этос науки*. Признавая значимость обоснованных отечественными философами и учеными ключевых инвариантов-признаков науки: а) установка на исследование *законов преобразования объектов* и реализующая эту установку *предметность и объективность* научного знания; б) выход науки за рамки предметных структур производства и обыденного опыта и *изучение* ею *объектов относительно независимо от сегодняшних возможностей их производственного освоения*¹, - следует констатировать, что *политическая экономия является их пионером* и «промоутером» среди экономических наук.

Конкретизация содержания обозначенного «жесткого ядра» научности *по известным элементам научной деятельности* (субъект, объект, средства, процесс, условия, результаты и др.) позволяет получить *систему ее признаков (более «сильных» и более «слабых»)*, как *особого* и относительно обособленного *вида постижения* реальности, отличающих ее от других видов постижения, а именно:

- 1) четкое разграничение *объекта и субъекта* познания;
- 2) поиск и определение *объективных законов* движения *объекта* и на этой основе *предвидение* возможного *будущего состояния* объекта и его *изменений*;
- 3) изучение объектов *безотносительно* к их *сиюминутной* актуальности и практической значимости. Указанные объекты могут стать предметом массового практического освоения в *неопределенном будущем*;
- 4) специальная подготовка *субъекта* познания, освоение им элементов и операций научной деятельности, а также ее *этоса* (особых ценностных ориентаций и этических принципов);
- 5) особый язык, специальная *аппаратура, техника и технология* как особые *средства* научного познания;
- 6) ключевой *продукт* (результат) научной деятельности – *сущностное, новое и истинное знание*;
- 7) формирование *знания о методах* научной деятельности, а в более широком плане – *методологии* научного познания.

2. *Методология науки* (см. рис. б). Разумеется, политическая экономия использует сама и продвигает в иные науки, прежде всего, *научные методы*.

¹ См.: Степин В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. - М., 1999. - С. 34. – Режим доступа: www.philosophy.ru/library/stepin/.

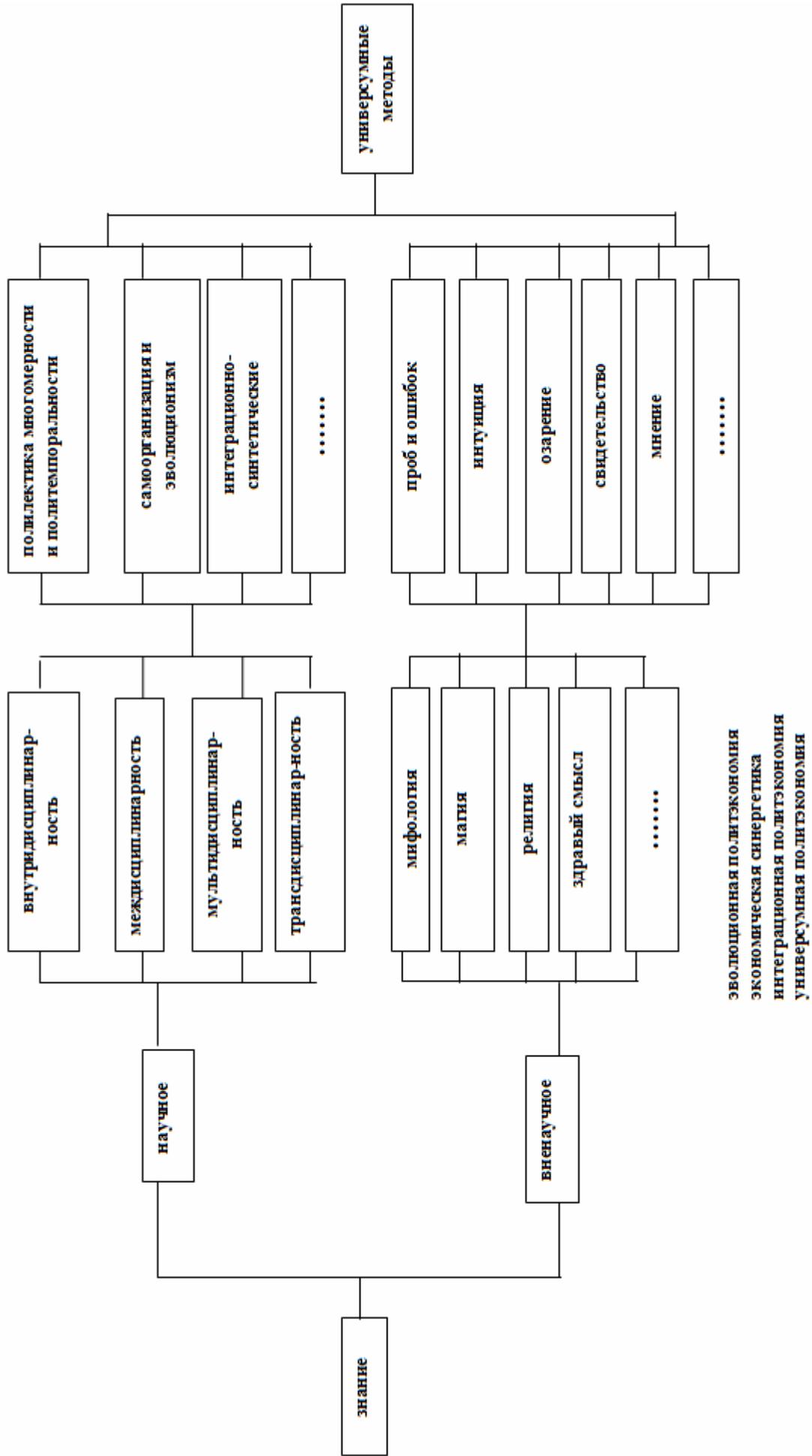

Рис. 6. К методологии познания и постижения

Наряду с углубляющейся внутридисциплинарностью принципиально злободневны и важны меж-, мульти- и трансдисциплинарность, без которых невозможно противостоять прогрессирующей дифференциации научного экономического знания. Политэкономы остаются верны хорошо проверенным в деле и посрамляющим даже термоядерные силы методам диалектики, абстрагирования, единства исторического и логического и др. Однако она не порывает и с вненаучными практиками, критически вглядываясь в них и пытаясь обогатить их элементами свой методологический багаж. С учетом же постнеклассичности современной науки, политическая экономия призвана одной из первых осваивать методы интеграционно-синтетические, самоорганизации и эволюционизма, полилектики и др.

3. *Саморефлексия.* В полном соответствии со стандартами универсумности политическая экономия весьма требовательна, прежде всего, к себе самой. Убедительное свидетельство тому – тщательная *саморефлексия* (см. рис. 7). Ее первый, преимущественно эмпирико-описательный этап,

Экономическая история

История экономических учений

Методология политэкономии

Наука о политэкономии

Философия политэкономии

Универсумное самопостижение

Рис. 7. Формы саморефлексии политической экономии

представленный *историей экономических учений* и *экономической историей*, освоен политэкономами весьма основательно. Дав этим наукам самостоятельную жизнь, через и посредством них политическая экономия пытается взирать на себя отстраненно и беспристрастно, но не хладнокровно и не равнодушно. Сие помогает ей пестовать в своем лоне *методологию* политической экономии, *науку* о самой себе и *философию* самой себя. К настоящему времени методология политической экономии наиболее продвинута в «околополитэкономическое» универсумное пространство и уже не воспринимается иначе как экономическая методология, претендующая на общенаучно-экономический статус. Наука о политической экономии делает

первые шаги, философия политической экономии – маячит на исследовательском горизонте, но только в ней, равно как и в универсумном самопостижении, политическая экономия сможет реализовать потенциал, заданный ей исходной синкретичностью, и развернуть его в соответствии с вызовами нового витка исторической спирали.

Фундаментальность. Именно в этом атрибуте два первых (универсумность и универсальность) обретают вполне конкретную, особую качественную определенность. Речь идет о столь же универсумной, сколь и универсальной нацеленности на а) поиск нового истинного знания ради него самого; б) обнаружение оснований всего сущего; в) создание целостной научной системы или картины мира. Только благодаря тому, что эти императивы в той или иной степени, в тех или иных формах присущи всем детям и внукам политической экономии, они в состоянии адекватно воспринимать ее как свой г) надежный фундамент и д) основание экспертной оценки прикладных результатов знания (см. рис. 8).

Поиск нового знания ради него самого

Обнаружение оснований всего сущего

Создание целостной научной системы (картины мира)

**Фундамент для конкретных экономических наук и
разработки приложений**

**Основа экспертной оценки прикладных
результатов знания**

Рис. 8. Атрибуты фундаментальности политической экономии

Квинтэссенция взаимодействия трех атрибутов субстанциональности: **политическая экономия – философия экономических наук.**

Если в нижеследующей цитате Вильгельма Виндельбанда о философии изменить слово «философия» на «политическая экономия» (ПЭ), получим достаточно точную формулировку места и роли политической экономии в системе экономических наук: «Итак, будучи сначала вообще единой неразделенной наукой, ПЭ, при дифференцированном состоянии отдельных наук, становится отчасти *органом*, соединяющим результаты деятельности всех остальных наук в одно общее познание, отчасти *проводником*

нравственной или религиозной жизни, наконец, *центральным нервным органом*, в котором должен доходить до сознания жизненный процесс всех других органов. Составляя первоначально саму науку и всю науку, ПЭ есть позднее либо *резюме всех отдельных наук*, либо *учение о том, на что нужна наука*, либо, наконец, *теория самой науки*.

Смысл, влагаемый в название ПЭ, всегда характерен для положения, которое занимает научное познание в ряду культурных благ, ценимых данной эпохой. Считают ли его абсолютным благом или только средством к высшим целям, доверяют ли ему изыскание последних жизненных основ вещей или нет – *все это выражается в том смысле, который соединяется со словом «ПЭ»*. ПЭ каждой эпохи есть *мерило той ценности*, которую данная эпоха приписывает науке: именно потому ПЭ является наукой, чем-то выходящим за пределы науки, и когда она считается наукой, она то охватывает весь мир, то есть *исследование о сущности самого научного познания*.

Поэтому, сколь разнообразно положение, занимаемое наукой в общей связи культурной жизни, столь же много формы значений имеет и ПЭ, и отсюда понятно, почему из истории нельзя было вывести какого-либо единого понятия ПЭ» (выделено мною. – В.Т.)².

Итак, судьба политической экономии predeterminedена ее субстанциональностью, но не фаталистична, она хорошо известна, но далеко еще не постигнута. Ясно одно, – эта судьба неотделима от судеб многих и многих тех, кто служит ей по призванию, честно и бескорыстно.

---

² Виндельбанд В. Прелюдии. Философские статьи и речи / В. Виндельбанд. – СПб., 1904. – С. 16-17.

АВТОРИТЕТНІ ВІДПОВІДІ НА АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ

до ювілейного випуску журналу «Політична економія»,
присвяченого 400-річчю політичної економії

1. Як Ви оцінюєте історичний шлях політичної економії? Які його уроки?
2. Охарактеризуйте, будь ласка, роль та місце сучасної політичної економії в системі економічних наук, у людському знанні та світогляді.
3. Які, на Вашу думку, найбільш значущі сучасні виклики політекономічній науці? В якій мірі рівень її розвитку відповідає зазначеним викликам?
4. Яка предметна та методологічна проблематика, на Ваш погляд, є найбільш актуальною? Що залишається поза увагою політекономів? Чому?
5. Як Ви оцінюєте стан наукового та освітнього потенціалу політекономічної спільноти? Чи має вона достатні можливості для забезпечення подальшого розвитку політичної економії, її викладання та популяризації?
6. Що очікує політичну економію в майбутньому?

В.Д. БАЗИЛЕВИЧ,
член-кореспондент НАН України,
доктор економічних наук, професор,
декан економічного факультету
Київського національного університету
імені Тараса Шевченка

Відповідь на питання №1. Політична економія у своїй генезі, утвердженні та подальшому довготривалому розвитку пройшла складний історичному шлях, часом не позбавлений внутрішньої суперечливості та навіть драматизму. Йдеться про шлях пошуку, набуття нею, послідовного всебічного розгортання та науково-практичної реалізації власного сутнісного змістовного наповнення, покликання та призначення.

«Політична економія» як поняття виникло набагато раніше (на рубежі XVI-XVII ст.) ніж власне політична економія сформувалась як нова наукова

галузь (друга половина XVII – XVIII ст.) і для неї утвердилась ця однойменна (само)назва (початок XIX ст.). Словосполучення «політична економія» вперше зустрічається у французькій меркантилістській літературі. Зважаючи на те величезне значення, яке у ній надавалося зв'язку між державою та економікою, воно, як відомо, було винесено у назву праці А. Монкретьєна «Трактат політичної економії» (1615). Пізніше це поняття почало набувати виразнішого, а згодом домінуючого економічного звучання та наповнення. Політична економія стала використовуватись для позначення економічного організму (Р. Кантільон, 1755), згодом – науки про економічну організацію суспільства (фізіократія – Ф. Кене), природу багатства, його відтворення, розподіл та використання (А. Сміт). З початку XIX ст. термін «політична економія» починає утверджуватися в працях наступників і послідовників А. Сміта в якості опредмеченої сутності нової економічної науки і виноситись у назви фундаментальних економічних праць: Дж. Стюарт (1767), Д. Рікардо (1817), Т. Мальтус (1820), Дж.С. Мілль (1848), К. Маркс (1859; 1867).

Упродовж XIX ст. *політична економія* утвердилась як синонім *економічної теорії (науки)*. Внаслідок цього навіть у 1870-90-х рр., в період маржинальної революції, яка стала прологом нової, альтернативної класичній, наукової парадигми – неокласики, термін «політична економія» продовжує використовуватись у назвах засадничих праць засновників маржиналізму – К. Менгера (1871), Л. Вальраса (1874), В. Парето (1897; 1900) та ін. Проте інертність у збереженні попередньої назви економічної науки лише маскувала початок диференціації її нових смислів. Рубіж XIX-XX ст., як час утвердження неокласики у варіанті, запропонованому Кембриджською школою (А. Маршалл), стає початком все більш активної дивергенції і назв, і смислів таких понять, як «політична економія» та «економічна наука». Їх синонімічне вживання на тривалий період, до початку 1990-х рр., зберігалось переважно в межах *марксистської наукової традиції*, зокрема радянської політичної економії.

Натомість у Західній економічній науці термін «політична економія» з 1960-х рр. відновлюється у двох нових незалежних дослідних програмах. По-перше, у розробках так званої *радикальної політичної економії* – гетеродоксальної течії, особливість якої полягає в критичному неомарксистському аналізі сучасної ринкової економіки та системних вад ринкової влади (П. Суїзі, Г. Шерман, Е. Хант). По-друге, паралельно з цим відбувається становлення *нової політичної економії* – галузі міждисциплінарних досліджень взаємодії політичної та економічної сфер суспільного розвитку, здійснюваних на методологічній основі теорії суспільного вибору (Дж. Б'юкенен, Г. Таллок, М. Олсон). Свій інтенсивний

розвиток та наукове визнання нова політична економія отримує на рубежі XX-XXI ст., чим обумовлено її включення як однойменної дисципліни у програми провідних університетів світу.

Отже, підсумовуючи тривалий історичний шлях «політичної економії», можна зробити висновок, що за час, що минув, її, так би мовити, науковий образ істотно змінився. Змінилися і методологічні фільтри його сприйняття розгалуженою та гетерогенно сегментованою науковою спільнотою. Осмислення на ґрунті сучасної філософії науки провідних закономірностей розвитку політичної економії як глобального історичного процесу дозволяє дійти висновку про наївність та безперспективність пошуку в сучасних умовах єдиного, моністичного трактування її сутності, змісту та об'єкт-предметної визначеності.

Уроки історії науки свідчать, що лише здатність дослідників прокладати свій курс між Сциллою обережного та разом з тим недогматичного використання наукового спадку видатних попередників і Харибдою наукових новацій є запорукою плідного розвитку політичної економії науки сучасності.

Відповідь на питання №2. Важливо усвідомлювати, що політична економія сформувалась як перша історична форма розвитку наукового економіко-теоретичного знання. Як перша наукова парадигма утвердилась *класична політична економія* (XVII–XIX ст.), цілком природно увібравши у себе домінуючі цивілізаційні ознаки науки Нового часу. Визначальними рисами властивого їй класичного типу наукової раціональності стали есенціалізм, об'єктність, фундаменталізм і субстанціональність, доказовість та прагнення безпосередньої емпіричної перевірюваності наукового знання. Наукова аналітичність політичної економії підтримувалась та реалізувалась низкою провідних загальнонаукових методів, вперше розгорнутих у площині встановлення стійких причинно-наслідкових зв'язків соціально-економічного буття суспільства, його життєдіяльності та розвитку.

Теоретичною заслугою політичної економії стало те, що вона поступово набувала виразної глибини та вагомості суспільної науки. Так, у працях пізнього класика Дж.С. Мілля, підкреслювалась моральна і соціальна природа політичної економії, а у творах К. Маркса було особливо акцентовано значимість дослідження соціально-економічних (виробничих) відносин між людьми у базових сферах суспільного відтворення, виявлення їх внутрішньої суперечливості та історично-перехідного характеру.

Праці учених-економістів XIX-XX ст. підняли політичну економію на рівень *світоглядної та загальнометодологічної основи* для низки традиційних та новостворених галузевих економічних дисциплін.

Проте зважений історико-методологічний аналіз доводить, що в умовах постмодерну ХХІ ст. політична економія неодмінно набуватиме якісно нових онтологічних, гносеологічних та методологічних рис, властивих постнекласичному типу наукової раціональності. Зокрема, таких як нелінійність, системність, антропоцентризм, методологічний плюралізм, орієнтація на посилення соціально-гуманістичних ціннісних підвалин дослідження тощо.

Відповідь на питання №3. Поглянемо на розвиток світової економіки початку ХХІ ст. з онтологічної точки зору – як на об'єкт сучасних політекономічних досліджень. На наше глибоке переконання, цей розвиток ознаменований потужним впливом комплексу якісно нових чинників, до найвагоміших з яких можна віднести наступні: надзвичайна динамізація економічних процесів; становлення нового гео економічного простору; ускладнююче переплетення множини екзогенних та ендогенних детермінант глобалізованої економіки; посилення глибини та непередбачуваності глобальних економічних та соціальних потрясінь; реалізація на цьому тлі фундаментальних соціально-економічних трансформацій тощо.

Без жодного перебільшення можна констатувати, що значені чинники стали викликом вітчизняній та світовій економічній науці, яка не встигає за сучасним високодинамічним розвитком в осмисленні новітніх процесів та явищ в системі усталених категорій та понять. Кризові явища та потрясіння, що відбуваються за життя одного покоління, виявили суперечливість, неповноту і неадекватність базових економічних концепцій та моделей. На цьому тлі загострюється потреба в теоретичному осмисленні нових реалій, ревізії та модернізації традиційного методологічного і понятійного апарату політичної економії. Наприклад, глобальна фінансово-економічна криза початку ХХІ ст. наочно продемонструвала зростаючу світ-системну єдність, виявила недостатність наших знань щодо циклів еволюційного структурування світової господарської системи.

Відсутність у науковому дискурсі згоди щодо концептуалізації змін надзвичайно високої швидкості, інтенсивності та напруги, необхідність розробки світоглядних орієнтирів цивілізаційного поступу, переорієнтації на гуманістичні виміри пізнавальної та практичної діяльності людства вимагають нового рівня узагальнень та неортодоксальних наукових підходів у осмисленні мегатрендів сучасного економічного розвитку. Сьогодні, як ніколи раніше, не слід забувати пророчі слова Дж.М. Кейнса про те, що економічна наука є швидше не доктриною, а методом, апаратом і технікою мислення, які допомагають тому, хто володіє ними, дійти вірних висновків.

Відповідь на питання №4. Замислюючись над предметною та методологічною проблематикою сучасних політекономічних досліджень, хотілося б зазначити актуалізацію наукового пізнання наступних визначальних мегатрендів сучасного економічного розвитку, як: *глобалізація*, пов'язана з епохальними змінами, що розгортаються у напрямі адаптації провідних економік світу до кардинальних природно-ресурсних, демографічних та технологічних зрушень в історії людства; *фінансіалізація*, яка відображає кардинальні зрушення у структурі сучасної світової економіки, пов'язані з гіпертрофованим домінуванням фінансового сектору; *інформатизація*, *інтелектуалізація* та «*віртуалізація*» найважливіших компонентів інформаційної економіки, які посилюють роль та значення суб'єктивного фактора, породжують не лише нові можливості, але й серйозні загрози для подальшого соціально-економічного розвитку; *соціалізація*, пов'язана з підпорядкуванням економічних процесів інтересам розвитку людини та суспільства в цілому.

Разом з тим, на наш погляд, не можна не помічати, що поки що наявний категоріально-аналітичний апарат достатньою мірою не «вловлює», а тому ще не перетворює на ключові категорії політекономічних досліджень такі найважливіші характеристики основних чинників, взаємозв'язків та векторів сучасного соціально-економічного розвитку, як їх складність, гетерогенність, волатильність, невизначеність та нелінійність. Також актуальним напрямом політекономічних досліджень залишається об'єкт-предметне сприйняття та теоретичне відображення економіки як складної відкритої системи, далекої від рівноваги. З огляду подальшої наукової перспективи, реалізація зазначених завдань сформує колосальний потенціал для нових конструктивних ідей та дослідних підходів.

Відповідь на питання №5. Не можна не визнати реальної затребуваності у сучасному світі політичної економії з її унікальними предметно-теоретичними та методологічними можливостями. Проте наявний стан наукового та освітнього потенціалу вітчизняної політекономічної спільноти ще потребує свого належного поглибленого осмислення. Слід визнати, що в свій час суттєво дали себе взнаки такі об'єктивні ускладнюючі фактори пострадянської інтелектуальної історії ХХ ст., як догматизація та кризовий стан радянської політичної економії, послаблення на цій основі духовної спадкоємності ряду поколінь економістів-теоретиків, що породило проблему протистояння між їх ціннісними орієнтирами тощо.

На наше глибоке переконання, сьогодні найоптимальніші можливості для забезпечення спадкоємного відтворення та подальшого розвитку наукових основ творчої політичної економії, її викладання та популяризації складаються

передусім у вітчизняних класичних університетах, які організаційно та функціонально є потужними науково-освітніми та інноваційно-дослідними центрами, здатними органічно поєднувати педагогічну та науково-дослідну діяльність, формувати і розвивати багаторівневу науково-освітню спільноту, розвивати мережу фахових наукових шкіл і на цій основі органічно відтворювати наукову співпрацю та зміну поколінь.

Відповідь на питання №6. Оцінюючи перспективи політичної економії як конкуруючої дослідної програми у плюралістичному науковому просторі, а також формуючи зважені очікування щодо її подальшого розвитку, не можна не усвідомлювати, що її реальні конкурентні переваги значною мірою залежатимуть від здатності уникати шаблонів, долати інертність і застій наукового мислення, розвивати наявні аналітичні можливості, нарешті, модернізувати традиційні науково-дослідні підходи в усвідомленні мегатрендів сучасного економічного світу.

За умов, коли зростає крихкість глобалізованої економіки, а людство наштовхується на гостру ресурсну обмеженість, коли посилюється соціальна нерівність та зростає соціальна напруга, актуалізується пошук нових критеріїв соціально-економічного розвитку і суспільного прогресу з урахуванням його гуманістичної та екологічної складових. Отже вкотре хотілося б наголосити, що пошук нетрадиційних рішень на основі нових засадничих ідей повинен відбуватися також і в міждисциплінарних площинах, там де економічна наука межує з іншими суспільними та природничими науками. Тому подальший розвиток економічних досліджень означає посилення та пожвавлення традиційних і нових міждисциплінарних зв'язків.

Зрозуміло, що усе вищезазначене ставить перед політичною економією як стратегією наукового пізнання непрості завдання теоретико-методологічного вдосконалення та оновлення з метою отримання адекватних науково-практичних відповідей на зростаючі глобальні виклики сучасності.

В.К. ЛЕБЕДЄВА,
кандидат економічних наук, доцент,
професор кафедри політичної економії
Національної металургійної академії України
(м. Дніпропетровськ)

Відповідь на питання №1. Історичний шлях політичної економії відображає історичний шлях самої економічної дійсності. Саме зміна економічних реалій унеможливорює створення однієї економічної доктрини на всі часи. Політична економія розвивалася та розвивається разом з економічним життям, осмислюючи його нові процеси та явища, намагаючись надати певне передбачення майбутнього та рекомендації щодо практики використання виявлених нею законів та закономірностей.

Історичний шлях політичної економії несе в собі протиріччя історичного шляху розвитку людства та все ж в загальному плані має ознаки прогресу, як і самий розвиток людської спільноти.

Уроки цього шляху, на мій погляд, пов'язані передусім з тим, що в своїх пошуках та дослідженнях політична економія як наука має спиратися на критерії істини та гуманізму. У тих випадках, коли економічні концепції відходили від цих критеріїв і носили апологетичний характер на користь інтересів окремих соціальних груп, політична економія, на жаль треба визнати, гальмувала науково-технічний та соціально-економічний прогрес.

Відповідь на питання №2. Роль сучасної політичної економії в системі економічних наук, у людському знанні та світогляді дуже велика. Французький письменник Жорж Сіменон якось виказав думку, що настануть часи, коли політекономія стане у голові всіх наук. Важко зараз пояснити, чим була викликана така думка майстра детективу, але вона відображає ті надії, які покладало суспільство на політичну економію у його час. На сьогодні, політекономія ще не стала у голові всіх наук, але від того, які проблеми вона становить і як їх вирішує, залежить доля мільйонів людей у світі. Можливо, це не усіма усвідомлюється, але перефразуючи відомий афоризм, можна сказати: «Якщо ви не хочете займатися політекономією, то політекономія все одно буде займатися вами». Краще мати певну підготовку, щоб ця взаємодія мала успіх.

Відповідь на питання №3. Найбільш значущими сучасними викликами політекономічній науці є війни, економічні кризи, зростаюче безробіття, бідність значної частини людства. Може здатися, що деякі з цих викликів

мають чисто політичний характер, але політика є не що інше, як концентроване вираження економіки. Недосконалість сучасних відносин власності, ринкового механізму, варварські засоби конкурентної боротьби, невідповідні заходи економічної політики вже зараз породжують драматичні події та наближають людство до небезпечної межі.

На жаль, рівень розвитку сучасної політекономії в недостатній мірі відповідає зазначеним викликам. Це пояснюється не відсутністю необхідного творчого потенціалу науки, а монопольному домінуванню неокласичних доктрин, не здатних відповісти на ці виклики. Згадаємо протести студентів Гарвардського університету проти викладання «Макроекономіки», ідеї та моделі якої далекі від економічних реалій сучасного світу.

Відповідь на питання №4. Найбільш актуальною, на мій погляд, стає проблематика зрушення досліджень з відомих постулатів економічної теорії розподілу праці до пошуку нових позицій з огляду на економічну теорію переміни діяльності. Приватна власність та товарне виробництво є соціально-економічними наслідками суспільного розподілу праці. Все більше поширення тенденцій переміни діяльності ставлять проблеми дослідження її соціально-економічних наслідків, у тому числі, в контексті трансформації відносин власності та економічних форм господарювання. Ці дослідження мають враховувати новий рівень продуктивних сил, пов'язаний з автоматизацією виробництва і новими інформаційно-комунікативними системами.

Ця проблематика залишається поза увагою політекономії, тому що домінуюча неокласична доктрина виходить із економічних реалій минулого і не має ефективних методологічних засобів для вирішення нових проблем.

Відповідь на питання №5. Науковий та освітній потенціал політекономічної спільноти є досить вагомим. Вона має достатні можливості для забезпечення подальшого розвитку політичної економії, її викладання та популяризації. Але для того, щоб цей потенціал актуалізувався, необхідно вийти із кола традиційного мислення, заданого неокласичною економічною доктриною.

Викликає занепокоєність державна політика у сфері економічної освіти, яка звужує коло економічних знань для спеціалістів різних галузей господарства тоді, як треба його розширювати, щоб забезпечити прийняття ефективних рішень на всіх рівнях економіки.

Відповідь на питання №6. В майбутньому, на мій погляд, збудеться передбачення Жоржа Сіменона у тому сенсі, що люди оволодіють власними виробничими відносинами, а не будуть підпорядковані ним, як це має місце зараз. На зміну пріоритетам економічного багатства прийдуть пріоритети багатства людини, яка самоздійснюється у всіх своїх дійсно людських проявах і

має багаті потреби свого розвитку і самореалізації у суспільстві. Це дійсно станеться на тлі всебічного задоволення утилітарних економічних потреб на тому раціональному рівні, який сприятиме значному подовженню людського життя та підвищенню його якості.

Ю.Є. ПЕТРУНЯ,
*доктор економічних наук, професор,
завідувач кафедри
менеджменту зовнішньоекономічної діяльності
Університету митної справи та фінансів
(м. Дніпропетровськ)*

Відповідь на питання №1. Як цікавий та повчальний. Чимало її представників стали дійсно історичними постатями. Економісти допомогли людям, управлінцям, державним діячам краще зрозуміти механізми економічного життя, його закони. Це дуже важливо, це має велику практичну користь. Одночасно треба розуміти «гнучкість» економічних законів, «рухливість» економічного життя. Це ускладнює роботу економістів-дослідників, породжує дискусії та помилки. Але саме таким чином відбувається поступальний рух політичної економії (класична назва) або економічної науки (більш поширена сучасна назва).

Відповідь на питання №2. «Політична економія» як назва економічної думки домінувала в світі до кінця XIX сторіччя. Потім вона фактично трансформувалася в «економічну науку». Не всі економісти погоджуються бачити в «економічній науці» просте « правонаступництво» щодо «політичної економії». Наприклад, окремі західні економісти асоціюють «політичну економію» з тією частиною економічної науки, яка зосереджується на поясненні політичних факторів економічної політики держави, на рекомендаціях державним інститутам та суспільству. Такий науковий акцент непогано поєднується з етимологічним значенням терміну «політична економія». Ряд українських економістів схильні розглядати «політичну економію» як своєрідний «глибинний пласт», теоретико-методологічний фундамент сучасної науки про економічне життя суспільства.

Тобто існують певні розбіжності в баченні. Мені здається, що турбуватися потрібно не стільки з приводу їх існування, скільки з приводу загального питання якості наукових досліджень економічного життя, насамперед в Україні. Питання якості – це питання глибини, доведеності

досліджень та їх практичної цінності. Остання в тому числі передбачає усвідомлення особливостей того чи іншого етапу соціально-економічного руху країни, пріоритетних практичних питань.

Відповідь на питання №3. Виклики існують постійно. Чим менше стабільності в країні – економічної та іншої, – тим більші ризики. Можливо для українських економістів було б непоганим дещо уважніше підійти до того, що прийнято називати «практичною функцією» науки. Для цього потрібне відновлення «союзу» з господарськими суб'єктами, державними та регіональними економічними регуляторами. Дослідники повинні мати достатній доступ до первинної статистичної та аналітичної інформації, бачити її достатньо розгалуженою та в динаміці. Цей доступ сам по собі не виникне, потрібні певні заходи на рівні держави та регіонів, а також відповідна зацікавленість суб'єктів господарювання. Напевно, одна з вирішальних умов появи останньої – необхідність ведення чесної конкуренції в економіці. Чесна, напружена конкуренція формує попит на «розумні голови», її відсутність формує попит на інших людей. «Рівень розвитку економічної науки», на мій погляд, досить гнучка, як це не дивно звучить, річ. Наявність необхідного середовища для економічних досліджень обов'язково обернеться знаходженням людей, здатних якісно їх провести.

Відповідь на питання №4. Мені здається для економічних досліджень важко проводити межу актуальних та неактуальних проблем. В медицині з точки зору, наприклад, критичності загроз для життя можна виділяти особливо важливі питання та менш важливі. В економіці актуальність напевно можна вимірювати практичною гостротою тієї чи іншої проблеми на сьогоднішній (поточний) час. Але вже завтра пріоритети «гостроти» можуть змінитися. Мені здається, що найбільше значення для економічної спільноти в цілому має не стільки орієнтація на «рівень актуальності», скільки на рівень якості досліджень. «Гострі поточні проблеми» - то, скоріше за все, поле діяльності прикладних наукових інститутів та відповідних підрозділів уряду. «Швидка допомога» - напевно, їх парафія насамперед. В цілому ж, мені здається важливою багаторічною проблемою України є якість державного регулювання економіки.

Відповідь на питання №5. Треба виходити з того, що в Україні з різних причин наука перебуває далеко не в найкращому стані. Це повною мірою стосується й економічної науки. Однаково в складному стані знаходиться як вузівська економічна наука, так і академічна. Поки що важко побачити перспективи необхідних організаційних та фінансових змін в цих секторах. Більшою мірою економічна наука, насамперед вузівська, тримається на окремих постатях.

Відповідь на питання №6. Для прогресу суспільства потрібно його функціонування як збалансованої системи. Потрібна «точна настройка» суспільної системи та її постійна підтримка на розвиток. Досвід України вказує на вирішальне значення в цьому питанні політичної еліти та відповідно державних інститутів. Саме їх здатність функціонувати ефективно, чесно, соціально, під реальним суспільним контролем є ключовим моментом. Здається Україні дуже важко дається рішення цієї проблеми. Економічній науці важко бути ефективною, практично корисною при загальній «проблемній» побудові суспільного організму. Економічні знання будуть потрібні завжди, вони необхідний елемент прогресу суспільства. Але «продуктивність» економічної науки залежить від того середовища, в якому вона знаходиться.

Ю.Ю. ТУНИЦЯ,
*академік НАН України,
доктор економічних наук, професор,
ректор Національного лісотехнічного університету
України*

Я.В. КУЛЬЧИЦЬКИЙ,
*доктор економічних наук, доцент, доцент кафедри
економічної теорії Національного лісотехнічного
університету України*

Л.В. РІБУН,
*кандидат економічних наук, доцент,
завідувач кафедри економічної теорії Національного
лісотехнічного університету України*

Відповідь на питання №1. Політична економія пройшла тривалий, складний, часто суперечливий шлях свого становлення і розвитку. Будучи спершу складовою частиною єдиного світоглядного знання, вона внаслідок поглиблення суспільного поділу праці та диференціації науки поступово виокремлюється у самодостатню сферу пізнання суспільно-економічних явищ і процесів, формуючи при цьому об'єкт, предмет та інструментарій своїх досліджень. Серед важливіших уроків історичного шляху політичної економії

варто відзначити інколи надмірне теоретизування, яке призводило до її дистанціювання чи навіть відриву від реальної суспільної практики та надмірну ідеологізацію на догоду пануючим у той чи інший час політичним силам, коли наука змушена була фактично «обслуговувати», виправдовувати конкретні дії різних тоталітарних режимів. Усе це деформувало основний принцип політико-економічної науки – об'єктивність аналізу та відповідно пропозицій щодо удосконалення економічного буття суспільства.

Відповідь на питання №2. Сучасна політична економія відіграє визначальну роль та посідає чільне місце у системі економічних наук. Зокрема, вона є теоретико-методологічним фундаментом для всіх прикладних економічних наук, розробляючи для них базовий поняттєво-категорійний апарат і розкриваючи тенденції, закономірності та об'єктивні закони розвитку економічної системи суспільства у нинішніх умовах посилення екологізаційних та глобалізаційних процесів. Крім того, політична економія виконує ще й значну світоглядну, виховну функцію, що виявляється у формуванні сучасної економічної свідомості, культури і відповідальності у контексті утвердження концепції сталого розвитку.

Відповідь на питання №3-4. Найбільш значущими сучасними викликами політекономічній науці є необхідність максимального врахування і глибокого дослідження об'єктивних процесів екологізації та глобалізації економічних систем, становлення екологічно безпечної та збалансованої («зеленої») економіки. Нинішній рівень розвитку політичної економії не дає можливості усебічно розкрити згадані виклики, що негативно позначається на її узагальненнях, рекомендаціях та самому поняттєво-категорійному апараті.

Тому одним з найважливіших об'єктів дослідження у сучасній політичній економії, внутрішньою складовою її предмета і методу повинен стати екологічний імператив.

Впродовж усієї історії економічної думки і практики господарювання виробнича діяльність людини суттєво відхилялася і досі відхиляється від законів природи. Прагнучи задовольняти свої необмежені потреби в умовах обмеженості природних ресурсів і природного життєвого довкілля, людина, створивши собі внаслідок технічного прогресу ілюзію незалежності від природи і водночас залишаючись частиною природи, забула, що першоосновою і першоджерелом існування життя та виробничої діяльності є сама природа. Ігнорування цього незаперечного постулату є, на нашу думку, одним із істотних недоліків економічної теорії та господарської практики. Саме тому екологізація економіки, тобто узгодження способу господарювання із законами природи, є необхідним, хоча і вкрай складним та суперечливим процесом,

кінцевою метою якого повинно стати реформування економічної системи у відповідності з екологічним імперативом.

Згаданому колу проблем, на жаль, приділяється ще недостатня увага насамперед внаслідок живучості стереотипів антропоцентристської системи цінностей, виключно економічної доцільності, економічного прагматизму, недооцінки належної турботи про довкілля та його збереження для прийдешніх поколінь.

Відповідь на питання №5. Стан наукового та освітнього потенціалу політекономічної спільноти за умови усвідомлення нею викликів XXI ст. можна оцінити досить оптимістично. Вважаємо, що вона має достатні можливості для забезпечення подальшого розвитку політичної економії, її викладання та популяризації. Для цього необхідні належна критична самооцінка та відповідна самоосвіта, підвищення кваліфікації науково-педагогічних кадрів, оволодіння ними сучасним теоретико-методологічним арсеналом світової політико-економічної науки, пошуків обміну передовими ідеями у професійному середовищі як всередині країни, так і з колегами з-за кордону.

Відповідь на питання №6. Переконані, що політичну економію в майбутньому очікує своєрідний ренесанс, коли вона знову буде виконувати роль «науки наук», своєрідного ядра у системі економічних наук, активно впливати на формування сучасної економічної, екологічної та політичної культури, давати своєчасні, об'єктивні й вичерпні відповіді на виклики сьогодення, проблеми організації та ефективності виробництва, розподілу і перерозподілу доходів, соціальної справедливості, формування інформаційного (постіндустріального), «знаннєвого» суспільства та екологічно безпечної, збалансованої («зеленої») економіки як передумови його сталого розвитку.

П.С. ЛЕМЕЩЕНКО,
доктор економічних наук, професор,
завідувач кафедри теоретичної та
інституціональної економіки Білоруського
державного університету (м. Мінськ)

Ответ на вопрос №1. Если обратиться к истории социально-экономического развития, то без преувеличения можно заметить, что старт, динамику современной экономической цивилизации с ее довольно сложными и противоречивыми результатами заложила политэкономия. Ее эволюция шла в

контексте решения практических проблем периода меркантилизма, эпохи земледельческого уклада и, таким образом, физиократов, получившей приоритет в последующем промышленной стадии и доминирующих в этой сфере различных форм производительного капитала.

Если классическая политэкономия под влиянием научно-естественного сциентизма той эпохи априори заложили полную, хотя и не прописанную заранее рациональность мышления, предполагая при этом по преимуществу все же оптимальный конструктивизм державного (!), даже не государственного, а именно национального интереса, то неоклассики осознанно заложили в свою исследовательскую парадигму такие предпосылки как полнота информации индивида о рынке, узкий корыстный материально-денежный интерес, универсальные счетно-аналитические способности «экономического человека», нулевые трансакционные издержки рынка. И если рациональность классической политэкономии базировались на необходимости познания и признания объективных экономических законов, о которых ранее внятного суждения даже не было, то неоклассика закладывает в исследовательский процесс субъективистский индивидуализм, распространив мотивы и признаки его поведения на коллективы, на все общество. Доминирующая познавательно-эвристическая функция науки политэкономии сменяется узким позитивистско-прагматическим значением исследовательского процесса с соответствующими финансово-денежными категориями. Стадия обмена из всего воспроизводственного процесса специализирующимся научным сообществом выделяется как основная и, таким образом, понятие «рынка» отождествляется явно или не явно с понятием «экономика». Известные субъективистско-индивидуалистические предпосылки с узкой утилитарно-экономической рациональностью выдвигаются в качестве базовых аксиом в парадигме исследования. Но все-таки целое не есть механическая сумма частного, а мышление и поведение даже большой группы индивидов, руководствующихся своими узкоутилитарными стратегиями, еще вовсе не обеспечит общего благосостояния и целостности. Тот же П. Кругман пишет: «...История предполагает, что экономика свободного рынка может оказаться на длительное время в ловушке, достигнув плохого равновесия, когда хорошее не запрашивается потому, что его никогда не предлагали, и не поставляется, потому что нет достаточного количества людей, его требующих»¹.

Один из основных выводов истории кризисов, которая есть не что иное, как история экономики в целом и, естественно, «сопровождающих их теорий» заключается в том, что и сегодня требуется *новый целостный взгляд на современное мироустройство (!)*, его эволюцию хозяйственных отношений, их

¹ Кругман П. Великая ложь / П. Кругман. – М.: АСТ, 2004. –С. 458.

форм, подобный тому, который был зафиксирован классической политэкономией.

Во-первых, именно в исследовании системы объективных экономических законов и отношений человеческого общения (производства, распределения, обмена и потребления) оформился предмет экономики как науки в ее классический интерпретации, предложив практике ее адекватный хозяйственно-политический образ, практичную и перспективную модель эволюции. Во-вторых, политэкономия позволила (и она в этом плане незаменима) определить стратегию и динамику политэкономического и социокультурного развития. В-третьих, предметная определенность, методология, категориальный аппарат позволил выявить потенциал, движущие силы складывающегося способа производства, эпохи с указанием ограниченности и перспективности одних экономических форм по сравнению с другими. В-четвертых, зафиксировать «несущую конструкцию» или основу общественно-экономического устройства как органическую составляющую определенного технологического способа производства, общественного уклада, экономической и морально-этической нормы поведения, политико-правового механизма координации и защиты интересов индивидов, их собственности. В-пятых, на основе складывающихся тенденций в траектории институциональных изменений определить прогноз возможных противоречий развития с выявлением соответствующих форм их разрешения. Наконец, политэкономия дает методологическую и инструментальную основу для анализа другим более конкретным экономическим дисциплинам. В начале 20 века под влиянием специализации экономических дисциплин политэкономия распадается на ряд более частных наук: собственно экономику (экономикс), политологию, теорию организации, социологию, историю экономики и историю науки об экономике. Единая методологическая основа или, иначе говоря, единый взгляд на политико-экономическое устройство и развитие были разрушены. А отдельные калейдоскопичные фрагменты отдельных частных дисциплин не могут воссоздать целое. Возник дефект знания подобный дефекту массы в физике. Смысл его в том, что частные знания отдельных экономических и других специализированных научных дисциплин не дают все-таки целостной синкретичной картины современной мир-экономики. А это сегодня принципиальный вопрос: каково направление, стратегия и основные хозяйственные формы развития современной мирохозяйственной системы, как в ней находят свое место национальные хозяйственные единицы с рамками тех полномочий и функциональных особенностей, которые отведены им международными организациями. Произошел структурный сдвиг: международные производственные отношения и институты из вторичных, что

было в 17-начале 20 вв., перешли в разряд вторичных, производных. Это тот экономический, а точнее политэкономический закон, который надо признать и действовать в соответствии с этой объективной реальностью. Если кто сомневается, то пусть хотя бы попробует выехать за пределы своей страны со своей национальной валютой.

Ответ на вопрос №2. Все-таки надо понимать, что политэкономия, если отвлечься от многих других ее важных аспектах и свойствах, все-таки есть наука о системе интересов. Она явилась продуктом социального заказа прежде всего капитала. Основные теоретические контуры в рамках архитектоники капитала она достойно выполнила на своей классической стадии. Это классическая стадия науки в целом. Но что-то (!?), как-то (!?), кто-то (!?) выдвинул и поддержал К. Маркса – подготовленного юриста, мужика трудолюбивого, честного, хорошего, талантливое и, бесспорно, гениального. Но он раскрыл, следуя гегельянской традиции, существо и основные противоречивые тенденции развития капитала и его границы, предел. Конечно, потребовалось немало усилий, чтобы, с одной стороны, уйти практике от этих весьма противоречивых тенденций. И поэтому пусть критики Маркса не тешат себя иллюзиями о якобы неудавшемся его прогнозе – просто мир предпринял энергичные действия, чтобы избежать хотя бы части предсказанного. Что-то получилось, а чего-то и не удалось избежать обществу, где правил капитал с его принципами, нормами и институтами... Во-вторых, научное и околонуучное сообщество – тоже люди с их житейскими интересами и мотивами. Их мастерство убеждения и аргументации прямо пропорционально величине гонорара за заранее оговоренные результаты. «Науку часто сравнивают с поиском истины, где истина – нечто абсолютное, существующее независимо от наблюдателя. Но я рассматриваю науку больше как поиск *понимания*, где последнее связано с наблюдателем, ученым. Такое понимание лучше всего достигается путем изучения взаимосвязей – между различными идеями, различными явлениями; между идеями и явлениями»².

В начале 20 века под влиянием естественной специализации политэкономия распадается на ряд более частных наук: собственно экономику, политологию, теорию организации, социологию, историю экономики и историю науки об экономике. Политэкономия ушла как бы на задний план в системе наук и в образовательной среде. Единая методологическая основа или, иначе говоря, единый взгляд на политико-экономическое устройство и развитие были разрушены. Если и была какая-то связь в последующем между различными дисциплинами, то она сохранялась и где-то сохраняется сейчас

---

² Ауманн Р. О чем думают экономисты: Беседы с нобелевскими лауреатами / Под ред. П. Самуэльсона и У. Барнетта: пер. с англ., 2-е изд. - М., 2010. – С. 454.

вопреки складывающимся тенденциям в науке и благодаря лишь усилиям отдельных авторов, не лишенных академического любопытства черпать информацию из других научных дисциплин. Очередная дискуссия о предметно-методологической определенности науки об экономике завершилось по существу признанием в той или иной интерпретации определение предмета, данного в 1936 году Л. Роббинсоном и которое тиражируется в известных учебных пособиях.

Следует согласиться с оценкой У. Баумоля, который в статье «Вклад XX столетия в экономическую теорию» писал: «...Наибольший научный прогресс по сравнению с началом века можно обнаружить не в теоретических новациях, а в развитии эмпирических исследований...»³. Оставляя за пределами внимания частные вопросы экономики, к которым обращалось и обращается мейнстрим теории, обратимся к вопросу, а *каково же сегодня состояние политэкономии*. В «Кембриджской энциклопедии» указывается, что «политическая экономия» – это название, которое было дано экономике в конце XVIII в. – начале XIX в. В нынешнем столетии это понятие не получило широкого распространения ... поскольку спектр проблем, изучаемых экономикой сегодня, гораздо шире, он включает в себя значительно больше вопросов, чем состояние национальных экономических систем и роль правительства в экономической жизни»⁴. В «Новом кратком оксфордском словаре английского языка» политическая экономия определяется как «одно из направлений экономики, предметом изучения которого является экономические проблемы правительства»⁵.

Однако анализ проблем, методологических подходов и других свойств современной экономической науки позволяет выделить несколько *направлений именно политической экономии*, которые позволяют заключить, что данная дисциплина скорее живое ищущее творчество, чем мертвая история. Но именно изучение этого творчества может дать старт для правильного понимания не только современной социально-экономической системы, но определиться в оценках прошлого экономической истории.

Прежде всего, хорошим примером является возрождение в 60-е годы политэкономии в классических традициях. Распределение доходов, проблема власти, монополистического и транснационального капитала – центральные проблемы этого направления политэкономии⁶.

³ Баумоль У. Чего не знал А. Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию / У. Баумоль // Вопросы экономики. – 2001. – № 2. – С. 80, 98.

⁴ Crystal D. Cambridge Encyclopedia / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – P. 982.

⁵ Brown L. New shorter Oxford English Dictionary / L. Brown. – Oxford: Oxford University Press, 1993. – P. 782.

⁶ Arndt Y.W. Political economy / Y.W. Arndt // Economic Record. – 1984. – Vol. 60. – P. 266-273; Lindbeck A. The political economy of the new left / A. Lindbeck. – New York: Harper and Row, 1977. – P. 17.

Многие направления исследований, которые сегодня рассматриваются как междисциплинарные, Смит, Милль или Маркс отнесли бы исключительно к области политической экономии. Дж. Альт и А. Алесина рассматривают политическую экономию как область знания, выходящие за пределы экономики. Они характеризуют современную политическую экономию как отрасль социальных наук, стремящуюся к более широкому осмыслению экономических проблем, чем это делается в рамках основных направлений. Эта дисциплина рассматривает институты скорее как эндогенные феномены, применяя междисциплинарные методы исследования, теорию игр, сближая макроэкономику с политикой, правом, историей, социологией, экологией, этикой. Размер дохода и богатства в данном контексте рассматривается как функция от формируемых институтов: это $y = f(I_1, I_2 \dots I_n), I_n$. Где $I_1, \dots, I_n$ – это институциональные изменения. Если еще два десятка лет некоторые проблемы получали лишь свою формулировку, то сегодня ряд из них уже получил свое некоторое теоретическое и практическое разрешение. Например, это относится к исследованиям межпартийной борьбы Э. Даунса и теории У. Райкера о формировании правительственных коалиций, описывающих роль распределительной политики при формировании правительств.

К числу крупнейших достижений политэкономии XX в. относятся теорема невозможности К. Эрроу и доказательство произвольности совокупных правил социального выбора, которые плохо согласуются с либерально-демократическими мифами о «воле народа». Среди важнейших достижений следует отметить модель бюрократии, монопольно регулирующей информационные услуги (У. Нисканен), Г. Миллер, Т. Мо), теорию политических циклов деловой активности (У. Нордхаус, Д. Гиббс), влияющей на экономические результаты.

Особое значение и серьезную прикладную проработку занимает проблема формирования и распределения бюджета, имеющая свои частные ответвления: теория сглаживания налогов, концепция перераспределения государственного долга между поколениями, модель политического конфликта и исследования по институциональному отбору, зависящему от использования бюджетных средств, которыми распоряжается избранное демократическим путем правительство или законодатели.

Буквально во все разделы экономической науки проникла идея Р. Коуза о трансакционных издержках. Сама постановка вопроса об их положительной величине в условиях разделения труда и обмена, а также гипотеза о необходимости спецификации прав собственности, на наш взгляд, является типично политико-экономическим достижением на новом уровне теоретического осмысления рыночного хозяйства.

«Политическая экономия голода» А. Сена и Й. Дрейзе не только опровергает Парето-оптимальность, но и институциональными отличиями (средой, политикой, законами распределения) объясняет причину 20% мировой бедности и нищеты, с чем уже нельзя не считаться.

Новое направление развития экономической науки сегодня формируется в рамках ЦОН МГУ (Ю.М. Осипов, теория хозяйства), несомненно, дающее прирост знания, методологии, инструментария, но, по-нашему мнению, не попадающее ни в один из существующих ее разделов, что затрудняет ее понимание и популяризацию.

Новый старт, второе дыхание развития политэкономии закладывают Московские экономические форумы, политэкономические конгрессы, которые иницируются добросовестными учеными, которые понимают роль и значение денег в современном обществе, но которые не принимают тех нарастающих негативных тенденций и несправедливостей. Например, Т. Пикетти, которого называют новым Марксом в своей книге «Капитал в 21 веке», но который сказал, что этого автора даже не читал, эти негативные тенденции и несправедливости довольно убедительно и эмоционально описал. Признание Пикетти в незнании марксистского тракта делает работу ставшего популярным французского ученого еще более значимой, а «Капитал» как фундаментальный труд, выдержавший испытание временем: две разные логические концепции приходят, по существу, к одинаковым выводам.

Ответ на вопрос №3. Есть разные названия, которые сегодня предлагаются для этой научной дисциплины: от геоэкономики до неополитэкономии. В нашей версии понимания она получает название – «теоретическая экономика». Как будет – жизнь покажет, поскольку может прижиться и другое наиболее популярное название науки. Но в любом случае последняя фиксирует другой уровень развития политической экономики, как интегральной идеальной конструкции, отражающей широкий, но обобщающий спектр современных технологических, правовых, социально-экономических процессов, нравственно-этических и культурологических тенденций. В ней стоимость и ценность, как базовые категории классической политэкономии и неоклассической теории, интегрируются в категорию «институциональная ценность». Именно последняя является тем общественным нормативом, подобный стоимости или ценности, который уже регламентирует поведение людей в «новой экономике». Поэтому наш тезис – не назад к политэкономии, а вперед к новой политэкономии, если использовать традиционную терминологию, как обобщающей науке о современной мирохозяйственной политико-экономической системе. Для этого есть как онтологические, так и гносеологические предпосылки.

Можно выделить следующий круг проблем для обсуждения, которые в настоящее время представляются наиболее важными и актуальными, пригласив к спокойному и взвешенному научному поиску конструктивных подходов и к их теоретическому решению:

Политическая экономия: фундаментальные проблемы и новые идеи теории.

Новая политэкономия как наука.

Философско-методологические и теоретико-инструментальные возможности современной политэкономии.

Глобальная политэкономия как вызов новому экономическому порядку.

Политэкономия формирования институтов.

Политэкономия государства, законодательства и правительства.

Теория поведения бюрократии.

Социальная политика и ее политэкономические основы.

Государственный бюджет, политэкономия бюджетного дефицита и профицита.

Теория общественного выбора.

Политическая экономия бедности и нищеты.

Политэкономия праздного класса.

Международная политэкономия.

Политэкономия капитала.

Финансовый капитал и ТНК: политэкономические оценки.

Политическая экономия реформ.

Предметная определенность теории государственного управления.

Институциональное планирование: теория и опыт практики.

Политический процесс как объект теоретического осмысления.

Общественная и природная экономика: разрешимо ли противоречие?

Политэкономия социально-экономического развития.

Политэкономия терроризма и катастроф.

Историко-логические закономерности эволюции политэкономии.

Формально–логические и математические аспекты политэкономии.

Это, скажем так, неполный перечень сформулированных проблем, которые, на наш взгляд, нуждаются в обсуждении и решении. Если кому-то покажется, что понятие «политэкономия» пристегнута только для проформы, а все это можно решить через чисто экономический контекст или социальный, то это глубокое заблуждение. Для устранения возможного дефекта непонимания следует обратиться к авторской позиции, изложенной выше (пункт 1) относительно решения тех проблем, которые были блестяще решены классической политэкономией. Сегодня многие из них на новом витке истории

обострили свое проявление. Например, так кто же и что является источником «богатства народов» и каковы силы, показатели социально-экономического развития? Может кто-то назовет основной экономической закон распределения в современной экономике? А поскольку институты не просто «имеют значение», а выступают исходным консолидирующим ресурсом с современных условиях, то вполне объяснимо применение при формулировке некоторых важных вопросов категории «институт». Дело в том, что на период становления политэкономии и ее классического этапа, понятие института в большей степени ассоциировалось с понятием государства. В мудрости державного государственного управления (не знания, не теории) контекст наследственности доминировал над знанием и тем более профессией. Возник даже тип власти – «просвещенная монархия». А что значит «просвещенный монарх» и кто его учит? Во имя чего и кого?

Ответ на вопрос №4. Современный общий (!) кризис мирового хозяйства глобального капитала – это кризис парадигмы самого капитала не только в практике, но и в теории. Мягко скажем, в нем больше сознательного и планируемого, нежели стихийного, но мало осмысленного и тем более доступного знания для широкой публики. Ограничен не только доступ к материальным и финансовым ресурсам, но и доступ к информации. «Экономикс» утверждает, ваш предельный доход равен вашим предельным издержкам, поэтому все справедливо и экономически обоснованно. Но, видимо, это и многое другое побудило Т. Пикетти написать свой труд «Капитал в 21 веке», где явно зафиксировано нарушение не только этой формулы, но и нарушение распределения и динамики собственности.

Мир-экономика сегодня представляет собой многоукладную систему, в которой взаимодействуют простое товарное производство, малый, средний и крупный фирм-аутсайдеров, монополии, банковские монополии, финансовый капитал, ТНК. Эту сложную для изучения и для эффективного управления пирамиду «возглавлял» до настоящего времени глобальный капитал, который и задавал правила, нормы поведения всей системы мир-системы, ее циклы и траекторию. Сегодня эта сложная пирамида серьезно закачалась, в том числе и под влиянием кризиса. Какая следующая ступень? Эта тема отдельного непростого анализа и разговора для экономической науки.

Рентная мотивация – это один из первых признаков современного глобального капитала, а *глобальная рента* является ее конкретным видом проявления, механизм формирования и изъятия достаточно сложен и мало изучен. Сегодня это *главное противоречие этапа глобального капитала*. Современный кризис высветил, что национальные рынки и не только финансовые, но и товарные, рынок физических активов капитала и труда,

рынок идей и пр. утратили свое состояние *устойчивости* и формирования *тенденции развития*, а также сложившиеся формальные институты не обеспечивают защиты собственности в рамках тех критериев нравственности и справедливости, выработанные еще А. Смитом. По сути, это было главное завоевание капитала, которое обеспечивало стимулы для снижения затрат, повышения эффективности и, и, таким образом, формировало условия *для развития*. А сегодня это *основное противоречие* этапа глобального капитала. Подчеркнем, что речь идет не о правах собственности, о чем обычно говорят. Глобальный капитал нарушил основные нормы поведения капитала как главного экономического института рыночной системы – обеспечение равновеликой прибыли на равновеликий капитал. Острота противоречия очевидна: никто как бы конкретно не виноват по законам юридическим (они ведь устанавливаются конкретными людьми и под конкретные интересы), но никак не координируются с законами экономическими – произведенная стоимость не может исчезнуть бесследно, хотя вполне может изменить свою форму и (или) субъекта присвоения. Иначе говоря, законы права подавили и узурпировали законы экономические. Нравственно-этические законы и принципы вообще исчезли из правил человеческого общения в этой эпохе. А в результате, как пишет тот же Нобелевский лауреат П. Кругман, начинаешь ощущать, что словно отменили закон всемирного тяготения. И ловкие юнцы из колледжа в одночасье становятся мультимиллионерами. Компании, о которых никто и не слыхивал, вдруг оказываются стоящими 20 миллиардов и использовали свои раздутые до небес акции, чтобы захватить старые надежные предприятия⁷.

Реально названное противоречие выразилось в том, что молниеносно преобразуясь и концентрируясь благодаря информационным технологиям, «новый» фиктивный капитал спровоцировал или, что называется, *создал ситуацию 2008 года, которую тоже назвали кризисом*. И действительно, некоторые критерии реальной ситуации вполне соответствовали понятию «кризис». Особенно это относится к падению котировок известных компаний «старого капитала» тяжелых активов, которые составляют надежный остов реальной экономики, но которые уступили свое право оценивать силу и цену своего бизнеса. Это фундаментальный парадокс практики глобального капитала, но еще больший парадокс того, что такая практика признается *рациональной*, хотя иррациональность движения фондового рынка очевидна. А поскольку, таким образом, падение курса акций известных компаний автоматически поставила последних перед кредиторами в разряд должников из-за снижения или даже простого «обнуления» экономического обеспечения

⁷ Кругман П. Великая ложь / П. Кругман. – М., 2004. – С. 55.

кредитов в банках, то, как бы (?..), вполне естественным выглядит передача акций за символическую плату тем, кто владеет на текущий период ликвидным материалом, т.е. банкам или финансовым компаниям.

Если сказать еще проще, то современный капитал реализует свое устремление к максимизации ренты (не прибыли (!) не за счет производства благ и услуг, как это было в эпоху развития промышленного капитала, а за счет спекулятивных операций и развития транзакционного сектора в целом. Для этого же создал *особый порядок из свода условий и правил, по которым финансовый кризис лишает миллионы людей своих сбережений*, а счет можно предъявить только к феноменологии рынка. То есть ни к кому. «Невидимая рука» А. Смита превратилась в «грабящую руку» финансово-денежного капитала, который не только вышел из-под общественного контроля, но сам навязал свой «порядок» остальным видам капитала и экономическим агентам. Под влиянием разных факторов современный капитал действительно существенно переродился. Он не делит уже самостоятельность и ответственность за свои действия, а *предпочитает приватизировать доходы, позволяя национализировать своим странам и миру в целом возникающие издержки* и другие негативные последствия. Глобалистская экономика, которую представляют нам в качестве панацеи, знает один единственный критерий – «деньги». У нее есть один культ – «деньги». Но она лишена каких-либо этических соображений, которые были когда-то у Смита, Маркса, Кейнса, Веблена, Леонтьева. Поэтому она, глобалистская экономика сама себя разрушает. Представляется, современный мировой экономический кризис вполне своими результатами и последствиями, в том числе и военного характера, доказывает разрушение глобального капитала, чем создает предпосылки перехода на новое качество – *метакapи́тала*, соединяющего многие черты прошлого, сложного настоящего и, безусловно, неизвестного будущего. Такой категорией, которая фокусирует на абстрактном уровне такой срез, на наш взгляд, является категория «институциональной ценности». Последняя фиксирует в себе стоимость, как фундаментальную категорию товарно-капиталистического производства, и новые аспекты хозяйственно-экономических отношений глобального капитала⁸.

Уже не один кризис, в том числе и идеологический, был преодолен тем или иным способом западным обществом. Но это были кризисы локального характера, когда не требовалось смены фундаментальных основ общества как целостной и сложной системы, испытывающей уже на протяжении нескольких последних десятилетий серьезные «перегрузки», проявления которых крайне

⁸ Лемещенко П. С. От стоимости к институциональной ценности / П. С. Лемещенко: – Сб. научн. статей. – Мн.: БНТУ, 2013. – Вып. 1. – С. 46-67.

различны. Сегодня экономисты, кроме уже известных и признанных «внешних эффектов» рынка, занимаются составной частью институциональной ценности - *категорией транзакционных издержек*. Это очень важное отражение одного из проявлений «перегрузок» этой общественно-экономической системы. Самый общий вывод, который можно пока сделать из теории транзакционных издержек, состоит в том, что разделение труда и обменные операции, на которых основывается хозяйственная деятельность в рыночной модели, приводят к огромным нерациональным с точки зрения общественно полезного эффекта затратам. Но, думается, что проблема транзакционных издержек для более плодотворных и конкретных выводов нуждается прежде всего в смене методологии и подходов к ее позитивному разрешению. «И рынки, и правительство, — пишет Дж. Бьюкенен, — терпят провалы, и нет никакой благосклонной «мудрости». Человек 70-х попал в ловушку дилеммы. Он понимает, что две «великие альтернативы», «laissez-faire» и социализм, умирают, и вряд ли можно ожидать их возрождения»⁹.

Ответ на вопрос №5. Динамика интеграционных процессов, формирование международных институтов сегодня обгоняет их осмысление и тем более теория не обобщает результаты деятельности мир-системы. Последняя – это система разрешений и распределений: властных функций, ресурсов, рынков, формирования предпочтений, методологии и методик цен, советов по налогам и пр.

Политика выбора этой мир-системы и национальных государств требует научного осмысления не только истории, но и практики, которая является следствием тенденций и экономических законов. Эффект исторической обусловленности – один из политэкономических законов. Какова это была позиция, как она закладывалась, реализовывалась, как она будет трансформироваться в будущем – дело очень непростое и не может быть познано без научного освоения. И вот как раз последнее, т.е. исследование «самых исследований», что входит в предмет метатеории, требует самой серьезной проработки. Преодоление кризиса возможно только преодолением заблуждений и преодолением теоретического кризиса. «В нынешних обстоятельствах нет ничего более важного для каждого мыслящего человека, чем экономическая наука. На карту поставлены его собственная судьба и судьба его детей. ... Экономическое знание представляет собой существенный элемент в структуре человеческой цивилизации; оно является фундаментом, на котором стоят современный индустриализм, а также все нравственные, интеллектуальные, технологические и терапевтические достижения последних

⁹ Бьюкенен Дж. Нобелевские лауреаты по экономике. Избранные труды: пер. с англ. / Дж. Бьюкенен. – М., 1997. – С. 430.

столетий. Оно оставляет на усмотрение людей, воспользуются ли они должным образом богатством этого знания или оставят его неиспользованным. Но если им не удастся извлечь из него выгоду и они пренебрегут его учениями и предупреждениями, то они не только аннулируют экономику; они истребят наше общество и род людской»¹⁰. Сегодня идеология, основанная на методе хаоса и здравого смысла, является, пожалуй, самой разрушительной для экономики и общества в целом. Ньютону удалось сконструировать свои известные законы физики благодаря некоторой четкости религиозного учения, идеи о сотворении мира. Современные экономисты ушли от проблемы сотворения мира, отстранились от нравственно-этических норм поведения людей, не воспринимают в выборе своих теоретических конструкций историко-социального контекста и духовного мира общества. В итоге аналитический инструментарий, построенный на жестко детерминированной и утилитарной экономической рациональности, при всей своей кажущейся стройности, строгости и последовательности просто не имеет практического смысла. Ведь любое начинание и любая реформа начинаются с критики прежней хозяйственной системы, безусловно, имеющей некую идеальную картину, и генерирования, выработки новой идеи, приобретающей при дальнейшей научной разработке парадигмальное выражение и теоретическое завершение. В этом смысле выработка новой идеологии современной реформы представляет собой, прежде всего, научную проблему по выработке новой парадигмы и, следовательно, новой или видоизмененной экономической доктрины. Так было, например, во времена промышленной революции, так было в период Великой депрессии, так было в эпоху влияния монетаризма и такова же задача стоит сейчас. Но надо понимать, что и наука политэкономия творится людьми, которые сотканы из плоти и сознания, которым ничего не чуждо. Поэтому истина всегда будет кому-то неужодна и в лучшем случае мифологизирована. Бывает и более жесткое отношение к тем, которые пытаются пролить свет на действительность. Например, первый политэконом А. Монкретьен сьер де Ваттевиль как дворянин погиб на дуэли из-за мужских амбиций и легкомысленного поведения. Однако, такой конец был для мятежника даже удачей, потому что, будь он захвачен живым, не миновать бы ему пыток и позорной казни. Тело его по приговору суда было подвергнуто поруганию: кости раздроблены железом, труп сожжен и пепел развеян по ветру. Монкретьен был одним из руководителей восстания французских протестантов (гугенотов) против короля и католической церкви. «Трактат» был предан забвению, а имя Монкретьена смешано с грязью. Монкретьена честили разбойником с большой дороги, фальшивомонетчиком, низким

¹⁰ Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории / Л. Мизес. – М., 2000. – С. 824, 830.

корыстолюбцем, который якобы перешел в протестантскую религию только ради того, чтобы жениться на богатой вдове-гугенотке. Прошло почти 300 лет, прежде чем доброе имя Монкретьена было восстановлено, а почетное место в истории экономической и политической мысли прочно закреплено за ним. А в чем же его грех?

Участие в одном из гугенотских мятежей, которые были в известной мере формой классовой борьбы бесправной французской буржуазии против феодально-абсолютистского строя. Четырехлетнее пребывание в Англии Монкретьена сыграло в его жизни такую же роль, как через несколько десятилетий в жизни У. Петти — пребывание в Голландии: он увидел страну с более развитым хозяйством и более развитыми буржуазными отношениями. Ум Монкретьена начинает живо интересоваться торговлей, ремеслами, экономической политикой. Глядя на английские порядки, он мысленно примеряет их к Франции. Возможно, для его дальнейшей судьбы имело значение то обстоятельство, что в Англии он встретил много французских эмигрантов-гугенотов. Большинство из них были искусные ремесленники. Монкретьен увидел, что их труд и мастерство принесли Англии немалую выгоду, а Франция, понудив их к эмиграции, понесла большую потерю. Таким образом, во Францию Монкретьен уже вернулся убежденным сторонником развития национальной промышленности и торговли, защитником интересов *третьего сословия*. Свои новые идеи он начал осуществлять на практике. Женившись на богатой вдове, он основал мастерскую скобяного товара и стал сбывать свой товар в Париже, где у него был свой склад. Несмотря на громкое название, он написал сугубо практическое сочинение — «Трактат», в котором пытался убедить правительство в необходимости всестороннего покровительства французским промышленникам и купцам. Монкретьен выступает за таможенный протекционизм — высокие пошлины на иностранные товары, чтобы их ввоз не мешал национальному производству.

За что и за кого сегодня выступают наши и зарубежные экономисты? Думается, первые уже в большинстве своем потеряли политэкономическую парадигму даже на интуитивном уровне. Об этом свидетельствует исключительная редкость работ по фундаментальным проблемам развития. Собственно, на эти работы нет и социального заказа, потому что наши политики, если понаблюдать на их поведение, как бы родились мудрецами. Зарубежные же экономисты очень различны по своему составу и теоретической направленности. Вспомним оценку того У. Баумоля, который дал оценку западной экономической мысли за сто лет после А. Маршалла — это работы частного порядка на второстепенную тематику. Но мэйнстрим потому и основное течение, что формирует «стиль научного мышления». Те, которые не

понимают его и не признают из-за того, что он не отражает реальности, не печатаются в «назначенных» журналах, будут в лучшем случае обойдены вниманием. «Науку часто сравнивают с поиском истины, где истина – нечто абсолютное, существующее независимо от наблюдателя. Но я рассматриваю науку, – пишет Р. Ауманн, – больше как поиск понимания, где последнее связано с наблюдателем, ученым. Такое понимание лучше всего достигается путем изучения взаимосвязей – между различными идеями, различными явлениями; между идеями и явлениями»¹¹. Но, как отмечал еще один нобелевский лауреат Р. Шиллер, выбирая себе направление исследования, экономисты поддаются стадному чувству, и тот, кто не прельстится общими темами, может многое выиграть. Этот выигрыш будет иметь эффект общественного блага, поскольку должен дать прирост знания, которого сегодня так не хватает и которое есть не менее ограниченный ресурс, чем, например, нефть, газ и пр.

Ответ на вопрос №6. Есть острые проблемы, была реакция на них четыреста лет тому назад, что обусловило и развитие политэкономии и, естественно, реальной хозяйственной системы. Возникли на новом витке новые проблемы, обострились противоречия, разрушительная сила которых значительно усилилась. Но одновременно активизировались и умы, которые пытаются расщепить возникающие вопросы в политэкономическом фокусе. Последний высвечивает не только универсальные законы и закономерности эволюции системы отношений мир-экономики и национальных хозяйственных единиц, но и позволяет зафиксировать в них общее и особенное не только в структуре отношений, но в хозяйственных формах, к которым сегодня обращаются представители институциональной теории. Но институциональная и эволюционная теории не могут заменить политэкономическое знание. Какие бы ни были глубокие разработки, например, частных теорий физики, но общая физика со своим предметом и гносеологическими функциями осталась. Так и политическая экономия – она осталась и останется в будущем, поскольку есть для нее старые и новые нерешенные другими частными науками предметные поля.

Но все-таки нельзя не заметить две серьезные проблемы. Первая – обусловлена тем, что политэкономия охватывает своим предметом определенную среду или систему человеческих отношений, проявляющихся как межсубъектные, внутрифирменные, социально-классовые, внутригосударственные, межгосударственные и т.д. Поэтому добываемое из всей информационной «породы» новое политэкономическое знание будет

---

¹¹ Ауманн Р. О чем думают экономисты: Беседы с нобелевскими лауреатами / Под ред. П. Самуэльсона и У. Барнетта: пер. с англ., 2-е изд. М., 2010. – С. 454.

иметь двойственную оценку: от правды до вымысла и мифа. Королям, которые когда-то сподвигли возникновение политэкономии, тоже не всегда необходима правда о жизни, равно как и то, что эта правда станет достоянием их королевства. К тому же захватившие умы средства массовой информации приобрели статус новой собственности, нового ресурса, научившегося умело манипулировать правдой и вымыслом. Обособившийся от науки и частично от политического процесса, но зависимый от источника финансирования, институт экономической науки, к сожалению, ушел от поиска истины. Наука должна быть полезной, а не стремиться к истине, которой, как считают некоторые экономисты, нет. Вторая проблема обусловлена кадрами, которые могут работать на трудном, вредном и опасном политэкономическом поле. Сегодня только благодаря энтузиастам исследуются и озвучиваются крайне неудобные вопросы, как для капитала, так и для политики и политиков.

Политэкономия, пожалуй, единственная наука, которая оказалась сегодня за «бортом» своего освоения и развития на новой основе и даже исключена из научных классификаторов, учебных планов, программ вузов. Но дело не только в этом. Дело в том, что устранение политэкономических научных и образовательных традиций лишило политика, хозяйственника, индивида основы рационального, адекватного изменяющейся практике мышления, т.е. методологии, способу, методам и инструментам получения знания. Бормотание «спрос - предложение!» или «планирование и контроль!» не могут ответить на вопрос, например, а в чем все-таки суть кризиса и почему растут цены. В нашей современной ситуации такого «общепринятого», хотя и не осмысленного и тем более нерационального бормотания с разных сторон о рыночном равновесии, свободной модернизации и либерализации, к сожалению, можно услышать довольно много. Итог относительно рыночных преобразований и модернизации можно посмотреть как по статистическим справочникам, так и по окружающим явлениям. Он пока не может впечатлять ни по результатам молодых реформирующихся стран, ни по миру в целом. Общий мировой экономический кризис, начавшийся в 2008 году убедительно подтвердил, что сложившаяся западная политико-экономическая модель нуждается в серьезной реконструкции, а ее теоретическая основа – экономическая теория с неоклассической методологией в принципиальной парадигмальной замене.

Определение же верной «формулы» экономической идеологии, т.е. теории, в которой идея первична, в современных условиях является крайне важной теоретической и практической проблемой, замыкающей различные стороны человеческой деятельности, включая отношения собственности, на неформальном и формальном уровне, обеспечивающей повышение конкурентоспособности экономик, социально-экономического *развития и*

роста, их источниками, факторами и условиями. В частности институциональная среда может, как ограничивать, так и расширять границы производственных возможностей за счет формирования *социального капитала*, имеющего сложную структуру и механизмы деятельности в пространстве и во времени. Но это связано, прежде всего, с *институциональными изменениями*, имеющих дискретную траекторию эволюции и, в свою очередь, сопровождаются неравномерным распределением издержек на создание новых институтов, извлечением и присвоением инициаторами реформ разного рода *трансформационной ренты*. Изменение величины издержек и рентных доходов между членами общества создает условия для поддержки или же торможения проводимых политико-экономических мероприятий. Также, как показывает анализ истории и теории реформ, любая институциональная система имеет свой *предел положительной отдачи от своего функционирования*, поскольку затраты на ее поддержание в прежнем качестве будут превышать общий полезный эффект. Поэтому крайне важно заниматься *институциональным планированием и проектированием*, выявляя *историческую обусловленность и предпочтения* стран в возможном выборе своих правил и норм координации, определяя путь и механизмы закрепления неформальных отношений в формальные эффективно действующими институтами. Институциональное планирование должно стать прерогативой не только государства, но и *общественных органов*, чтобы исключить присвоение трансформационной ренты государством или частными лицами. Собственно, выше названные проблемы можно обобщить как *политэкономия институтов*. Критерием смены одних институтов на другие выступает соотношение затрат и выгод, общественной пользы от институциональных инноваций. *Переходные институты* в эпоху системных трансформаций играют роль общественно-экономических *стабилизаторов*, а посему должны занять в экономической политике особую значимость.

Таким образом, при всем притом, что в настоящее время экономическая наука утратила свою эвристическую объективность, все же хаотичная реальность и неопределенность рано или поздно заставляет теорию выстраивать свои заключения в соответствии с требованиями жизни, т.е. экономическими законами и социальными требованиями. Тенденции таковы, что справедливость представляет главную основу общественного устройства. И если она нарушается, то это представляемое человеческим сообществом здание, воздвигаемое и скрепляемое самой природой, немедленно рухнет и обращается в прах. О таком крахе современной экономической цивилизации могут напоминать слишком многие факты из практики. Книги Т. Пикетти «Капитал в 21 веке» и двухтомник профессоров МГУ им. Ломоносова

А.В. Бузгалина и А.И. Колганова «Глобальный капитал» помогут эти факты актуализировать, систематизировать и обобщить.

Политэкономия в процессе своей эволюции прошла ряд этапов, модифицируя свою парадигму и методологический аппарат, инструментарий. Есть разные названия, которые сегодня предлагаются для этой научной дисциплины: геоэкономика, глобальная политэкономия, социномика, неополитэкономия и т.д. В нашей версии она получает название – *«теоретическая экономика»*. Последняя фиксирует другой уровень развития политической экономики, как интегральной идеальной конструкции, отражающей широкий, но обобщающий спектр современных технологических, правовых, социально-экономических процессов, нравственно-этических и культурологических тенденций. В ней стоимость и ценность, как базовые категории классической политэкономии и неоклассической теории, интегрируются в категорию *«институциональная ценность»*. Именно последняя, как нам видится, является тем *общественным нормативом*, подобный стоимости или ценности, который уже регламентирует поведение людей в «новой экономике». И затем, если быть до конца последовательным, то сам факт признания «новой экономики», которая сегодня же охватывает около 75% занятых, подводит к необходимости признания возникновения новой науки об этой сфере деятельности, принципиально изменившей всю современную хозяйственную систему.

Экономическая наука в широком смысле слова многогранна, как разнообразен хозяйственный мир. В фундаментальной своей части она фиксирует тот набор элементов, связей, отношений, который образуют хотя и общую относительно устойчивую систему, воспроизводящую уровень освоения человеком природной среды, технико-технологического развития, степень психо-биологической и социально-экономической самоидентификации индивида, формы и параметры его защиты. Приведем рисунок, отражающий тенденцию эволюции политэкономии и ее результат (см. ниже).

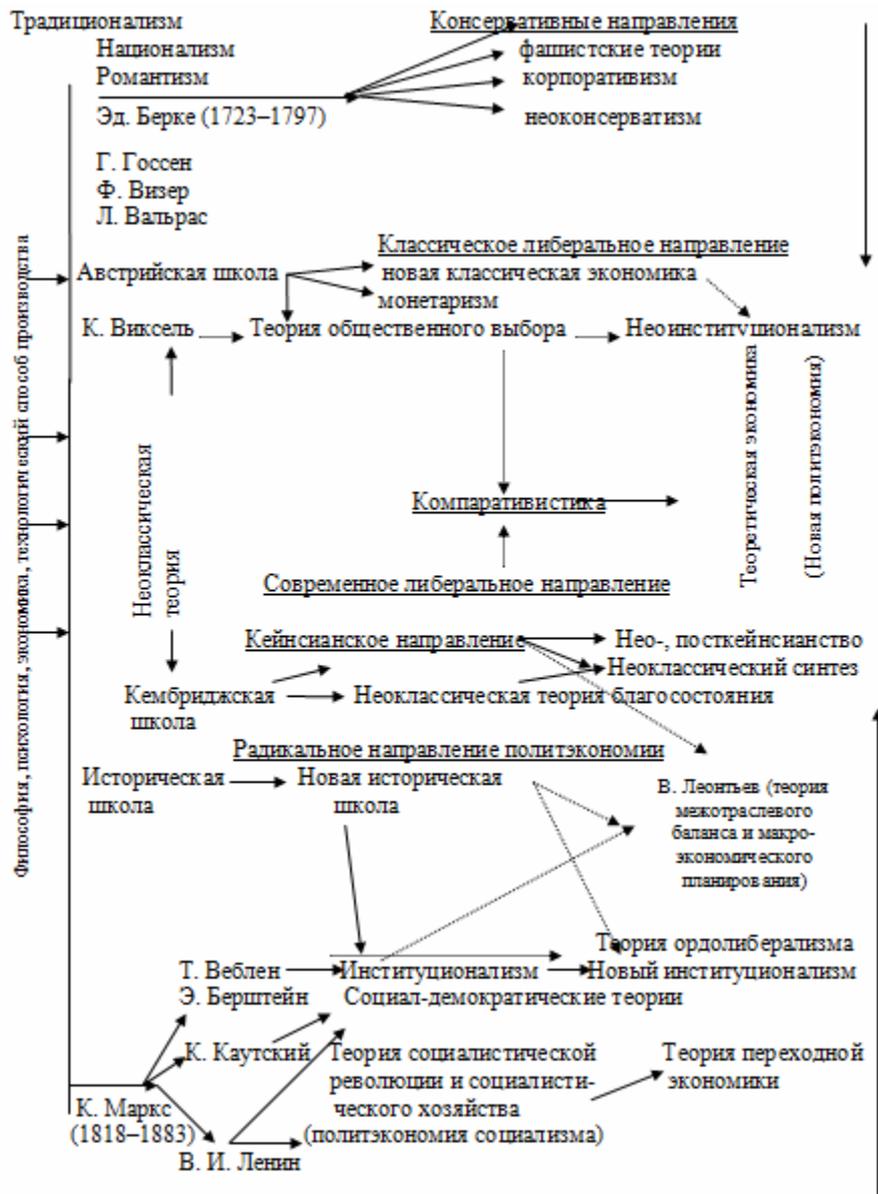

Рис. 1. Основные направления развития и тенденции современной теории экономики

Таким образом, *теоретическая экономика (новая политэкономия)* – это формулировка общих законов институционального устройства и развития мирохозяйственной системы и ее конкретных хозяйственных порядков, определение принципов их функционирования и управления, а также форм отношения поведения людей, реализующих в своей деятельности присущие им интересы¹². Этим, не претендующим на всю полноту отражения изменений в

¹² Для сравнения приведем некоторые другие определения экономической науки и ее предмета. «Определить законы, которые управляют... распределением – главная задача политической экономии» (Риккардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения / Д. Риккардо. - М., 1955. – С.30); «Экономическая наука занимается изучением того, как люди существуют, развиваются и о чем они думают в своей деятельности. Но предметом ее исследования является главным образом те побудительные мотивы, которые наиболее устойчиво воздействуют на поведение человека в хозяйственной сфере его жизни» (Маршалл А. Принципы

современной экономике, определением делается попытка, во-первых, зафиксировать естественное и закономерное развитие предмета науки об экономике, которая также эволюционировала в количественном и качественном направлениях. Во-вторых, хозяйственный мир¹³ – это сложный, но все же целостный мир, который требует такого же целостного к себе подхода и анализа.

Институциональное теоретическое основание закладывает не только начала такого синкретичного восприятия, но и определяет наполнение дедуктивных заключений теми же конкретными формами, в которых осуществляется историко-практическая деятельность¹⁴. Определяя экономическую науку (экономикс, экономическую теорию) через ограниченные ресурсы и конкурирующие цели, мы заранее ограничиваем себя в ответе на вопрос: почему разные страны, располагающие примерно равными, а может и большими ресурсами, имеют принципиально разные результаты в социально-экономическом прогрессе. В-третьих, обращение к теоретической экономике как естественному этапу научного развития обнаруживает *синтез* сущностного эзотерического подхода с феноменалистским экзотерическим. И снова, как во времена классической политэкономии, исследовательская аксиоматика закладывается на сущностном уровне, отражающем связь человека с природой, имеющимся технологиями, мировым сообществом. В-четвертых, теоретическая экономика ставит задачу (по крайней мере, это вытекает из анализа имеющихся в науке и практике проблем) в зависимости от конкретных целей явно или имплицитно проводить многоуровневый «срез» общественно-экономической системы, относясь к последней как к действительно реальной, а не абстрактной системе. Точкой отсчета в отличие, например, от эпохи классицизма, когда воспроизводилась национальная политико-экономическая система, здесь выступает обобщенное отражение современной мировой эпохи с ее

экономической науки / А. Маршалл. – М., 1993. – Т.1. – С.69); «Предмет политической экономии составляют общие законы производства и распределения» (Пезенти А. Очерки политической экономии / А. Пезенти. - М., 1976. – Т.1. – С.93); «Экономическая теория [такую дефиницию получила наука «экономика» после русского перевода] есть наука об использовании производительных ресурсов для производства различных товаров... и распределения их между членами общества в целях потребления» (Самуэльсон П. Экономика / П. Самуэльсон. – М., 1964. – С.25); «Наука должна дать точное определение отдельных, частных хозяйственных порядков и показать, каким образом происходит их соединение в рамках общего порядка» (Ойкен В. Основы национальной экономики / В. Ойкен. – М., 1996. – С.79-80); «Экономика как общественная наука изучает поведение индивидов и институтов, занимающихся производством, обменом и потреблением товаров и услуг (Макконнелл К.Р. Экономикс / К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю. – М., 1992. – Т.1. – С.21); «Политическая экономия есть общественная наука, изучающая хозяйственную деятельность народов, или, еще короче – политэкономия есть наука о народном хозяйстве» (Чупров А.И. Курс политической экономии / А.И. Чупров. – М., 1914. – С. 16).

¹³ Категория «хозяйство» значительно шире категории «экономика», поскольку отражает, во-первых, сферы деятельности, прямо не попадающие в денежное измерение, а, во-вторых, конкретизирует формы, порядки, в которых проявляется экономическая реальность.

¹⁴ В. Ойкен употребляет категории «порядок», «хозяйственная конституция», а Дж. Бьюкенен ориентирует в своих исследованиях на раскрытие «конституции экономической политики».

тенденциями развития. Для чисто экономического анализа это дает ориентир на поиск новых факторов, влияющих на спрос и предложение, на выяснение дополнительных источников производства продукта, дохода и пр. Вспомним учение А. Смита о производительном и непроизводительном труде, организационном факторе А. Маршалла или эффективном спросе Дж. Кейнса. Скажем так, теоретическая экономика должна сконструировать через адекватную систему категорий современную «хозяйственную конституцию», в структуре которой, так или иначе, занимают соответствующие места национальные государства с их системами хозяйствования. Некоторый парадокс заметен в том, что сами национальные государства, создавая определенные наднациональные рамки, сегодня уже вынуждены их закладывать в своей политико-экономической стратегии. Более частные же теории, например, политэкономия государства, теория окружающей среды, микро-, макроэкономика, теория финансов, региональной экономики, институциональной и эволюционной экономики, восприняв от общей теории исходные аксиоматические установки, дополняют общую экономическую картину на разных уровнях хозяйствования.

В-пятых, теоретическая экономика не стоит ни в начале изучения реальной действительности, ни в конце, как это думают эмпирики, ни рядом. Она расположена в центре процесса познания, задавая его направление и формируя инструменты, которые создаются для получения научного опыта. Иначе говоря, теория без фактов может быть пустой, однако факты без теории просто бессмысленны. В разработке научной хозяйственной картины мира важная роль отводится исходным определениям. Они обобщают результаты определенного анализа, синтезируют частные стороны явления и тем самым «позволяют» работать с этими явлениями, но уже на другом, более глубоком уровне познания действительности. Это четвертый уровень рациональности.

Хотелось бы «развести» понятия «теоретическая экономика» и «экономическая теория». Теоретическая экономика воспроизводит на современном уровне развития науки в целом тот подход к человеку, природе, обществу, которые *в свое время* выполняла классическая политэкономия. Экономическая теория, если использовать не самый лучший, но самый распространенный перевод, выступила следствием научного обеспечения частных задач практики функционирования рыночной экономики. Априори многие социокультурные постулаты принимаются как аксиомы. Вычленяется из всей гуманитарной составляющей человека лишь его утилитарная направленность, которая якобы лежит в основе его мотивации и поведения в условиях ограниченных ресурсов. Если Л. Мизес назвал эту отрасль науки каталлактикой – наукой об обмене, то многие другие авторы отмечают, что

«экономикс» из всей воспроизводственной системы в своем анализе обращается лишь к фазе обмена. Отсюда выводятся спрос и предложение, цена, понятие равновесия и пр.¹⁵. «Недостаточно и далее заниматься экономическими проблемами в рамках традиционной структуры, – пишет Л. Мизес. – Теорию каталлактики необходимо выстроить на твердом фундаменте человеческой деятельности»¹⁶. Зададим себе пока вопрос, а что нам известно о фундаменте (!?) современной человеческой деятельности? Разве спрос и предложение являются основными фундаментальными характеристиками экономической составляющей человеческой деятельности? Поэтому вперед к политической экономии, к которой подталкивает сама жизнь, которая, как оказалось, по своей остроте, интригам и даже трагедии не уступает временам А. Монкретьена.

В. Т. РЯЗАНОВ,
доктор економічних наук, професор,
завідувач кафедри економічної теорії
Санкт-Петербурзького державного університету

Ответ на вопрос №1. Он был непростой и с неодинаковыми результатами. Особенно впечатляющим было рождение классической политической экономии. Хорошо известно, что само появление политической экономии исторически свидетельствовало о рождении новой общественной науки. Характерно, что на начальном этапе само ее название было тождественно понятию «экономическая теория», а в широком плане – и экономической науке как таковой. Классическая политэкономия на протяжении почти всего XIX века была научным лидером, выступая в тот период своеобразным «теоретическим мейнстримом». И такую лидирующую роль выполняла, поскольку, убедительно критикуя уходящий феодализм, предлагала достаточно точную и объемную характеристику преимуществ развивающегося капитализма.

Возникнув в условиях промышленного переворота, приведшего к рождению раннего капитализма, она затем превратилась в неоклассику на этапе его окончательной победы и достижения зрелой формы индустриально-

¹⁵ Надо заметить, что у В. Леонтьева применяется другой подход (input-output) как к равновесию, так и в целом к воспроизводственному процессу.

¹⁶ Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории / Л. Мизес. – М., 2000. – С.10.

рыночного капитализма. Поэтому в одном случае требовался достаточно точный и обоснованный анализ сущностных основ и причинно-следственных связей в объяснении причин возникновения и природы капиталистического рыночного хозяйства, в другом – особое значение приобретала прагматичность, нацеленная на соединение теории с практикой, что и обеспечивалось приоритетностью изучения особенностей его функциональных зависимостей. Исследование оснований капиталистического хозяйства было заменено описанием самого его устройства и функций в расчете на обнаружение способов достижения наивысшей эффективности производства (фактически, прибыльности) при ограниченных ресурсах. К тому же выдвижение неоклассики на ведущую позицию в академической науке подкреплено было достижением господства самого экономического подхода в деятельности общества и утверждением норм рационального поведения в массовом сознании населения стран победившего капитализма.

Ответ на вопрос №2. В мировой экономической науке сама политэкономическая школа, потеряв ведущую роль, не исчезла и продолжает достаточно плодотворно развиваться по самым разным направлениям (например, радикальная политэкономия, постмарксизм, гетеродоксальная экономическая теория и др.). Она институционализована в академическом сообществе, имеет свои международные организации и периодические издания.

Что же касается постсоциалистического мира, то одним из результатов краха социализма стала предпринятая попытка «закрыть» политическую экономию в марксистской версии как науку, относя ее к области сугубо идеологии. В итоге произошло почти полное сворачивание преподавания соответствующих учебных курсов в университетах и институтах, резко сократилась исследовательская работа в этом направлении, кафедры сменили свое название и даже можно говорить о вытеснении самого понятия «политическая экономия» из научного и учебного арсенала. Сегодня предстоит преодолеть «детскую болезнь» отрицания прошлых издержек и вернуть политическую экономию в систему экономических школ.

Ответ на вопрос №3. Необходимо обозначить достаточно четко ее предмет, проблемное поле и методологическое ядро с учетом современного развития капиталистической системы хозяйства и новых глобальных вызовов. Это важно для того, чтобы само политэкономическое знание приобрело определенную целостность и единство, закрепилось в ранге научной школы и учебной дисциплины с разработкой и продвижением соответствующих учебников. Современная политическая экономия может восстановить свой авторитет, если ее последователи смогут выработать и консолидировать свои

методологические позиции, сохраняя все неизбежное многообразие взглядов и оценок по самым разным вопросам теории и практики.

Главное – это обозначить то, что определяет современный облик политэкономии, чем она принципиально отличается от других научных школ и как она объясняет реальные тенденции и перспективы развития. И еще не менее важно обратить внимание на улучшение аналитического аппарата, обогащая его исследовательскими практиками других научных школ, особенно близких по своему духу и направленности (к примеру, институциональной экономики, кейнсианства и посткейнсианства).

Ответ на вопрос №4. Сегодня требуется политическая экономия XXI века, опирающаяся на исторические традиции, одновременно воспринимающая все то полезное, что накоплено в экономической науке, и открытая для диалога, а потому и способная дать ответ на современные вызовы. Примером расширения проблемного поля современной политической экономии как альтернативы неоклассики, должно стать включение в ее состав как всеобщих, так и особенных форм проявления экономической деятельности. И это становится ее важным преимуществом, позволяя уйти от чрезмерной отвлеченности от реальной экономики, что полезно для хозяйственной практики стран, проводящих реформы. Отсюда особое внимание к анализу проблем глобализации и необходимости сохранения многовариантности общественно-хозяйственного устройства национальных экономик и альтернативности развития. Социальная проблематика, экологические ограничения – также должны быть представлены в расширенной версии проблемного поля современной политэкономии.

Ответ на вопрос №5. Потребность в развитии школы политической экономии, бесспорна, имеется, что особенно подтверждается произошедшим мировым кризисом 2008-2009 гг. с трудностями выхода из него, а также нарастанием кризиса в самой неоклассицизме. Ведь кризисные процессы в неоклассической школе приобрели особую остроту, поскольку ее потенциал отстал от произошедших фундаментальных изменений в самой экономике, что привело ее к неспособности выработать точные и достоверные оценки, не говоря уже о прогнозах. Коренным недостатком современного теоретического мейнстрима как примера «чистой теории» стали усиливающаяся отстраненность от живой хозяйственной практики в угоду формализации и теоретического знания, запаздывание в изучении новых проблем, растущий догматизм. И в этом направлении должен произойти разворот экономической науки в сторону изучения реальной экономики, а не абстрактных экономических моделей.

Одним словом, требуется смена парадигмы в экономической методологии в направлении формирования *«качественной методологии»*, опирающейся на междисциплинарный подход. В этом случае политэкономия восстановит свою роль фундаментальной науки в системе экономического знания. Такая переориентация в экономических исследованиях не означает вообще отказа от использования количественных параметров и формализованных моделей, которые остаются в арсенале экономистов, поскольку хозяйственные процессы в полной мере не понять вне количественного измерения. Она, скорее, нацелена на более пристальное внимание к новым средствам познания, хорошо освоенным, к примеру, в антропологических исследованиях, таким как изучение реального поведения людей на основе непосредственных контактов с ними, беседы-интервью, анализ экономических институтов и хозяйственных инструментов (своеобразных артефактов), герменевтический анализ экономических текстов и т.д.

Ответ на вопрос №6. В условиях современных кризисных процессов потребность в выдвижении альтернативных научных парадигм усиливается и этим открывает новое «окно возможностей» для политической экономии. Важно им результативно воспользоваться. Более конкретно речь идет об укреплении аналитически-критической функции политэкономической школы, что нацеливает ее на защиту социальных, гуманистических, экологических приоритетов в общественно-экономическом развитии. В науке всегда должна присутствовать критическая часть. Поэтому современная роль политической экономии заключается в том, чтобы она выступала как независимое от обслуживания власти и идеологии крыло в науке, дающее критические и альтернативные оценки и свободное от идеологических штампов и догм.

Такой подход не исключает необходимости активного включения политэкономов со своим проектом в борьбу идей за видение развития экономики в будущем. Ей есть что сказать и предложить. Тем более, что в условиях нарастания потребности в осуществлении действительного перехода к «новой экономике» политическая экономия получит шанс для укрепления своей позиции.

УДК 330.10

Р. Ф. ПУСТОВИЙТ,
доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономики и управления,
Черкасский институт банковского дела УБС НБУ

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНЫХ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ В АСПЕКТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Многие авторитетные ученые – экономисты справедливо критикуют неоклассическую ограниченность «рационального мышления и поведения» фирм и домохозяйств. Ведь, без сомнения, на хозяйственные процессы устойчиво влияют нормы и правила, которые регулируются культурными ценностями. Об этом свидетельствуют многочисленные международные исследования культурных ценностей, которые непосредственно коррелируют с социально-экономическими индикаторами хозяйственного развития стран¹. При этом подчеркивается, что связь между культурными ценностями и экономическим развитием не является прямой, односторонней и неизменной в разных странах и в различные периоды экономической истории. Также важно учесть и то, что основываясь на превалирующих ценностях и экономических интересах, страны существенно отличаются историческими условиями развития, менталитетом населения и спецификой культуры. Значительное большинство экономического научного сообщества признает, что применение эффективных зарубежных моделей экономических трансформаций будет гораздо более эффективным в случае их институциональной адаптации к окружающей культурной среде.

Так, Д. Норт считает, что экономические трансформации являются сознательным процессом, который объясняется, «ментальными конструктами», сформированными на основе современного и минувшего опыта предыдущих

---

¹ Лебедева Н. Менталитет и экономические успехи нации / Н. Лебедева // Психологический журнал высшей школы экономики. – 2008. – № 2. – С. 20.

поколений. Сущность, собственно, «опыта» или другими словами – «совокупных знаний общества», воплощается в языке, человеческой памяти, системе хранения символов и состоит из верований, традиций, обычаев, которые представляют собой основу культуры социума. Именно культура, не только определяет эффективность социально-экономического функционирования общества, в настоящее время, но и вносит свой вклад в будущий процесс институциональных изменений. Потому именно культурное наследие во многих случаях будет определять успешность экономического развития².

При этом экономическая культура обуславливает не только способ экономического поведения фирм и домохозяйств, но и определяет экономическое развитие регионов, в которых функционируют хозяйствующие субъекты. Одновременно выделяют два основные научные подходы³ изложенного процесса. Первый – поведенческий – акцентирует внимание на фундаментальных составляющих в конструкции экономических действий, их функциональном своеобразии, иерархическом порядке и структурном месте. Второй подход – институциональный – основывается на системе формальных и неформальных правил, мотивирующих хозяйственные действия экономических субъектов и обуславливающих их рациональность, значимость, порядок и целесообразность выполнения predetermined norms, их эффективность в экономической эволюции.

Поэтому именно в рамках институционального подхода обозначается актуальность и важность исследования влияния культурных факторов на экономическое поведение фирм и домохозяйств, и акцентируется внимание на роли культурных факторов в формировании институциональной среды в смысле активизации хозяйственной деятельности экономических субъектов.

С точки зрения экономической науки культуру можно определить достаточно широко, как совокупность символов, институтов и материальных объектов, которые помогают индивидам решать повседневные хозяйственные проблемы⁴. Или, более акцентировано, с учетом проблематики предлагаемой статьи, экономическая культура определяется как совокупность материальных и духовных ценностей, норм, стереотипов и элементов хозяйственного быта, формирующих предпочтения людей и влияющих на неформальные правила «рыночной игры». То есть, экономическая культура является особым звеном

---

² Норт Д. Понимание процесса институциональных изменений / Д. Норт. – М.: Изд. дом гос. ун-та Высшей школы экономики. – 2010. – С. 9, 35.

³ Авьякан А. Экономическая культура как регулятор экономического поведения [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.teoriaipraktika.ru/-1-2013_sociology.

⁴ Олейник А. Культура власти как элемент экономической культуры / А. Олейник // Международная научная конференция «Экономическая культура современного капитализма»: Санкт-Петербург: Smolny. – 2012. – С. 60.

между религией и философией, историей и географией страны – с одной стороны и неформальными институтами – с другой.

Важно также и то, что экономическая культура влияет на выбор, который осуществляют домохозяйства в своей трудовой и портфельной деятельности, а также фирмы – в производственном и инвестиционном поведении⁵. При этом подчеркнем, что экономическая культура регулирует экономическое поведение субъектов хозяйственной деятельности с помощью механизма мотивации, который, в определенной мере, представляет собой «ранжирование ценностей», усвоенных людьми в процессе социализации, в первую очередь – хозяйственной, на цивилизационной основе. Добавим, что законы и неформальные правила экономической деятельности укореняются через материальную, умственную и духовную сферу существования общества, которая, в свою очередь, во многом зависит от ценностей. Последние определяем, как концепт, который характеризуется следующими тремя составляющими: фактуальной, ментальной, языковой⁶. В повседневной экономической деятельности домохозяйства и фирмы применяют данные концептуальные составляющие для определения индивидуальных хозяйственных целей. В качестве смысловой мотивации ценность включает в себя цель как частную перспективную возможность.

Итак, экономическая культура определяется как совокупность социально-экономических ценностей и норм, являющихся регуляторами экономического поведения домохозяйств, фирм, государственных институций и, которая выполняет функции «социальной памяти» как ориентира в хозяйственном поведении. Вместе с этим, отмечаем роль и важность институтов в этом процессе. Ведь, по утверждению Т. Веблена, институциональный процесс является распространением в обществе мировоззренческих ценностей, касающихся функциональных взаимоотношений, возникающих в социуме, а также внедрением определенного порядка жизнедеятельности общества, который состоит из совокупности действующих, в определенное историческое время, ценностей. Другими словами, этот процесс может быть охарактеризован как преобладающая духовная позиция социального образа жизни⁷.

С точки зрения институциональной теории определение Т. Веблена можно интерпретировать следующим образом: под культурой в сфере экономики понимаем совокупность институционализированных способов

---

⁵ Розмаинский И. Экономическая культура как фактор и барьер экономического роста в разных экономических системах / И. Розмаинский // Международная научная конференция «Экономическая культура современного капитализма». – Санкт-Петербург: Smolny, 2012. – С. 68.

⁶ Узлов Ю. Менталитет как институциональный фактор развития экономики / Ю. Узлов // Общество: политика, экономика, право. – 2011. – № 3. – С. 61.

⁷ Веблен Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – М.: Издательство «Прогресс», 1986. – С. 201, 202.

деятельности, при помощи которых общества, организации и индивиды приспособляются (адаптируются) к определенным социально-экономическим условиям и которые состоят из поведенческих знаний, умений и навыков на основе ценностей и традиций.

В свою очередь культура при взаимодействии с менталитетом нации формирует национальную экономическую ментальность и экономическое мышление индивидов, чем обуславливает основу индивидуального экономического поведения, которое базируется на таких сегментах:

- стереотипы потребления;
- нормы и образцы взаимодействия;
- организационные формы;
- ценностно-мотивационное отношение к труду и богатству;
- степень восприятия инновационных идей, технологий и зарубежного опыта⁸.

При этом еще раз подчеркнем, что институты, то есть правила, согласно которым общество организует и осуществляет свою деятельность, такие как формальные: конституции, кодексы, законы, так и неформальные: традиции, обычаи, нормы поведения – в значительной степени обусловлены мировоззренческим базисом данного социума.

Исследование сущности институтов в контексте предлагаемого анализа также требует такого уточнения – хотя приоритеты таких культурных структурных элементов как: убеждения, ценности, преимущества – в некоторой степени является вопросом личного выбора, в то же время, институты являются социально определенными условными стимулами и последствиями действий. Эти стимулы параметрически предоставляются каждому человеку и, следовательно, создают соответствующую мотивационную структуру.

Что же касается реального влияния конкретных культурных факторов на экономическое развитие, то они таковы: доверие, кооперация, готовность воздержаться от оппортунистического поведения⁹. Данное умозаключение основано на восприятии того бесспорного факта, который свидетельствует о том, что доверие и репутация снижает трансакционные издержки и минимизирует проблемы оппортунистического, в частности рентоориентированного, поведения, а также позволяет более эффективно распределять ресурсы.

Указанное актуализируется в транзитивных экономиках, например, в украинской, когда трансформационный переход к новой экономической

⁸ Гайдай Т. Інституційна теорія: дослідження економічної ментальності / Т. Гайдай // Економіка. – 2007, Випуск 93. – С. 5.

⁹ Mokyr J. Culture, Institutions and Modern Growth / J. Mokyr // Understanding Institutions and Development Economics: the Legacy and Work of Douglass C. North. – St. Louis: Tel Aviv University, 2010. – P. 38.

системе означает институциональное развитие в условиях невозможности мгновенного изменения неформальных правил с одновременной необходимостью внедрения новых формальных институтов. При таких обстоятельствах объективно возникает взаимодействие и взаимовлияние формальных и неформальных норм поведения, когда последние имеют большую значимость относительно влияния на экономическое поведение фирм и домохозяйств. При этом, если старые неформальные правила не вписываются в новые формальные, то в результате такого конфликта институциональная реструктуризация значительно увеличивает непроизводительные трансакционные издержки взаимодействия экономических субъектов. В оптимальной ситуации формальные правила создают положительные стимулы для предпринимательского и инвестиционного процесса, а также эффективного использования ресурсов. Наряду с этим важнейшими стимулами указанного являются: надежные и стабильные факторы спецификации прав собственности, «прозрачный» и демократический процесс контрактации, беспристрастная и независимая судебная система.

Подчеркнем, что культурные ценности, которые соотносятся с традициями хозяйственного поведения в транзитивных странах Восточной и Центральной Европы не являются однородными¹⁰. Тем не менее, они имеют некоторые общие черты, в частности: социум рассматривается как единое целое с акцентом на общественные блага и на равенство доступа к программам социального обеспечения. Поэтому в обществах вышеупомянутых стран в дореформенный период преобладали такие культурные ценности, как: коллективизм, эгалитаризм, государственная (коллективная) собственность. В то же время капиталистическая культура ориентируется на такие мировоззренческие ориентиры: прибыль, риск, свобода выбора, индивидуализм. Отсюда, различия между культурой капитализма и преобладающей культурой в странах Центрально-Восточной Европы, а также странах бывшего Советского Союза накануне и с началом трансформаций обуславливались тем, что последняя не находилась в согласованности с формальными институтами капитализма. Именно этим и объясняется чрезмерные трансакционные издержки экономической деятельности хозяйственных субъектов, которые имели место в сфере контроля и обеспечения выполнения новых формальных правил в экономической деятельности. В целом надо признать, что в большинстве случаев конфликт между институтами капитализма и преобладающими культурными ценностями в постсоциалистических странах, обуславливался специфическими

---

¹⁰ Pejovich S. Understanding the Transaction Costs of Transition: it's the culture, Stupid / S. Pejovich // The Review of Austrian Economics. – 2003. – № 16: 4. – P. 351.

транзакційними издержками, которые присущи именно переходному процессу в трансформационных экономиках.

С учетом «эффекта колеи» в социально-экономическом прошлом Украины в общности с Российской империей и Советским Союзом выделим такие традиционные ценности, которые повлияли на исследуемый культурно-институциональный конфликт трансформационного периода¹¹.

Во-первых, это государственно-общинные ценности. По нашему мнению, Украина в составе Российской и Австро-Венгерской империй, в то время не имела возможности иметь ни правового государства, ни гражданского общества, что повлияло на такие ценностные ориентиры будущих граждан Советской Украины как: эгалитаризм, патерналистско-апелляционное отношение к власти в сфере хозяйственной деятельности, уравнилельно-иждивенческие стереотипы, ориентиры на обязанности государства (предприятия) по обеспечению каждого работающего независимо от его производительного вклада.

Во-вторых, это государственно-коммунистические ценности, которые предопределялись тотальным контролем государства за субъектами экономической деятельности, убеждением граждан в необходимости опеки власти в сфере обеспечения их потребностей, негативным отношением индивидов к частной собственности и превалированием коллективной экономической деятельности.

В-третьих, это рыночные ценности. С учетом генезиса трансформационных процессов в постсоветских странах и институционализации теневого сектора имеем как негативные, так и позитивные мировоззренческие факторы. К позитивным факторам относим следующие: предприимчивость, инициативность, склонность к риску, рациональное хозяйственное поведение, направленное на получения прибыли, умение осуществлять целесообразный выбор и реализовать рыночные транзакции с контрагентами, навыки использования локальной информации при анализе рынков. Относительно негативных, выделяем, в частности, такие мировоззренческие ориентиры: потребительский (часто – гедонистический) тип поведения в экономической деятельности и в быту, недостаточный уровень этического рыночного сознания, дегуманизация рыночных и имущественных отношений между индивидами, восприятие как «неизбежного рыночного зла» коррумпированности властных структур, а также криминализацию общества.

Отметим, что всякое экономическое сообщество не способно формироваться и воспроизводиться, если оно не основывается на

---

¹¹ Кузьминов Я. Советская экономическая культура: наследие и пути модернизации / Я. Кузьминов // Вопросы экономики. – 1992. – № 3. – С. 47.

фундаментальних ценностях, разделяемых обществом. Одновременно такой социум не может эффективно функционировать в сфере хозяйственной деятельности, если подавляющее большинство его членов не верят в то, что политико-экономическая элита не руководствуется общепринятыми, в передовых странах глобальной экономики, мировоззренческими ценностями. Вышесказанное обуславливает необходимость восприятия и воплощения в экономическую деятельность таких культурно-институциональных составляющих, как справедливость и доверие, которые являются базовыми элементами всякой политико-экономической легитимности¹².

Действительно, что в рамках демократического общества имеются культурные факторы, которые улучшают качество адаптаций к позитивным экономическим трансформациям и которые одновременно влияют на характеристики, что связывают с экономическим ростом. На основании этого, социальные группы, которые исповедуют данные культурные ценности, будут увеличивать свое относительное количество в популяции до тех пор, пока они не станут способными менять траекторию экономики¹³. При этом необходимо учитывать ту культурную особенность, что убеждения и предпочтения воспринимаются не только от родителей, но и от других людей: сверстников, учителей, политических лидеров, представителей культурного бомонда. Отсюда более предпочтительным является использование в предлагаемом анализе эволюционных моделей экономического роста, которые предусматривают наличие в обществе такого культурного фактора, как мировоззренческая ценность (убеждения), или – единица выбора «мема», когда выбор осуществляется на основе социального обучения¹⁴.

При таких обстоятельствах культурный сегмент усваивается не только от родителей, а модифицируется подобно технологическим инновациям или способам передачи информации в глобальной интернет-сети и, отсюда, видоизменяется персонификация лиц, имеющих весомое культурное влияние на других людей. Указанное означает, что именно от правящей элиты значимым образом зависит общее направление изменений в экономике и именно оптимальные политические решения определяют экономический успех¹⁵. В конечном счете эффективность и компетентность государственного управления является приоритетной сферой в экономическом развитии, так как

¹² Буайе Р. К созданию институциональной политической экономии / Р. Буайе, Э. Бруссо, А. Касте, О. Фавро // Экономическая социология. – 2008. – № 3. – С. 22.

¹³ Clark G. A Farewell to Arms: a Brief Economic History / G. Clark. – New Jersey: Princeton University Press, 2007. – P. 44.

¹⁴ Мокыр J. Culture, Institutions and Modern Growth / J. Mokyr // Understanding Institutions and Development Economics: the Legacy and Work of Douglass C. North. – St. Louis: Tel Aviv University, 2010. – P. 39.

¹⁵ Богомолов О.Т. Роль неэкономических сфер в модернизации экономики / О.Т. Богомолов // Развитие и экономика. – 2011. – № 1. – С. 86.

ошибки в этой области приводят к серьезным социально-экономическим провалам. Данный вывод подтверждает Ж. Сапир, который с точки зрения институционального анализа, выделяет уровень экономической культуры людей, принимающих экономические решения как на макро- так и микроуровне. При этом учитываем, что представители разных сегментов социума являются носителями различных культур, которые отличаются друг от друга мировоззрением, ценностями, навыками и предпочтениями¹⁶. В свою очередь изменения, которые произошли в последнее время в социально-политических, экономических и технологических сферах обусловили существенные сдвиги в культурных основах современного глобального мира.

В целом, с учетом институциональных трансформаций, культура модифицируется в медленном темпе. Но иногда бывают случаи, когда культурные изменения совершаются сравнительно быстро вследствие невозможности противодействия правящей элиты или мощного экзогенного шока, который бросает вызов существующим культурным ценностям.

Примером могут служить те изменения, которые произошли в мировоззренческих ориентирах украинских граждан после распада Советского Союза и трансформации экономики Украины от административно-командной к рыночной. Хотя наиболее ключевые, усвоенные в раннем возрасте, культурные факторы, влияющие на хозяйственное поведение, в дальнейшем подвергаются изменениям сравнительно незначительно. Это объясняется тем, что, во-первых: для изменения ключевых элементов мировоззренческой системы общества необходимо осуществить единовременное массовое и сильное воздействие, как в социально-экономической, так и в идеологической сфере; и, во-вторых: сокровенные ценности человека является индивидуально значимыми, что порождает неосознанный страх потери уверенности в себе.

Как правило, культурная селекция осуществляется при помощи определенных опознавательных стандартов, которые заставляют людей совершать именно данный культурный выбор, а не другой. Тип изменений в оценках и их уровень притязаний зависит от технологических параметров передачи культурных ценностей, культурных и институциональных структур, которые функционируют в обществе. При этом культурный выбор является интроспективным, когда культурная ценность, даже самая важная, предполагает восприятие и других ценностей и предоставляет новым культурным элементам возможности для конкуренции на рынках идей и ценностей.

---

¹⁶ Сапир Ж. Экономическая культура, технологическая культура, организационная культура // Истоки. Выпуск 3 / Я. И. Кузьминов, В.С. Автономов, О.И. Ананьин. - М.: Изд. Дом ГУ – ВШЭ. – 1998. – С. 169.

В целом существуют, по крайней мере, три автономных механизма, которые объясняют влияние культурных и институциональных факторов на экономический рост¹⁷.

Первый. Культурные убеждения является ключевыми для стимулирования кооперации, а, отсюда, рыночного обмена. Одновременно доверие является основополагающим инструментом снижения транзакционных издержек и влияет на обмен путем «механизма экономического роста по Смиту»¹⁸. В свою очередь лояльность во взаимодействиях с контрагентами также связана с доверием в смысле минимизации проблемы «принципал–агент», которая в значительной степени основывается на эффекте Данлинга-Крюгера, когда в целом менее компетентные люди имеют более высокое мнение о своих способностях, чем это свойственно людям компетентным.

Второй. Индивидуальные добродетели рассматриваются как моральные факторы для достижения экономического успеха, а именно: бережливость – связана с накоплением капитала; трудолюбие – определяет затраты труда и эффективность усилий; умеренность – влияет на производительность; милосердие – помогает избежать опасений риска. Очевидно, что в реальной хозяйственной практике, ни одно из перечисленных достоинств не является стопроцентной гарантией экономического роста, но, по всей видимости, существует непосредственная связь между указанными обстоятельствами и реальными примерами экономической деятельности.

Третий. Имеет отношение к пониманию экономическими субъектами окружающего физического мира и природных закономерностей, а также его использование в собственных интересах, что является первостепенной важностью культуры общества в целом. Без сомнения, экономический прогресс во многом определяется технологической креативностью индивидов, на которую, в свою очередь, существенно влияют культурные предпосылки.

Общеизвестно, что решающим фактором экономического развития является повышение производительности труда, которое достигается вследствие повышения квалификации трудовых ресурсов, совершенствования организационного менеджмента и производства, внедрения технологических инноваций. Однако, желание инвестировать в эти сегменты экономической системы зависит от стимулов, которыми располагают фирмы и домохозяйства, а также институциональной среды, которая предоставляет экономическим субъектам сигналы относительно эффективных способов использования ресурсов, активов и времени в условиях заданных мотивов. Если правила

¹⁷ Mokyr J. Culture, Institutions and Modern Growth / J. Mokyr // Understanding Institutions and Development Economics: the Legacy and Work of Douglass C. North. – St. Louis: Tel Aviv University, 2010. – P. 50.

¹⁸ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АТС». – 2004. – С. 4.

«рыночной игры» направляют бизнес и власть к рентоориентированному поведению, то инвестиционный диапазон сужается, исчезают возможности для усовершенствований в сегментах обучения трудовых ресурсов, технологий и менеджмента, что, разумеется, тормозит темпы экономического развития.

Таким образом, имеющиеся отличия в экономических показателях стран обуславливаются «правилами рыночной игры» и инструментами, которые обеспечивают их соблюдение, то есть институтами. В странах с низким уровнем экономического развития отсутствует институциональная конструкция, которая гарантирует четкую спецификацию прав собственности и выполнение контрактных обязательств, не созданы благоприятные условия для установления в обществе принципов социального партнерства и отсутствуют возможности для масштабного использования преимуществ в сфере специализации производства товаров и услуг.

При этом акцентируем внимание на том, что страны глобальной экономики в культурном аспекте весьма несхожи, и, отсюда – отличительными признаками являются культурные нормы, которые в большей или меньшей степени способствуют или, напротив, тормозят рыночное развитие институциональной среды. Если с экономической точки зрения культура является инструментарием саморегулирования поведения хозяйственных субъектов, то она, как уже отмечалось, или увеличивает, или уменьшает трансакционные издержки. То есть, если в рыночной экономике общепризнанные обществом правила поведения воспринимаются как легитимные, то это способствует экономическому развитию. Иными словами, культура или создает или разрушает легитимность институциональных структур, которые различными способами стимулируют деятельность экономических субъектов.

Следовательно, объяснить успешность или неудачность экономического развития страны возможно с учетом таких факторов как: экономические институты и культурные факторы, а также особенности государственной политики. В странах, где отсутствует четкая спецификация прав собственности, прослеживается чрезмерное бюрократическое администрирование предпринимательской деятельности, не реализуется ответственная монетарная и денежно-кредитная политика, не представляется возможным достижение стабильного экономического роста. При этом также необходимо признать, что одним из важнейших аргументов экономического развития являются культурные факторы, которые непосредственно и значительно влияют на «правила рыночной игры», определяют характер взаимодействий субъектов экономической деятельности и мотивируют их поведение в сфере использования ресурсов и активов. Одновременно при исследовании

функционирования экономики на особое внимание заслуживают такие культурные факторы как: доверие, кооперация, исторический фундамент государственно-правовой эволюции страны. Последнее имеет основополагающее значение относительно возможностей ограничения власти в ее стремлениях к оппортунистическому и рентоориентованному поведению. И в завершение, подчеркнем, что культурные факторы непосредственно связаны с возможностями экономической системы к генерации, поощрению и распространению научных и технологических инноваций, что в конечном итоге создает условия для экономического развития.

400-РІЧЧЯ ПОЛІТИЧНОЇ ЕКОНОМІЇ: ІСТОРІЯ ЗВЕРШЕНЬ ТА НОВІ ОБРІЇ

У стінах Інституту економіки та прогнозування 20 квітня 2015 р. відбулася Міжнародна наукова конференція «Політична економія на сучасному етапі: історичні виклики та перспективи». Ініціаторами та організаторами її проведення виступили Інститут економіки та прогнозування НАН України та громадська організація «Всеукраїнська асоціація політичної економії».

2015 рік є особливою датою для політичної економії та потужної світової спільноти науковців, що працюють на її ниві. Саме у ці знамені дні однієї з найдавніших наук людства виповнюється ювілейні 400 років. Тож слушний час, з одного боку, оцінити величезний внесок до скарбниці людського знання, здобутий багатьма поколіннями вчених у наполегливій, напруженій та старанній інтелектуальній праці, невпинній гносеологічній борні з непізнаним, відвертих, жвавих та гострих дискусіях, що іноді точилися цілими десятиліттями. А з іншого, є нагода, підбивши проміжні результати, задуматись про майбутні звершення, визначити «білі плями» на «глобусі» сучасної фундаментальної економічної науки, накреслити хоча б приблизні обриси політичної економії прийдешнього, дати свої настанови новим генераціям політекономів, що продовжать естафету вічно живої та завжди бурно квітучої науки. Саме у такому конструктивному руслі й пройшла міжнародна наукова конференція політекономів.

Із вітальним словом до учасників зібрання звернувся академік НАН України, директор Інституту економіки та прогнозування НАН України **В.М. Геєць**, який навів розгорнуту картину формування історичних засад розуміння суспільства як відокремленої частини матеріального світу, розкрив його суперечливі співвідношення з державою та економічним буттям. У доповіді В.М. Геєця «Суспільство, держава і економіка у дзеркалі політичної економії» було проаналізовано генезис предмету політичної економії, окреслено основні етапи, які вона пройшла за 400 років свого існування, акцентовано увагу на нових її баченнях, показано перспективні напрями її подальшого розвитку в умовах стрімких перетворень у світовій та національній економіках.

Виступ экс-віце-прем'єр-міністра, экс-міністра фінансів Польщі, керівника Дослідницького центру з проблем трансформації, інтеграції і

глобалізації **Гж.В. Колодко** «Політекономія майбутнього» був присвячений аналізу основних тенденцій, що визначатимуть обриси майбутнього, виявленню головних диспропорцій у соціально-економічному розвитку та пошуку шляхів їх розв'язання. Зокрема, він зазначив, що наближається момент чергового революційного скорочення робочого часу – до чотирьох днів на тиждень або до шести годин на день. На користь такого повороту подій свідчить ряд факторів: не тільки порівняно високий рівень споживання у найбільш розвинутих країнах, але й високий рівень безробіття. З одного боку, подальше зростання споживання в багатих суспільствах вже практично не викликає зростання задоволення від життя (і роботи), з іншого ж – в світі кожний десятий у працездатному віці не має роботи. Й економічним, й соціальним нонсенсом є підтримка системи, в якій одні надто багато працюють й разом з тим отримують досить пристойний заробіток для задоволення потреб, що зростають, а інші залишаються без роботи і навіть без мінімальних доходів, аби бути здатними задовольняти хоча б мінімальні потреби. Він наголосив, що основний урок, який нам надає політична економія майбутнього полягає у тому, що все те, що відбувається, може здійснюватись досконаліше, краще, оскільки ми все краще розуміємо, що від чого залежить. І це розуміння – величезний капітал.

У своїй доповіді «Політична нооекономіка» д.е.н., професор, экс-радник Президента України **А.С. Гальчинський** звернув увагу на загальноекономічні засади взаємозалежності «ноосфера-нооцивілізація-нооекономіка» як вузлових визначень нової епохи та розкрив підґрунтя актуалізації політичної економії та її трансформації у політичну нооекономіку, що є основою формування нової парадигми економічних знань. Він зазначив, що сучасна реальність переконливо доводить, що порядок денний економіки виробництва товарів значною мірою вичерпано. У ній не залишається місця для креативних інновацій. Основоположним для системних інноваційних трансформацій стає визначення механізмів трансформації економіки товару в економіку людини. Функцію обґрунтування відповідних механізмів покликана перебрати на себе політична нооекономіка, яку в контексті розставлених акцентів правомірно трактувати і як політекономію людини. Така визначеність нової парадигми політекономічних знань, зазначив доповідач, могла б бути достатньо логічною. Інша детермінанта ноостичної парадигми економічного розвитку - це прогресуюча дематеріалізація економічного простору. Постматеріальних - визначень набуває і нооекономіка, «економіка душі», предметом аналізу якої стає принципово новий - постматеріальний канал економічної еволюції суспільства.

Дискусію продовжив член-кореспондент НАН України, заступник директора Інституту економіки та прогнозування НАН України **А.А. Гриценко**, повний текст виступу якого «Політична економія в історії та сучасності» публікується у даному числі журналу.

Виступ д.е.н., професора, завідувача кафедри економічної теорії економічного факультету Санкт-Петербурзького університету **В.Т. Рязанова** був присвячений проблемам розгортання економічних криз в умовах капіталістичної системи господарювання в контексті становлення й розвитку політико-економічного підходу. У своїй доповіді проф. В.Т. Рязанов особливу увагу приділив історії розробки теорії економічних криз при капіталізмі та виокремив два основних напрями у розвитку економічної науки. Один напрям представляють наукові школи, що заперечують об'єктивні основи криз перевиробництва у ринковій економіці та зосереджуються на розробці моделей безкризисного розвитку. Протилежного напрямку дотримуються наукові школи, які визнають існування об'єктивних причин криз, що має практичне значення для розробки ефективних антикризових заходів. Доповідач обґрунтував необхідність актуалізації політекономічного підходу до аналізу кризових процесів сучасного капіталізму. Його реалізація обумовлює особливу увагу до різних версій виникнення перенагроювання капіталу, що відіграло ключову роль у зародженні світової кризи 2008-2009 років.

Свої роздуми до 400-річчя терміна «політична економія», виклав член-кореспондент НАН України, декан економічного факультету Київського національного університету імені Тараса Шевченка **В.Д. Базилевич**, розкривши погляди на політичну економію з позицій історії та сучасності. У своїй доповіді він акцентував історичні особливості генезису терміна «політична економія» та проаналізував зміни його змістовного наповнення в історії економічної думки. Політична економія не є однорідною, моністичною наукою, оскільки на різних історичних етапах її репрезентували різні наукові традиції, що співіснували в межах наукової економічної ортодоксії та гетеродоксії. В.Д. Базилевичем було виокремлено та проаналізовано вплив комплексу якісно нових чинників активного відродження уваги та інтересу до політичної економії як філософії економічної науки, світоглядної та загальнометодологічної основи для низки традиційних та новостворених галузевих економічних дисциплін. Наприкінці виступу було зроблено висновок щодо актуалізації наукового пізнання визначальних мегатрендів сучасного господарського розвитку та необхідності залучення метафізичного дискурсу до вирішення політекономічних проблем.

Дослідження проблем еволюції предмету та методу політичної економії як науки про функціонування та розвиток ринкової системи, її співвідношення з

господарською практикою презентував у своєму виступі член-кореспондент НАН України, ректор Одеського національного економічного університету **М.І. Зверяков**, повний текст виступу якого публікується у першому номері журналу «Політична економія».

Академік НАН України, головний науковий співробітник Інституту економіки та прогнозування НАН України **О.Г. Білорус** продовжив наукову дискусію, звернувши увагу на те, що сучасний розвиток постіндустріальної, постеконімічної глобалізації і глобальної інтеграції, формування світ-системи глобалізму знаменується дією ряду основних закономірностей і об'єктивно діючих економічних законів. Одним з таких законів, на його переконання, є закон глобальної неоконвергенції соціально-економічних систем. На відміну від відомої конвергенції політично-антагоністичних систем – ринкової і командно-адміністративної (централізованої), неоконвергенція, зазначив доповідач, – це складний всесвітній процес зближення, взаємовпливу і співрозвитку однотипно-ринкових систем, які мають різні рівні цивілізаційного, економічного, технологічного і соціально-культурного розвитку. На основі новітніх досліджень і отриманих нових знань він розкрив механізми дії відповідних напрямів неоконвергенції та її імперативи (повний текст доповіді публікується у першому номері журналу «Політична економія»).

Проблемам глобальних криз ХХІ століття, особливостям політекономічного підходу до їх розуміння присвятив свій виступ член-кореспондент НАН України, науковий консультант Українського центру економічних і політичних досліджень імені Олександра Разумкова **В.Р. Сіденко**. Він, зокрема, зазначив, що структурний та інституційний характер нинішніх глобальних криз робить їх тривалими, оскільки для істотної зміни фундаментальних структурних характеристик та базових інституційних параметрів потрібен час: ці структури є дуже інерційними саме через їх фундаментальність, вкоріненість в основоположні ціннісні структури суспільства.

Доповідач звернув увагу аудиторії на те, що новітні глобальні кризи – внаслідок їх розвитку під впливом багатьох факторів, дія яких виходить за межі впливу національних урядів – у принципі не можуть бути подолані в рамках часткових антикризових заходів окремих країн, навіть якщо останні вживаються скоординовано. Вони потребують комплексного багаторівневого підходу, в рамках якого спільні заходи на глобальному рівні органічно поєднуються із міжнародними регіональними заходами, заходами на національному, регіональному всередині окремих держав та місцевому рівнях. Сама ж економічна наука входить у період високої турбулентності, коли відбуватимуться значні зміни в існуючих інтелектуальних парадигмах. У своїй

боротьбі зі старими підходами ці нові парадигми намагатимуться досягти більш адекватного відображення провідних характеристик нового світового порядку, який має шанс народитися в ході нинішньої епохи глобальних соціально-економічних криз.

Член-кореспондент НАН України, зав. кафедри політичної економії обліково-економічних факультетів ДВНЗ «Київський національний економічний університет ім. В. Гетьмана» **В.С. Савчук** у своїй доповіді «Еволюція і спадковість в політичній економії та її викладання в Україні» наголосив на проблемах еволюції та творчого розвитку теоретичної економічної науки від класичної до сучасної політичної економії. Звернувши увагу на основні погляди видатних представників зрілого класицизму, марксистського напрямку економічної думки, неокласиків, кейнсіанства на теорії трудової вартості, теорії доходів, теорії капіталу та відтворення, він простежив історичну спадкоємність предмету класичної та сучасної політичної економії, показав особливості розширення її предметного простору. Особливу увагу доповідач зосередив на розгляді проблем викладання політичної економії в сучасних умовах в університетах України та в провідних західних університетах, надавши пропозиції по удосконаленню процесу викладання політичної економії у вітчизняних вищих навчальних закладах.

Основний фокус у виступі д.е.н., професора, зав. кафедри політичної економії Національної металургійної академії України **В.М. Тарасевича** був сконцентрований на атрибутах субстанціональності політичної економії та її долі (повний текст доповіді опубліковано у даному номері журналу).

Дискусія щодо витоків та подальших напрямів розвитку політичної економії як науки отримала розвиток у виступі д.е.н., професора, зав. кафедри економічної теорії Національного університету «Києво-Могилянська академія» **Ю.М. Бажала** «Політекономія інновацій». У доповіді було зроблено стислий огляд історії розвитку політекономії як пошуку відповіді на два центральних питання: «Як держави багатіють?» чи, іншими словами, «Звідки береться додана вартість?». Показано, що кожна нова теорія політекономії висувала новий головний фактор у якості рушійної сили економічного розвитку країни. На донауковому етапі генезису політекономії таким фактором вважали військову силу, що дозволяє збагачуватись через захоплення ресурсів інших країн. Меркантилізм ототожнював рівень багатства держави з обсягом її золото-срібних запасів, який міг збільшуватись тільки через міжнародну торгівлю. Фізіократи вважали таким основним фактором землю, і, відповідно, розвиток сільського господарства. Класики переконали, що основою багатства є будь-яка праця. Неокласики затвердили віру, що економічне процвітання забезпечує вільне ціноутворення на конкурентних ринках. Кейнсіанці висунули

на перший план фактор інвестицій в умовах макроекономічної рівноваги. В сучасній Україні можна зустріти чимало експертів і політиків, які й тепер свої рекомендації методологічно базують на якійсь з цих концепцій. Проте історія засвідчує наявність «життєвого циклу» кожної з цих теорій. Тобто спочатку їхнє практичне впровадження сприяло поступу людської цивілізації, але надалі приходили кризи, революції, після яких вже формувалась нова теорія головного фактору розвитку, і т.д. Сьогодні політекономія перебуває у черговій кризі і знову, як це вже було в історії не один раз, поширюється думка про її вичерпаність як науки. Разом з тим, автор доповіді спробував навести аргументи на користь того, що теперішню кризу політекономії буде подолано розвитком методології та інструментів управління політекономії інновацій.

Для підтвердження цього висновку Ю.М. Бажал навів хронологію виникнення базових технологічних інновацій і порівняв її з хронологією економічних криз та датами виходу книг з теорії політекономії, які вводили у науковий обіг нові концепції щодо головного фактору створення доданої вартості. Доповідач висунув гіпотезу, що саме поява нових ключових факторів технологічних парадигм обумовлювало не тільки вихід з економічних криз, а й зміну фундаментальних візій економічної теорії, які чомусь «не бачили» вирішальної ролі технологічних інновацій у постійному зростанні багатства націй (держав). Мейнстрімівські теорії зосереджувались на нових формах соціально-економічних явищ, але залишали на периферії аналізу першопричини суцільних трансформацій. Насправді, наведений перелік головних економічних факторів генерації доданої вартості є видимими проявами певних технологічних революцій. Ця логіка історії вчить нас, що затримка у технологічних трансформаціях економіки країни багато у чому обумовлює її подальший занепад. Саме постійна генерація і застосування технологічних інновацій створюють нову додану вартість і забезпечують економічне процвітання країни.

У своєму виступі д.е.н., професор, зав. кафедри управління національним господарством та економічної політики Національної академії державного управління при Президентові України, генеральний директор Всеукраїнської громадської організації «Інститут досліджень економіки і суспільства 21 століття» **В.Г. Бодров** зупинився на ціннісній орієнтації сучасної політичної економії. Зокрема, він зазначив, що цінності і координувальні механізми господарського розвитку належать до вічних проблем економічної теорії і в т.ч. її політекономічної парадигми. Вони наскрізно пронизують всю еволюцію політичної економії, визначають її диференціацію на різні напрямки і школи. З одного боку чітко окреслені й усвідомлені суспільним загалом ціннісні орієнтації наповнюють смислом регуляторні механізми, інструментарій

соціально-економічних процесів, надають їм цілеспрямованого характеру, а з іншого - механізми координації господарського життя суспільства вибудовуються під вирішення цілком конкретних тактичних і стратегічних завдань розвитку національної економіки з метою забезпечення ефективної реалізації зазначених цінностей.

Ключовою категорією, своєрідною первісною цеглиною теоретичного економічного мислення з часів класичної політичної економії залишається вартість, яка розкриває виробничий потенціал суспільства, генетику і подальший розвиток системи відтворювальних відносин. Водночас посткласична політична економія висуває на перший план цінність, ціннісні орієнтації соціогосподарського розвитку, що фокусують увагу через суб'єктивно-психологічні сприйняття й оціночні судження на відносинах обміну, розподілу і споживання. Людська діяльність взагалі й економічна зокрема, неможливі без норм й оцінок, опори на певні явні і неявні цінності. Саме цінності, за образним висловленням відомого німецького соціолога Ніколаса Лумана, є «сліпими плямами», які озброюють здатністю до спостереження і цілеспрямованої дії, формують відповідний спосіб креативного економічного мислення. Застосування кожної із зазначених категорій вартості і цінності мало для свого часу як власні теоретичні переваги, так і практичне значення. Тому сьогодні цілком слушним і плідним виглядає їх синтез, що значно посилює гносеологічну функцію сучасної постмодернової політичної економії.

В подальшому В.Г. Бодров розкрив історичний характер і змінюваність в процесі сучасної еволюції політекономічного знання його традиційних ціннісних уявлень про сутність, форми і джерела багатства націй, економічну свободу, справедливість, безпеку тощо. Їх змістовне наповнення позначено істотним впливом глобалізації, віртуалізації, фінансово-інформаційної фетишизації соціально-економічних відносин суспільства постмодерну.

Проблеми ретроспективи та перспектив подальшого розвитку політичної економії отримали переконливе відображення у ґрунтовній доповіді д.е.н., професора, професора кафедри економічної теорії, макро- і мікроекономіки Київського національного університету імені Тараса Шевченка **П.С. Єщенка** (повний текст доповіді опубліковано у даному номері журналу).

Доповідь д.е.н., професора, керівника апарату Ради Національного банку України **О.Л. Яременка** «Інституціональні реформи і проблема боргової залежності державних інститутів» була присвячена дослідженню внутрішніх протиріч між борговою та інституціональною складовими державного регулювання економіки. Зокрема, ним були показані загрози відмови від принципів Вашингтонського консенсусу для України в умовах зростання

ендогенної та екзогенної невизначеності соціально-економічного розвитку країни. Ґрунтовну характеристику у виступі науковця отримали соціально-інституціональні ризики контрреформ у країнах з нестабільною економікою.

У виступі д.е.н., професора, зав. відділу теорії економіки і фінансів ДННУ «Академія фінансового управління» **П.М. Леоненка** лейтмотивом стало обґрунтування необхідності та плідності розрізнення в часі і просторі процесів та змісту становлення і розвитку різних рівнів економічної думки: економічних ідей, поглядів, політичної економії, економічної теорії, економічного аналізу та відповідних історико-економічних наукових дисциплін. До нього тісно примикає дослідження процесу та змісту виокремлення, формування і розвитку таких наук, як фінанси, управління, статистика, демографія та ін. у світовому та національному контекстах. Витоки єдності і розрізень у зазначених вище процесах знаходимо у працях видатних українських учених ХІХ ст. професорів М. Балудянського, І. Вернадського, Т. Степанова, М. Бунге, І. Тарасова, М. Тугана-Барановського та ін. Водночас відбувався процес виникнення і розвитку шкіл та напрямів економічної науки, її методології, структурних елементів тощо. У зародковій формі у єдності теоретичної і практичної (як економічної політики) частин, мікро- і макрорівнів, елементів абстрактного і конкретного методів дослідження вихід у світ праці А. Монкретьєна знаменував собою процес становлення політичної економії, який з часом набув різноманітних форм розвитку цієї, за висловом Ф. Бекона, світлоносної науки.

Політико-економічні проблеми монополії та конкурентної політики були підняті та ретельно розкриті у виступі д.е.н., професора, зав. кафедри економічної теорії та конкурентної політики Київського національного торговельно-економічного університету **В.Д. Лагутіна**. Зокрема, він презентував політико-економічні підходи до причин і наслідків розвитку конкуренції та монополізму на ринку. На основі ґрунтовного аналізу проблеми змісту та пріоритетних напрямів реалізації антимонопольної і конкурентної політики держави, доповідачем було виділено та розглянуто складний комплекс форм конкуренції і монополії в умовах сучасного ринкового господарства.

Про виклики та задачі, що постають перед політичною економією як ціннісним оплотом соціально-економічної модернізації, йшла мова у виступі д.е.н., професора, головного наукового співробітника відділу економічної теорії Інституту економіки та прогнозування НАН України **Т.І. Артёмової**. Вона послідовно розкрила зміст фундаментального наукового знання як джерела світоглядних принципів вільного наукового пошуку в добу глобальних соціально-економічних трансформацій. Висвітлення отримала творча місія економічної теорії як ціннісного оплоту суспільства, придатного для життя, – гармонійної інституціональної архітектоніки. До того часу, доки економічна

теорія (політична економія) не усвідомить свою творчу місію чистого джерела фундаментального наукового знання, доки вона дистанцується від своєї центральної проблеми, не розглядає її як гідну неустанної наукової уваги, доколи розколотою залишається триєдина за своєю природою вартісна методологічна платформа, весь нагромаджений економічною наукою (і теоретичним розумом у цілому) потужний методологічний арсенал є обоюдогострим зняряддям, що перманентно підриває устої суспільної довіри, а, значить, й рівноваги у господарській системі, особливо наголосила доповідач.

Виступ д.е.н., професора, заступника зав. кафедри політичної економії обліково-економічних факультетів ДВНЗ «Київський національний економічний університет ім. В. Гетьмана» **Ю.К. Зайцева** і д.е.н., професора тієї ж кафедри **О.М. Москаленко** була присвячена теоретико-методологічним проблемам становлення сучасної політичної економії. Науковці розкрили причини та етапи становлення сучасної політичної економії; проаналізували характер і спрямованість змін у парадигмі досліджень складних та надскладних соціально-економічних процесів в умовах трансформації технологічного способу виробництва, ускладнення взаємозалежності окремих сфер і підсистем мета системи. Значну увагу вони приділили розгляду низки внутрішніх субстанціональних чинників збереження ключових ознак архітектоніки предмету класичної політичної економії в оновленому предметі політичної економії сучасного суспільства. Зокрема вони наголосили, що сучасна політична економія, відбиваючи у своєму предметі та методології новий рівень та якість завдань щодо пізнання природи законів руху сучасної економіки та суспільства, зберігає гносеологічний, ідеологічний і духовний зв'язок із політичною економією класичною.

Існування такого зв'язку може бути зафіксоване у пропонованому визначенні предмету сучасної політичної економії, який пов'язаний із дослідженнями закономірностей, чинників та умов олюдненості економічних відносин; закономірностей становлення та наслідків трансформації людського капіталу у капітал соціальний та інтелектуальний; суті, змісту та інституціональних форм трансформації соціально-економічних відносин під впливом змін у технологічному способі виробництва, визначення тенденцій цього процесу, принципів формування моделей мотивації, що забезпечить гармонізацію інтересів та соціально-економічний розвиток суспільства на віддалену перспективу. Така спрямованість досліджень є, на погляд Ю.К. Зайцева і О.М. Москаленко, пріоритетом саме сучасної політичної економії.

Доповідь д.е.н., професора, головного наукового співробітника Інституту економіки та прогнозування НАН України **О.М. Шарова** «Політична економія як дзеркало сучасної [р]еволюції» була сконцентрована на розгляді окремих

теоретичних питань, що постали перед політичною економією як наукою стосовно сучасної соціально-економічної системи України та світу в цілому. Пояснюючи свій погляд на деякі з них, автор підкреслював їхній дискусійний характер і закликав до комплексного вивчення нових економічних явищ та подальшого розвитку наукової політекономічної думки. Він зазначив, що політична економія має широке поле для свого розвитку і тому чотирьохсторічний ювілей аж ніяк не дає приводу для самозаспокоєння, а тим більше для песимістичних заяв про «кінець політекономії» (який виявляється таким саме примарним, як і фукіямівський «кінець історії» або о'брайєновський «кінець географії»). «Життя продовжується», підкреслив науковець, «а отже залишається необхідність наукового осмислення усієї його повноти».

Т.В. Бурлай, к.е.н, доцент, старший науковий співробітник відділу економічної теорії Інституту економіки та прогнозування НАН України у своєму виступі «Політика і перспективи згладжування регіональних диспаритетів у сфері зайнятості Євросоюзу» на основі широкого застосування аналітичного інструментарію охарактеризувала основні міжкраїнні відмінності параметрів, що відображають розвиток сфери зайнятості та ринків праці в державах ЄС в 2008-2015 рр. Нею були визначені основні підходи в сучасній політиці Євросоюзу, які сприяють згладжуванню таких відмінностей, окреслені основні фактори, які перешкоджають цьому процесу, а також дана оцінка потенціальної ефективності заходів, що реалізуються Євросоюзом у рамках даної політики.

Завершальний виступ к.е.н., доцента, старшого наукового співробітника Інституту економіки та прогнозування НАН України **В.Г. Подлесної** був присвячений проблемам циклічного характеру економічної динаміки в Україні. Вона звернула увагу на те, що формування ринкової економіки в Україні почалось в умовах розгортання трансформаційної економічної кризи, що визначило глибокі структурні диспропорції національної економіки, а також інституціональні протиріччя, що в подальшому посилювали амплітуду циклічних коливань економіки. В Україні сформувався середньостроковий економічний цикл: динаміка проаналізованих макроекономічних показників свідчить, на думку науковця, що протягом 1991-2008 рр. в національній економіці розгортались усі чотири фази економічного циклу. Перший економічний цикл був розпочатий трансформаційною кризою, другий – почався з циклічної кризи 2008 р., що трансформувалася у гібридну кризу, що охопила як соціально-економічні, так й політичні процеси. Особливості економічних циклів, що склались в Україні, за твердженням В.Г. Подлесної, обумовлені інверсійним характером соціально-економічних трансформацій в Україні.

Підводячи підсумки роботи зібрання, організатори міжнародної наукової конференції «Політична економія на сучасному етапі: історичні виклики та перспективи» висловлюють сподівання, що її теоретичні результати та практичні рекомендації стануть корисним та важливим підґрунтям подальших наукових розвідок вітчизняних та зарубіжних дослідників, виступатимуть фундаментальними засадами проведення ефективних та зважених назрілих реформ у національній економіці України.

***В.В. БІЛОЦЕРКІВЕЦЬ, доктор економічних наук, доцент,
професор кафедри політичної економії Національної металургійної
академії України***

II МІЖНАРОДНИЙ НАУКОВИЙ СИМПОЗИУМ «ДЕРЖАВИ І РИНКИ В УМОВАХ ГЛОБАЛЬНИХ ТРАНСФОРМАЦІЙ»

ДО 400-РІЧЧЯ ПОЛІТИЧНОЇ ЕКОНОМІЇ –
НАУКИ ПРО ЗАКОНИ УПРАВЛІННЯ ГОСПОДАРСТВОМ:
POLITICOS, OICOS, NOMOS

«Щастя людей полягає, головним чином, в багатстві, а багатство – у праці».

Антуан Монкретьєн де Ватевіль *«Трактат політичної економії»* / Antoine Monchrestien de Watteville (1576-1621), *Traite d'economie politique, 1615*

«Люди, які критикують Логіку, як правило, будуть застерігати від Політичної економії. Вона бездушна – будуть стверджувати вони. Вона бере до уваги й оперує неприємними фактами... Моя вам порада – вивчайте праці видатних представників Політичної економії і твердо дотримуйтесь того, що видається вам правильним у їх вивченні: виходьте з того, що коли ви не стали егоїстом і серце ваше не зачерствіло, політична економія такими вас не зробить».

Джон Стюарт Міль *«Основи політичної економії і деякі аспекти їх застосування до соціальної філософії»* / John Stuart Mill (1806-1873), *Principles of Political Economy with some of their Applications to Social Philosophy, 1848*

29 травня 2015 року кафедра управління національним господарством та економічної політики Національної академії державного управління при Президентіві України спільно з економічним факультетом Київського національного університету імені Тараса Шевченка, Інститутом економіки та прогнозування НАН України, Асоціацією українських банків, ГО «Всеукраїнська асоціація політичної економії» та ВГО «Інститут досліджень економіки і суспільства 21 століття» провели II Міжнародний науковий симпозиум **«Держави і ринки в умовах глобальних трансформацій» до 400-річчя політичної економії – науки про закони управління господарством: *politicos, oicos, nomos*.**

У роботі симпозиуму взяли участь провідні вчені ВНЗ України: Національна академія державного управління при Президентіві України, Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Київський національний економічний університет імені Вадима Гетьмана, Київський національний торговельно-економічний університет, Національна металургійна академія України (Дніпропетровськ), Одеський національний економічний університет, Львівський національний університет імені Івана Франка,

Львівський інститут банківської справи Університету банківської справи Національного банку України, Львівський державний університет внутрішніх справ, Національний університет державної податкової служби України (Ірпінь), Житомирський інститут Міжрегіональної академії управління персоналом; **зарубіжних країн**: Академія управління при Президентові Республіки Білорусь (*Республіка Білорусь*), Вища школа банківництва (*Республіка Польща*, м. Познань), Університет Бундесверу імені Гельмута Шмідта у Гамбургу (*ФРН*), Університет ДіПол (*США*, м. Чікаго, штат Іллінойс); **науковці** ДУ «Інститут економіки та прогнозування НАН України»; **аналітики** Центру економічних і політичних досліджень імені Олександра Разумкова.

Тема симпозіуму виявила інтерес у **представників законодавчої і виконавчої державної влади, місцевого самоврядування, НБУ, менеджерів бізнесових структур**, а також **працівників посольств акредитованих в Україні** (США, Республіки Білорусь, Республіки Ірак, ОАЕ). Це є свідченням того, що наука політична економія не знає кордонів, а питання, які вона досліджує є завжди актуальними для наукової і політико-управлінської спільноти. Особливо сьогодні, коли всі зусилля спрямовані на пошуки ефективних механізмів та алгоритмів державного управління розвитком національного господарства, подолання суперечностей суспільно-політичного і господарського життя в Україні.

Новий імпульс жвавим дискусіям надала глобальна фінансова криза, яка істотно загострила соціально-економічні протиріччя ринкового господарства капіталістичного типу на тлі постіндустріальної еволюції сучасних економічних систем, поставила під сумнів традиційні інструменти та механізми подолання соціальної поляризації і деградації суспільства постмодерну. Водночас, залишається широке поле для досліджень безпосередньо політекономічних та інституційних аспектів соціалізації, інформатизації, екологізації, інноваційної модернізації господарського розвитку в умовах глобальної рецесії і в процесі її подолання.

Метою симпозіуму було привернути увагу вітчизняних і зарубіжних науковців, політиків, менеджерів до сучасного політико-економічного переосмислення закономірностей розвитку країн, національних систем регулювання економіки і ринків, ціннісних орієнтацій та фундаментальних чинників, стимулів, мотивацій економічної активності людини і соціуму в умовах глобальних трансформацій.

У вітальному слові до учасників симпозіуму Президент Національної академії державного управління при Президентові України, доктор наук з державного управління, професор **Юрій Ковбасюк** зазначив, що нині важливо

обговорити нагальні політекономічні питання у світлі суперечностей цивілізаційного розвитку і глобальних трансформацій, зокрема політекономічну парадигму державного управління національним господарством; ціннісні орієнтації державного управління; відносини власності, нагромадження капіталу, інвестицій; проблеми європейської інтеграції і кон'юнктури світових ринків; причини сучасних соціально-економічних циклів і криз; багатоманітні аспекти економічної безпеки України в умовах європейської інтеграції; реформування системи державного управління економікою України. Поручені питання потребують глибокого та всебічного осмислення у важкий для України період - в умовах воєнно-політичного конфлікту, викликів і загроз, змін у громадянському суспільстві. Така ситуація змушує по-іншому дивитися на національне державне будівництво та функціонування державних інститутів. Юрій Ковбасюк побажав усім учасникам симпозіуму плідної результативної роботи та цікавих професійних дискусій.

Директор Інституту економіки та прогнозування НАН України, доктор економічних наук, професор, академік НАН України **Валерій Геєць** привітав учасників 2-го Міжнародного наукового симпозіуму. Він відмітив: «Символічно, що ініціатором й організатором проведенням політекономічного симпозіуму виступила Національна академія державного управління при Президентові України у час важких для України випробувань. Нині, як ніколи, реалізація євроінтеграційного вибору України потребує підготовки свідомих, добре обізнаних і високопрофесійних кадрів державних службовців, здатних забезпечити реформування всієї системи управління економікою і суспільством, зміцнення економічної безпеки і процвітання нашої держави. Переконаний, що оволодіння саме політекономічною парадигмою державного управління соціально-економічними процесами допоможе досягненню зазначених цілей». Валерій Геєць побажав учасникам симпозіуму плідної дискусії, творчого натхнення, конкретних пропозицій для розроблення і прийняття ефективних, економічно обґрунтованих державно-управлінських рішень.

Привітав учасників симпозіуму професор ділового адміністрування Університету бундесверу в Гамбургу **Рудольф Федерманн** (ФРН). Науковець зазначив, що «цьогорічний симпозіум відбувається під девізом 400-річчя політичної економії і безперечно приділить основну увагу різноманітним аспектам розвитку цієї наукової дисципліни від меркантилізму через марксистський ідеал суспільства до вільного і регульованого (соціального) ринкового господарства». Професор Рудольф Федерманн зазначив, що «ефективне державне управління є важливою передумовою для стабільності

країни, її державних фінансів, врегулювання питань суспільної безпеки, приватних інвестицій і в кінцевому рахунку добробуту суспільства. ...Майбутнє – це постійний виклик, який необхідно долати. Тому навчання державних управлінців для світу майбутнього має бути професійним, щоб ті, хто прийматимуть важливі політичні рішення, були б здатними вчасно розпізнавати майбутні проблеми і знаходити правильні їх рішення.

У вітальному слові до учасників наукового зібрання професора Вищої школи банківництва (Познань, Республіка Польща), члена Міжнародної асоціації геополітики (Париж, Франція) **Юзефа Антонія Хабера** висловлено сподівання, що «симпозіум стане важливим форумом обміну ідеями для віднайдення нових способів і шляхів, як розвивати свою країну, щоб зробити її більш заможною і безпечною». Також він відмітив, що всі вчені повинні бути скептиками відносно правильності остаточного рішення, бо «сумніватися означає необхідність думати. Я бажаю вам подумати, як допомогти вашими ідеями, новими рішеннями вашій країні в межах існуючих обставин. Перекоаний, що кожна дія є функцією часу і місця». Професор Хабер побажав довіри народу України до мислителів і лідерів нації, щоб студенти ніколи не забували науки політичної економії.

Доповіді учасників симпозіуму були присвячені різноманітним проблемам взаємодії держави, соціуму та культури, філософським аспектам глобальних економічних трансформацій, необхідності зміни політико-економічної моделі розвитку, новим напрямам і складовим економічного зростання, ціннісним орієнтаціям державного управління в сучасному політекономічному мисленні. Низка доповідей стосувалася конкретних проблем економічного та соціального розвитку нашої держави, а саме: досягненню макроекономічної стабілізації, децентралізації державного управління територіальним розвитком, функціонуванню банківської системи в умовах макрофінансової нестабільності, торговельної політики України в умовах євроінтеграції, чинникам ефективності політики економічних реформ тощо.

Дискусію відкрив завідувач кафедри управління національним господарством та економічної політики Національної академії державного управління при Президентові України, генеральний директор Всеукраїнської громадської організації «Інститут досліджень економіки і суспільства 21 століття», модератор симпозіуму, доктор економічних наук, професор **Володимир Бодров**. Важливим підґрунтям реактуалізації сьогодні політекономічної парадигми управління соціогосподарським розвитком є те, що сучасна політична економія концентрує увагу на соціальних, гуманітарних, технологічних, інформаційно-комунікативних та екологічних проблемах,

визнає наявність у людини і суспільства не тільки грошових, але й альтруїстичних цінностей і мотивів, інноваційного потенціалу не тільки принципів конкуренції, але й відносин солідарності.

Політична економія створює методологічні і теоретичні передумови для адекватних відповідей на «довічні» і нові питання української економіки і суспільства, серед яких вирізняються проблеми цінностей і співвідношення координувальних механізмів соціогосподарського розвитку. Орієнтована на пріоритет людських якостей і соціально-екологічних цінностей, політична економія покликана зіграти принципово значиму роль у формуванні гуманістичної економічної культури, освіти, політики.

Політична економія - це наука, яка з самого початку звертала увагу на моральні, соціально-гуманітарні та екологічні наслідки господарських процесів й економічних рішень. У зв'язку з цим особливу увагу звертає на себе явний і цілком очікуваний ренесанс політекономічної парадигми економічної теорії в її постмодерністському, інституціональному дизайні. Повернення на якісно новому рівні до первісного, класичного розуміння політичної економії як науки про закони управління господарством з традиційним наголосом на дослідженні причинно-наслідкових зв'язків і відносин процесу суспільного відтворення, проблематики власності, економічної і соціальної справедливості, циклічності і стадіальності розвитку, економічної політики істотно доповнює і заповнює прогалини, методологічні лакуни функціонального аналізу. Не менший потенціал у політичній економії є в галузі освіти. Вона дозволяє прищепити студентам смак до фундаментальних соціально-економічних знань, сформувати у них розуміння різноманіття економічних шкіл і напрямів, навчити їх теоретично-вивіреному діалогу та сформувати у них потребу в пошуку принципово, фундаментально нових теоретичних і практичних економічних рішень.

У своєму виступі співорганізатор симпозіуму, декан економічного факультету Київського національного університету імені Тараса Шевченка, член-кореспондент НАН України, доктор економічних наук, професор **Віктор Базилевич** образно порівняв економіку з альфою і омегою. Цей статус обумовлений її включеністю в усі сфери життєдіяльності суспільства, домінуванням у вирішенні більшості питань, породжуваних логікою розвитку цивілізації. Разом з тим вона досліджує низку нових проблем, які стають викликами епохи. Їх рішення обумовлює кардинальні зміни в світогляді, в суспільній свідомості та психологічній налаштованості, виступаючи основним чинником, що викликає грандіозні трансформації у світі. Дана обставина перетворює економіку у визначальну умову сучасного буття у всіх його проявах. Головною характеристикою життя стає «економізм», і горді дефініції

«Homo sapiens», «Homo faber», «Homo creator» поступаються місцем «Homo economicus». «В економізмі чітко простежується залежність між цінністю життя і безглуздим існуванням: все, що позбавляє духовно-смиислової наповненості, втрачає своє значення, свою гідність, свою здатність до взаємодій і подальшого розвитку» - наголосив Віктор Базилевич.

Завідувач кафедри політичної економії Національної металургійної академії України, співголова-координатор Всеукраїнської асоціації політичної економії, співорганізатор симпозіуму, доктор економічних наук, професор **Віктор Тарасевич** розкрив гносеологічні основи політичної економії як філософії економічних наук. Матеріальною основою політичної економії є економічний універсум. Його родові зв'язки з іншими сферами зміцнюються по мірі зміцнення і розвитку таких же зв'язків між всіма сферами універсума. Політична економія не розриває взаємозалежності екологічності, соціальності, духовності, політичності, а підпитується ними. Вона є вербально-теоретичним організмом, який не тільки не обірвав свої зв'язки з іншими складовими, а й примножує й розвиває їх. Історично політична економія виділяється з моральної філософії, а тому утримує в собі, у своєму геномі гени моралі. Тому вона визначає етос науки, стандарти науковості.

Теоретико-методологічний та прикладний аналіз внеску вчених-лауреатів Нобелівської премії у розвиток політекономічної парадигми економічної науки презентував доктор економічних наук, професор кафедри міжнародного бізнесу Інституту міжнародних відносин Київського національного університету імені Тараса Шевченка, **Володимир Вергун**. Праці нобеліантів відображають процес поєднання, конвергенції, синтезу ідей, підходів, теорій різноманітних наук. З економічною нобелелогією вітчизняні та зарубіжні науковці пов'язують кардинальне оновлення не лише політекономічної парадигми економічної теорії, а й інструментарію аналізу, практики економічної, підприємницької діяльності. Коло питань, що розглядаються в економічній нобелелогії початку ХХІ століття, торкається макро- та мікроекономіки, теорії та інструментарію економічної науки, розробки моделей функцій ринку з асиметричною інформацією. Водночас низка праць лауреатів Нобелівської премії присвячена впливу позаекономічних, зокрема психологічних чинників на процеси прийняття рішень в економічній сфері.

Філософські аспекти політекономічного переосмислення глобальних світогосподарських трансформацій ХХІ ст. були підняті завідувачем кафедри суспільних дисциплін Львівського інституту банківської справи Університету банківської справи Національного банку України, доктором філософських наук, професором **Зоєю Скринник**. Надії на подолання постіндустріальної економічної цілераціональності, яка, руйнуючи ціннісно-нормативні основи

людської діяльності, обмежує обрій життєвого світу моделлю «людини економічної», сьогодні все частіше пов'язують з «етикою відповідальності», що її прагне обґрунтувати комунікативна філософія. Сьогодні цей підхід базується на врахуванні довготривалих історичних чинників соціокультурного розвитку країн.

Свого часу саме ринковий устрій економіки був рушієм створення політичних систем, заснованих на здатності людей домовлятися щодо кардинальних проблем свого життя. Сьогодні ж очевидним є зворотний вплив: передумовами економічної модернізації є не лише система економічних інститутів, але й вся система соціальних та політичних відносин, культурних норм і традицій. «Потрібне чітке розуміння вітчизняної моделі ринкової економіки, її подібності й відмінностей від моделей інших країн» - наголосила Зоя Скринник.

Професор кафедри економічної теорії, макро- і мікроекономіки Київського національного університету імені Тараса Шевченка, Президент Українського філософсько-економічного наукового товариства, доктор філософських наук **Володимир Ільїн** продовжив думку колеги і розкрив параметри філософсько-економічного мислення. Методологічно головною метою нової концепції філософії економіки можна визначити як філософськи осмислену орієнтацію в політекономічному мисленні. Філософія економіки не пропонує в готовому вигляді безпосередніх практичних рішень конкретних проблем господарської поведінки або економіко-політичного устрою. Вона більшою мірою націлена на пояснення раціональної форми мислення в основних економічних, господарсько-етичних питаннях. Завдання систематичної розробки і передачі філософсько-економічних знань в цілому і зокрема зводиться до наступних ідей: послідовне проведення філософсько-економічної «розумової лінії»; критика «чистого» економічного розуму; аналітичний підхід до основних питань раціонального господарювання; включення у філософсько-економічне мислення моралі господарювання в сучасному суспільстві. Філософія економіки розраховує на систематичне сприяння формуванню зрілої, відповідальної, економічно мислячої людини.

Про необхідність зміни політико-економічної моделі розвитку нашої країни було наголошено у доповіді ректора Одеського національного економічного університету, член-кореспондента НАН України, доктора економічних наук, професора **Михайла Зверькова**. Науковець відмітив, що складна, а часом катастрофічна ситуація, в якій опинилася наша держава, стала результатом переплетіння різних соціально-економічних і політичних криз. Вони є драматичним проявом глибоких суперечностей, що виникали і накопичувалися в економіці, політиці, соціальному житті протягом всього

періоду незалежності України. За досить короткий історичний відрізок часу сформувалося суспільство, де рушійною силою є не носії, творці високотехнологічних знань - працівники науки, освіти, підприємці, а чиновники, які привласнюють адміністративну ренту з владних повноважень. Існуючі українські проблеми поточного моменту в соціально-політичному та економічному житті потребують наукового осмислення та пошуку способів їх ефективного вирішення.

Передумовам і факторам формування в Україні народної, солідарної економіки була присвячена доповідь професора кафедри світового господарства і міжнародних економічних відносин Інституту міжнародних відносин Київського національного університету імені Тараса Шевченка, Президента ВГО «Українська асоціація економістів-міжнародників», доктора економічних наук **Антон Філіпенка**. Спроби запровадити в Україні ліберальну ринкову економіку на основі принципів вашингтонського та поствашингтонського консенсусів виявилися невдалими. «Альтернативою безперспективній економічній моделі має стати народна, солідарна економіка, у якій народність і солідарність репрезентують філософію, духовне забарвлення, головний зміст економічної системи» - наголосив Антон Філіпенко.

Суть ідеї народності та солідарності в новій економічній системі полягає у розкріпаченні соціальної, творчої енергії широких мас населення шляхом наближення їх до власності, до влади та управління. Кожен напрям економічної політики своїм кінцевим результатом повинен передбачати покращання добробуту людей. Нова економічна і політична філософія має надати тверді гарантії кожному громадянину України достойного, сучасного способу життя шляхом забезпечення якісної освіти, охорони здоров'я, високооплачуваної роботи, особистої безпеки, соціального захисту за умов свободи і демократії.

Проблемі взаємодії держави та ринку, комплементарним підвалинам сучасної економіки присвятив свій виступ заступник директора Інституту економіки і прогнозування НАН України, член-кореспондент НАН України, доктор економічних наук, професор **Андрій Гриценко**. Він наголосив, що сучасна глобальна криза виявила неспроможність пануючих теоретичних концепцій мейнстріма дати відповіді на виклики часу. Практика діяльності урядів розвинених країн і теоретичні концепції розійшлися. Особливо це помітно в питаннях, що стосуються ролі держави в економіці. Дві крайні позиції базуються, з одного боку, на ліберальних, з іншого – соціалістичних підходах. В одному випадку пропонується мати мінімальну участь держави в економіці, в іншому – одержавлення економіки. Науковець підкреслив, що проблему держава-ринок на сучасному етапі економічного розвитку некоректно ставити в аспекті більшої чи меншої участі держави в економіці. Ринок і

держава в сучасному суспільстві виконують свої власні, незамінні комплементарні функції. Це дає можливість одночасно збільшувати роль держави в економіці і розвивати ринкові відносини. «Подальший процес посилення комплементарності ринку і держави здійснюється шляхом розвитку різноманітних форм державно-приватного партнерства, яке є сучасним інституційним способом розв'язання суперечностей сумісно-розділеної праці і власності на основі компромісу» - підсумував Андрій Гриценко.

Професор Університету ДіПол **Річард Фаркас** (США) перед науковим зібранням виклав свої роздуми про виклики перед публічним управлінням України і можливостями сучасного політекономічного знання. Він відмітив, що в сучасних світових тенденціях публічного управління відбувається перехід від концепції державної централізації до проблем задоволення потреб людей на основі консенсусу як основного елемента державно-управлінської системи. Основні зусилля теоретиків і практиків мають бути спрямовані на розроблення загальної парадигми публічного управління, адаптацію основоположних принципів світових концепцій державного управління в практичну діяльність політиків і державних службовців України.

Продовжив думку американського колеги науковий консультант Українського центру економічних і політичних досліджень імені Олександра Разумкова, доктор економічних наук, член-кореспондент НАН України **Володимир Сіденко**. У виступі науковець зробив наголос на цінності європейської інтеграції, яка означає, насамперед, ціннісній, а отже, культурно-смысловий вибір народу на користь створення більших можливостей для розкриття потенціалу, закладеному у творчості особистості. Євроінтеграційні процеси дедалі більше виступають не лише як засоби забезпечення більш ефективного господарювання, але як спосіб колективної реалізації ідеальних уявлень європейців про своє майбутнє відповідно до пануючих в Європі соціальних смислів. «Тому «європейський вибір», який ми проголосили в Україні, означає насамперед вибір ціннісний, який будується навколо визнання первинної ролі людини в суспільному розвитку» - наголосив доповідач.

Необхідно правильно уявляти собі систему економічних ефектів від участі в процесах інтеграції та тенденції її еволюції, зміни її структури у часі. У менш розвинених економічних системах, як правило, відсутні мотиви і передумови для прояву в достатній мірі довгострокових ефектів: в них суб'єктивно актуалізуються, насамперед, поточні матеріальні інтереси, а не інтереси довготривалого розвитку. Яким чином відбувається розширення «поля ефектів», перехід переважно від ефектів статичних до переважно динамічних? Такий перехід, очевидно, спирається на дві опори: з одного боку, на еволюційні

процеси диверсифікації національного капіталу; з іншого боку – на ефективну державну політику розвитку.

Професор кафедри макроекономіки і державного управління Київського національного економічного університету імені Вадима Гетьмана, доктор економічних наук **Ірина Радіонова** розкрила зміст та еволюцію феномену економічної рівноваги. У доповіді вона відзначила змістовну близькість понять (явищ) загальної рівноваги й макроекономічної стабільності; поглиблення макроекономічних дисбалансів й нестабільності на глобальному та національному рівнях. На її думку, з огляду на загрози цілісності глобальної та національної економіки, які виникли на початку ХХІ ст. і пов'язані з макрофінансовими дисбалансами, у якості визначальної ознаки умов рівноваги можна було б називати їх здатність забезпечувати цілісність економічної системи.

Загальна економічна рівновага у сенсі детермінованого «тяжіння» фактичних значень макроекономічних змінних до трендових створює передумови макроекономічної стабільності. Тимчасові некритичні відхилення від цих значень породжують нестабільність. Довготривалі критичні відхилення створюють макроекономічну небезпеку – загрозу існуванню економіки як цілого. Економічний тренд може оцінюватись з позицій оптимальних та порогових значень макроекономічних змінних. Тоді некритичні відхилення асоціюються з оптимальними значеннями макроекономічних змінних, а критичні – з пороговими.

Доповідь завідувача кафедри економічної теорії та конкурентної політики Київського національного торговельно-економічного університету, доктора економічних наук, професора **Василя Лагутіна** була присвячена можливостям політекономічного, макро- і мікроекономічного дослідження сучасного ринкового господарства. Доповідач підкреслив, що високі потенційні можливості політекономічного дослідження незаперечні. Вони базуються на: принципах фундаментальності, розумінні глибинних соціально-економічних процесів, виділенні причинно-наслідкових зв'язків, ґрунтовності філософського базису, що передбачає єдність онтологічного, гносеологічного, аксіологічного і праксеологічного підходів, розгляду як предметної сфери реально існуючих економічних відносин, виділення комплексу інтересів економічних суб'єктів як форми прояву відносин власності в контексті їх системної єдності і суперечностей та ін. Серйозною методологічною проблемою є надмірна математизація макро- і мікроекономічних досліджень. Без фундаментальних підходів політичної економії неможливий аналіз поведінки ринкових суб'єктів у контексті реалізації їх прав власності, наявності та ступеня ринкової влади, впливу цієї влади на розвиток ринкового господарства.

Директор економічних програм Центру економічних та політичних досліджень імені Олександра Разумкова, доктор наук з державного управління, професор **Василь Юрчишин** дав аналіз нових напрямів і складових зростання світової економіки. Він відзначив, що складнощі для вироблення політики стійкого зростання пов'язані не лише з глобальними макроекономічними змінами, але і з тим, що сьогодні у країнах світу, по суті, відбувається зміна наголосів і «парадигм» економічної політики, що означає утворення нових викликів і ризиків як для окремих країн, так і світової системи господарювання загалом.

Невизначеність виявляється особливо болючою для «слабких» трансформаційних країн, зокрема України. Сьогодні країні в умовах зовнішньої агресії необхідно одночасно вирішувати складні та суперечливі завдання макроекономічної стабілізації та прискорення економічного зростання, що вимагає, з одного боку, проведення жорсткої фіскальної та монетарної політики, а з другого – їх пом'якшення. Вищим органам державного управління необхідно знайти та підтримувати баланс між ними.

Сучасним чинникам ефективної політики економічних реформ присвятив свій виступ провідний науковий співробітник відділу моделювання та прогнозування економічного розвитку Інституту економіки та прогнозування НАН України, кандидат економічних наук **Ярослав Жаліло**. Динамічні глобальні зрушення ведуть до того, що реформ потребують не лише перехідні економіки але й широкий прошарок швидко зростаючих країн. «На сучасному етапі послуговуватись постулатами ринкового реформування часів Вашингтонського консенсусу – значить свідомо прирікати їх об'єкт на втрати в глобальному процесі». Можливо, у доглобалізаційний період лібералізація як така і була успішною, «вирощуючи» національні ринкові інститути, але наразі її спроможність у формуванні інститутів суттєво знизилась.

В умовах, коли базові інститути підприємництва слабкі, сама по собі дерегуляція недостатня. Впроваджувати лібералізаційні ринкові реформи, але не будувати інститути свідомо, означатиме інституційну деформацію та формування альтернативних інститутів. Ними у певних випадках будуть корупційні і тіньові регулятори. Спільним для цих варіантів буде – адаптивна реакція національних суб'єктів на ризики у вигляді стратегій виживання, а не зростання. Це витіснить країну на узбіччя світового прогресу.

Доцент кафедри управління національним господарством та економічної політики Національної академії державного управління при Президентові України, кандидат економічних наук **Ольга Соколова** висвітлила політекономічні проблеми нагромадження основного капіталу. У своїй доповіді вона відмітила, що за роки незалежності в структурі вітчизняної економіки

відбулося суттєве зростання сфери послуг. Гіперболізація їх ролі спричинила зниження уваги органів державного управління до розвитку галузей матеріального виробництва та нагромадження основного капіталу, що спричинило деіндустріалізацію країни. Забезпечення сталого розвитку можливе за умови використання частини заново створюваного продукту на нагромадження. Адже характер розвитку економіки будь-якої країни визначає галузева і технологічна структура її реального сектору і, в першу чергу, обробної промисловості. Розвиток машинобудування, зокрема верстатостроювання та приладобудування, означає створення матеріально-технічних і технологічних передумов для розвитку інших виробництв. Створюється довгий ланцюг інших видів економічної діяльності, що забезпечує мультиплікативний ефект. Економіка стає більш стійкою до коливань ділової активності, зовнішніх шоків, зміни кон'юнктури на світовому ринку.

Ряд доповідей стосувалися конкретних проблем макроекономічної стабілізації України. Голова Ради Асоціації українських банків, співголова Громадської ради при НБУ, співорганізатор симпозіуму доктор економічних наук, професор **Станіслав Аржевітін** наголосив, що банківська система України перебуває у стані глибокої фінансово-економічної кризи та одночасно проходить переломний етап свого становлення, на якому банківська спільнота, громадські інституції закладають ґрунтовну основу її подальшого розвитку, приймаючи нові виклики: це - утвердження нових проєвропейських соціальних цінностей та адекватних їм норм і правил поведінки суб'єктів грошово-кредитних відносин, а також – формування сучасних механізмів інституційної трансформації громадянського суспільства та пов'язаних із ними реформ. Винятково нагальними та актуальними є необхідність розроблення ефективних механізмів зміцнення національної валюти, активізації кредитування реального сектору економіки, припинення відпливу грошей із банків, боротьби з корупцією, посилення захисту інвесторів та споживачів фінансових послуг, підвищення довіри до вітчизняних банківських установ.

Начальник відділу стратегії управління державним боргом департаменту боргової та міжнародної фінансової політики Міністерства фінансів України, кандидат наук з державного управління **Костянтин Кузнєцов** відмітив, що боргова стійкість є необхідною передумовою економічної стабільності та зростання. Надмірний рівень заборгованості породжує зворотні стимули для приватних інвесторів і урядів, підриває довгострокові основи для економічного розвитку. В Україні на сьогоднішньому етапі боргові операції перетворюються з інструменту досягнення макроекономічної стабілізації на фактор ризику, який сам по собі стає фактором дестабілізації. Разом з тим, боргова політика не є окремою ланкою державного управління. Вона формується за наслідками

управлінських рішень у сфері грошово-кредитних відносин, змін у системі оподаткування, дії системи контролю щодо ефективності державних видатків, рівня дефіциту державного бюджету, впливу зовнішньоекономічних чинників тощо.

Сергій Пелих, доктор економічних наук професор кафедри економіки і фінансів підприємств Академії управління при Президентіві Республіки Білорусь, у своїй доповіді звернув увагу присутніх на спільні проблеми Республіки Білорусь та України у податково-бюджетних відносинах, на яких «позначається спадщина централізованої планової економічної системи наших держав». Органи місцевої влади та місцевого самоврядування практично неієздатні внаслідок не достатнього обсягу ресурсів та їх правового забезпечення.

Пріоритетам державного регулювання ринку злиттів та поглинань в умовах глобалізації присвятила свою доповідь докторант кафедри управління національним господарством та економічної політики Національної академії державного управління при Президентіві України, кандидат наук з державного управління **Ольга Сафронова**. В умовах глобалізації важливим завданням держави стає не тільки підтримка і «вирощування» вітчизняних компаній, здатних стати лідерами на зовнішніх ринках, але й сприяння тому, аби на території країни було локалізовано якомога більше відповідних ланок зі створення вартості – як вітчизняних, так і іноземних. Ефективне функціонування ринку корпоративних злиттів і поглинань всередині країни виступає потужним важелем виконання такого роду завдань.

Для сучасної практики державного регулювання цього ринку характерна фрагментарність, застосування ускладнених процедур надання дозволів на здійснення операцій, які створюють загрози приватним інтересам, відсутність надійних методик застосування заходів адміністративно-правового примусу у випадку суспільно-небезпечних дій. Уповноважені органи влади зосереджують увагу на опрацюванні значного масиву поточної інформації, пов'язаної із перерозподілом корпоративного контролю в національній економіці, а довгострокові тенденції розвитку відповідних господарських процесів, як правило, не відслідковуються.

Надзвичайно актуальній для України проблемі – енергоефективності у житловому секторі був присвячений виступ керівника Проекту міжнародної фінансової корпорації **Гжегожа Гайди** (Республіка Польща). Він відмітив, що причиною гальмування реформ в цій сфері є невирішеність питання пільг. Нині в Україні вони надаються енергетичним компаніям, а не кінцевим споживачам, що аж ніяк не стимулює енергозбереження та енергоефективність. Пан Гжегож Гайда поділився досвідом впровадження державою дієвих механізмів

енергоефективності в житловому секторі Польщі, внаслідок чого енергоспоживання в ньому суттєво зменшилось.

Децентралізації державного управління територіальним розвитком України був присвячений виступ директора інституту «Вища школа державного управління» Національної академії державного управління при Президентові України, доктора економічних наук, професора **Сергія Романюка**. Він відзначив, що в Україні децентралізація розглядається винятково з політичних мотивів розподілу владних повноважень, як спосіб отримати більше повноважень і фінансових ресурсів під них. «Предметом торгу» між центральною владою та місцевим самоврядуванням виступає обсяг ресурсів. За аргументи, як правило, беруться: частка держбюджету, що спрямовується на території; обсяг місцевих податків і зборів, що мають формувати бюджет розвитку, частка і види державних податків, які повинні залишатися на території тощо. Таке становище є наслідком нерозуміння центральною владою існування фундаментального взаємозв'язку і взаємодії між державою та територіальними громадами для формування умов розвитку регіону. Держава і громада завжди виступають як компліментарні форми організації. Їх відносний баланс і взаємодія утворюють економічний потенціал кожної території.

З особливим інтересом учасники симпозіуму слухали виступ першого заступника голови Житомирської обласної державної адміністрації, доктора наук з державного управління, професора **Геннадія Дмитренка**, який розкрив потенціал Житомирської області, а також проблеми і перспективи її розвитку в контексті проведення адміністративної реформи. Доповідач звернув увагу на брак інвестицій (внутрішніх та зовнішніх) для вирішення економічних і соціальних проблем регіону та конкретні дії влади щодо їх залучення, що викликало неабияку зацікавленість у представників посольств Близького Сходу – Республіки Ірак та ОАЕ.

Голова Департаменту з торгово-економічних зв'язків Посольства Республіки Ірак в Україні, **Аббас Худур Фаділ**, зробив презентацію, в якій розкрив бажання і можливості своєї країни до співпраці в інвестиційній сфері на регіональному рівні.

Політекономічній оцінці ефективності державного управління була присвячена доповідь головного наукового співробітника відділу економічної теорії Інституту економіки та прогнозування НАН України, доктора економічних наук **Тетяни Артёмової**. Вона підкреслила, що модель ефективної держави отримує нині все більш широке визнання і ґрунтується на квазіринкових відносинах між державою, яка надає публічні послуги, та громадянами, які виступають у ролі клієнтів. Матеріальною основою

практичного втілення зазначеної моделі є нове державне управління, що запозичує принципи своєї діяльності від систем менеджменту бізнес-організацій. Основними кінцевими показниками ефективності державного управління є якість і ступінь задоволення запитів клієнта-громадянина. Вони сполучені не тільки з понесеними витратами при отриманні державних послуг, а й з більшими соціально-значущими ефектами: відсутністю корупції, скороченням рівня бідності, нормалізацією міграційної ситуації, підвищенням престижу держави на міжнародній арені тощо.

Сучасній еволюції концепцій неспроможності ринку і неспроможності держави присвятив свій виступ доцент кафедри управління національним господарством та економічної політики Національної академії державного управління при Президентіві України **Олександр Кілієвич**. Розвиток концепції неспроможності влади сприяв формуванню наприкінці минулого тисячоліття традицій належного врядування, що передбачає посилення підзвітності влади перед суспільством, а також активного залучення громадськості до процесів підготовки і ухвалення суспільно-важливих рішень.

До певної міри належне врядування мало б послабити конфліктність вибору між двома неспроможностями, проте світова фінансово-економічна криза 2008–2010 рр. знову активізувала дискусію щодо взаємовідносин між державою і ринком. За одними оцінками, криза була спричинена недостатнім державним втручанням, зокрема, на фінансових ринках; за іншими – вона виникла внаслідок невмілого втручання і має швидше політичні, а не економічні корені. Однією з визначальних причин розбіжності оцінок причин і наслідків фінансово-економічної кризи є конфлікт між ліберальними та консервативними поглядами на державну політику.

Зазначимо, що всі учасники симпозіуму підкреслювали не тільки ювілейне, а цілком прагматичне зростання уваги саме до політекономічної парадигми сучасної економічної теорії. Підтвердженням цього є те, що в останні роки у багатьох країнах світу - від США і Західної Європи до Китаю та Японії - розгортається нова хвиля політекономічних досліджень, праці класиків політекономії та їх сучасних послідовників видаються величезними накладками.

Підбиваючи підсумки, **Володимир Бодров** підкреслив, що необхідно активізувати наукові дослідження основних напрямів та перспектив еволюції світового господарства та його складових - національних економічних систем, враховуючи сучасний розвиток техніки і технологій, якість трудових ресурсів, поглиблення та ускладнення відтворювальних відносин, інтеграційних і дезінтеграційних тенденцій, внаслідок яких набуває визначальної ваги необхідність переосмислення з позицій нової політичної економії гармонізації

економічного, соціального та екологічного розвитку в контексті глобальних трансформацій.

Результатом роботи II-го Міжнародного наукового симпозіуму стало вироблення та ухвалення рекомендацій для органів державної влади та органів місцевого самоврядування, спрямованих на підвищення ефективності управління національним господарством:

1. Сучасний перебіг глобальних трансформацій світового і національних господарств справляє суперечливий багатоаспектний вплив на процеси соціогосподарського розвитку держав і ринків, цілих макрорегіонів, істотно позначається на пошуках і формуванні ефективних механізмів, алгоритмів управління економікою та економічної політики. Розбудова нового справедливого і демократичного світового устрою в умовах гострого зіткнення геополітичних інтересів провідних країн, суттєвого посилення міжнародної конкуренції, яка набуває все більше міжцивілізаційного характеру, вимагає прийняття як глобальними, так і національними регуляторами нестандартних, оригінальних й водночас зважених, науково-вивірених політико-економічних рішень із врахуванням сучасних тенденцій розвитку техніки і технологій, якості трудових і обмеженості природних ресурсів, поглиблення та ускладнення інтеграційних процесів тощо. За таких обставин, зазначеним викликам гармонізації економічного, соціального, інноваційного, екологічного, інформаційного, інституційного розвитку відповідає потужний потенціал сучасної політекономічної парадигми економічної теорії.

2. Світова фінансово-економічна криза виявила недоліки і певну гносеологічну обмеженість домінуючих в сучасному інструментарії економічної науки формально-логічних методів функціонального аналізу, економіко-математичного моделювання та прогнозування розвитку господарських процесів. Внаслідок цього, поряд із звичайним для ринкового господарства товарним і грошовим фетишизмом все більшого поширення набуває фетишизація особливого роду – фінансово-інформаційна, яка формує у людського загалу не тільки поверхове уявлення про економіку, але й ілюзорні життєві пріоритети. Натомість політекономічні дослідження, ґрунтуючись на фактах і доцільному застосуванні сучасних досягнень кількісного аналізу дозволяють подолати відірваність доволі абстрактного теоретичного знання від реальних економічних подій і процесів.

3. Важливою передумовою подолання Україною глибокої соціально-економічної кризи є необхідність усвідомлення суспільним загалом і, насамперед, органами державного управління та місцевого самоврядування того, що кожна велика системна криза призводить до нової моделі регулювання. Треба мати на увазі, що Україна не може стимулювати

макроекономічні процеси таким чином, як це роблять нині розвинені країни. Господарський механізм має сприяти нарощуванню національного виробництва за рахунок модернізації його складових елементів. Для цього необхідно забезпечити: а) політичну стабільність, яка дозволяла б бізнесу вибудовувати довгострокові стратегії; б) відділення бізнесу від влади, яке б забезпечило більш прозоре та ефективне використання коштів бюджету; в) висока норма нагромадження, що є умовою сталого та динамічного розвитку.

4. Виходячи з національних інтересів України, підвищення конкурентоспроможності її економіки в умовах євроінтеграції необхідно у ВНЗ країни запровадити базовий курс політичної економії, побудований на принципах: звернення до наукової спадщини великих економістів; аналізу сучасного стану вітчизняної і світової економіки; взаємозв'язку господарських процесів з широким соціальним, політичним і моральним контекстами розвитку країни; врахування специфіки аудиторії; активного залучення студентів, слухачів до самостійного аналізу економічних і соціальних процесів задля набуття необхідних компетенцій.

5. Одною з умов реформування управління національним господарством є реформування владних відносин в економіці. Головна проблема українського суспільства – відсутність суспільно-необхідного упорядкування влади. З огляду на це, доцільним є включення проблеми влади в предмет економічного аналізу. В умовах, коли держава та уповноважені нею інституції часто-густо втручаються туди, куди їм непотрібно втручатися згідно нормативної науки, і не приймають дієвих заходів там, де це конче необхідно, дослідження феномену економічної влади повинні сприяти відповіді на питання: хто, над ким (чим), в яких межах, якими методами і задля яких цілей управляє? Де саме і в яких межах має проявлятися влада в економічному житті суспільства? Міждисциплінарний характер феномену влади взагалі і економічної зокрема, її відносин із соціумом, бізнесом, споживачами, товаровиробниками, інвесторами та іншими спільнотами значною мірою складає предмет сучасної політичної економії з широким залученням досягнень соціологічної, філософської, історичної, правничих наук.

6. Політика реформування державного управління має бути інституційно креативною. Для відновлення ефективності державних регуляцій потрібна розбудова інститутів європейського зразку. Реформування існуючих інститутів у короткостроковому періоді дає певний ефект. Проте з певного моменту бізнес стає індиферентним щодо державної політики. Нові інститути мають містити механізми функціональних стимулів до інвестування, енергозбереження, техніко-технологічного оновлення виробництва, створення нових робочих місць, розвитку депресивних регіонів та сприяти активному

включенню матеріальних рушіїв «мережевізації» суспільства до числа управлінських механізмів шляхом інтенсивного впровадження системи електронного врядування.

7. Ідеологія і практика оцінювання державних службовців повинна отримати більш широке оформлення в контексті реалізації нової моделі державного управління. Цілями становлення інституту оцінки державного управління мають бути:

- дотримання принципу меритократії;
- підвищення довіри населення до системи органів державної служби;
- забезпечення пріоритетності прозорих конкурсних процедур відбору;
- підвищення ефективності використання кадрового резерву;
- зростання рівня професіоналізму та управлінських навичок державних службовців;
- забезпечення нейтральності державної служби до політичних змін у суспільстві через набуття високих стандартів професіоналізму та дотримання правил етичної поведінки державними службовцями.

8. Забезпечення сталого економічного розвитку України можливе на шляху радикального і системного реформування інститутів і механізмів соціальної політики, спрямованої на перехід від пасивної патерналістської моделі побудови суспільних відносин до активної моделі суспільства, яке створює умови для власного життя й розвитку за рахунок ефективної праці.

9. Основою прийняття управлінських рішень в царині забезпечення макроекономічної стабільності мають ставати не стільки поточні дисбаланси, скільки обґрунтовані уявлення про довготривалі економічні тренди. У якості інструментів оцінювання та запобігання поточним макроекономічним дисбалансам мають використовуватись індикатори та процедури, максимально наближені до практики Європейського Союзу. При цьому доцільно застосовувати коригування оптимальних та порогових значень макроекономічних індикаторів, виходячи з національних особливостей розвитку.

10. Використання боргових інструментів в рамках заходів, спрямованих на досягнення стабілізації державних фінансів та економіки України в цілому, можливе за таких умов:

- під час розроблення державного бюджету на 2016 рік скоротити дефіцит загального фонду державного бюджету до рівня, що не перевищуватиме 1,0-1,5 %;
- посилити контроль за ефективністю боргових операцій, спрямованих на фінансування дефіциту державного бюджету;

- не допускати випуск облігацій внутрішньої державної позики понад обсяг фінансування, визначений у Законі України «Про державний бюджет»;
- провести структурні реформи і підвищити прозорість та ефективність заходів у сфері приватизації державного майна.

11. Розробити комплексну програму реформування банківської системи України, зорієнтованої на захист національних інтересів та встановлення стійких правил ведення банківського бізнесу, які ґрунтуються на засадах:

- збалансованості економічних інтересів через формування ринкового конкурентного середовища;
- соціальної справедливості через ефективний захист прав кредиторів, споживачів та інвесторів фінансового ринку;
- прозорості та високих стандартів розкриття інформації регуляторами і учасниками ринку з метою забезпечення передумов здійснення громадського контролю державотворчого процесу.

12. Для підвищення ефективності державного регулювання ринку злиттів і поглинань необхідно уточнити процедури і правила надання дозволів на концентрацію в пріоритетних (конкурентних та імпортозаміщуваних) і стратегічних (важливих для забезпечення економічної безпеки країни) галузях. З цією метою треба створити повноцінну систему захисту прав власності, оновити корпоративне законодавство, чітко визначитися із галузевими і секторальними пріоритетами залучення прямих іноземних інвестицій, структурувати правила оподаткування операцій злиття і поглинання таким чином, аби вони сприяли реінвестуванню коштів у розвиток компанії.

13. Вища школа має готувати економічно освічених фахівців для всіх сфер життєдіяльності суспільства. Забезпечення серйозної економізації підготовки майбутніх фахівців - цивілізованих товаровиробників, споживачів, заощадників, інвесторів, платників податків, управлінців, – запорука успішного здійснення нагальних реформ, розширення їх соціальної бази та ефективного господарювання у майбутньому. Доцільно поновити систему безперервного економічного всеобучу через семінари, тренінги, курси підвищення кваліфікації тощо на всіх рівнях управління економічними та соціальними процесами.

14. Подальший розвиток нової економіки постмодерну вимагає забезпечення державою і великим національно орієнтованим капіталом якісного зростання наукової еліти й водночас чисельності висококваліфікованих фахівців, які були б здатними продовжити генерування інновацій на різних ланках виробництва. Новоекономічні блага починають вимагати не тільки наявності високопрофесійних фахівців для реалізації процесів їх виробництва, розподілу та обміну, але й потребують розвиненого внутрішнього ринку, висококваліфікованих споживачів для забезпечення

процесів їх консумації. Тож, іншим пріоритетним напрямом докладання зусиль держави має стати сприяння форсованому зростанню професійно-кваліфікаційного й інтелектуально-освітнього потенціалу сукупного працівника суспільства, створення належних передумов для підготовки людей, спроможних успішно виступати як у ролі продуцентів нових благ, так і їх ефективних споживачів.

15. Європейська інтеграція – ціннісній культурно-смысловий вибір на користь створення більших можливостей для розкриття потенціалу, закладеному у творчості особистості. Це – багатогранний процес. Вищим органам державного управління доцільно правильно оцінити систему економічних ефектів від участі України в процесах інтеграції, тенденції її еволюції та зміни структури у часі.

Політика управління участі України в процесах європейської інтеграції повинна виходити з необхідності подолання домінуючих нині спрощених уявлень стосовно оцінки ефективності цих процесів, що передбачає необхідність системного міждисциплінарного підходу, в якому належна увага приділяється взаємодії економічних та неекономічних чинників, механізмам взаємозв'язку коротко- та довготермінових ефектів.

16. Вищим органам державного управління України необхідно одночасно і збалансовано вирішувати суперечливі завдання макроекономічної стабілізації (що вимагає жорсткості фіскальної та монетарної політики) і економічного прискорення (що означає пом'якшення фіскальної і монетарної політики). Серед короткотермінових завдань влади виокремлюється запровадження моніторингу для упереджуючого виявлення ризиків та результативності їх (ризиків) локалізації та нейтралізації.

17. Першочерговим (коротко- і середньотерміновим) завданням влади є запровадження політики інвестиційного розширення, що передбачає стимулювання внутрішнього інвестора та залучення прямих іноземних інвестицій інноваційного характеру в реальний сектор економіки.

18. Децентралізація - складний процес, який спрощується владними органами України, що знаходить свій вираз у дублюванні вдало реалізованих моделей в інших країнах. Слід створювати власну модель децентралізації, враховуючи особливості трьох її вимірів – політичного, адміністративного та фінансового. Кожен з них має свою швидкість реалізації; вони можуть враховуватися одночасно, або бути різними за масштабом і послідовністю здійснення. Головна увага Уряду має у даний час зосереджуватися на деконцентрації, дерегуляції та створенні цивілізованих умов надання адміністративних послуг населенню і бізнесу, а також формуванні та впровадженні стандартів надання соціальних та інших видів публічних послуг.

19. В умовах децентралізації від органів влади усіх рівнів вимагається політекономічне розуміння теоретичних і практичних аспектів управління. Необхідно готувати і впроваджувати інноваційні програми економізації підготовки державних службовців через систему підвищення кваліфікації, формувати компетентності державних службовців і посадових осіб органів місцевого самоврядування задля забезпечення розширеного відтворення.

20. Місцевим органам влади та місцевого самоврядування провести детальний облік та реально оцінити наявні майнові ресурси на відповідній території, визначити напрями їх подальшого ефективного і заощадливого використання в контексті стратегічних пріоритетів розвитку; застосовувати сучасні підходи щодо підвищення ефективності використання державного та комунального майна, таких як затвердження фінансових планів, встановлення планових показників керівникам державних та комунальних підприємств, що забезпечуватимуть зростання фінансових результатів господарюючих суб'єктів та здійснення заохочувальних виплат керівникам в залежності від досягнутих показників діяльності підприємств, застосування форм державно – приватного партнерства.

Учасники II-го Міжнародного наукового симпозіуму схвалюють викладені Рекомендації та висловлюють сподівання, що відображена в них колективна думка вітчизняних і зарубіжних науковців, державних управлінців, менеджерів бізнесових структур буде врахована органами державної влади та місцевого самоврядування у законодавчій діяльності та практичній роботі.

В.Г. БОДРОВ, доктор економічних наук, професор, завідувач кафедри управління національним господарством та економічної політики Національної академії державного управління при Президентові України,

О.М. СОКОЛОВА, кандидат економічних наук, доцент, доцент кафедри управління національним господарством та економічної політики Національної академії державного управління при Президентові України

СОЦІАЛЬНО-ЕКОНОМІЧНІ ТРАНСФОРМАЦІЇ: НАУКОВЕ ОСМИСЛЕННЯ

2 квітня 2015 р. на базі Полтавського національного педагогічного університету імені В.Г. Короленка відбулася VI Всеукраїнська науково-практична конференція «Соціально-економічні трансформації в епоху глобалізації». Її ініціаторами виступили кафедра політекономії ПНПУ імені В.Г. Короленка спільно з громадською організацією «Європейський вибір», Всеукраїнською громадською організацією «Всеукраїнська асоціація політичної економії», редколегією журналу «Соціальна економіка» (м. Харків), Полтавським державним центром науки, інновацій та інформатизації.

Актуальність проблематики конференції обумовлюється постійними суспільними трансформаціями, що їх породжують глобалізаційні процеси. Глобалізація як перманентний процес у сучасних умовах виражається у посиленні економізації усіх сфер людської діяльності, зумовленої прагненням людей до постійного покращення умов власної життєдіяльності та породженої цими прагненнями конкурентної боротьби. Унаслідок цього неухильно зростає мобільність, просторово розширюються товарні і ресурсні ринки, відбувається конвергенція виробничих технологій, організаційних та управлінських методів, стикаються індивідуальні та колективні системи цінностей. Таким чином, глобалізація як об'єктивний та незворотний чинник сучасного світового розвитку зумовлює низку фундаментальних змін та інновацій. Зрозуміло, що глобальні трансформації можуть мати прогресивну чи регресивну спрямованість і, відповідно, забезпечувати розв'язання суспільних проблем чи консервувати їх. Окреслені проблеми перебували в полі уваги учасників конференції.

Із вступним словом до учасників зібрання звернулася його організатор Л.І. Яковенко, д.е.н., професор, завідувач кафедри політекономії ПНПУ імені В.Г. Короленка, яка наголосила, що конференція кожного разу збирає представницьке коло науковців, спонукає до палких наукових дискусій та обміну ідеями. У доповіді Л.І. Яковенко «Реалії 2015 в Україні – трансформація моделі розвитку» відтворено палітру сучасних трендів, реформ та їх симулякрів, методологічних прийомів до розуміння й осмислення соціально-економічних змін, окреслено людський вимір сучасних трансформаційних процесів в контексті викликів сьогодення, що постали перед Українською державою і суспільством.

Доповідь Г.В. Задорожного (доктор економічних наук, Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна) присвячена обґрунтуванню

актуальної для розуміння трансформацій сучасної економічної науки концепції духовно-ноосферно-сталого розвитку, яка органічно поєднує концепції ноосфери, сталого розвитку і теорії про біо-соціо-духовну природу людини. На думку вченого, у новому понятті фіксується специфіка реалізації людиною духовної та фізичних констант антропного принципу через господарську діяльність, закріплюється верховенство духовної складової людської природи.

У матеріалах В.М. Тарасевича (доктор економічних наук, співголова Всеукраїнської громадської організації «Всеукраїнська асоціація політичної економії», Національна металургійна академія України) окреслено ключові аспекти державної капіталізації національної економіки, обґрунтовано напрями державного антикризового активізму в умовах загострення суперечностей між загальнонаціональними інтересами та зацікавленнями вітчизняної олігархічної буржуазії, зроблено наголос на тезі, що оптимальна соціалізована держкапіталізація національної економіки є необхідною передумовою її прогресивного і випереджального розвитку.

С.Б. Єгоричева (доктор економічних наук, ВНЗ Укоопспілки «Полтавський університет економіки і торгівлі») у виступі на тему «Роль інституту довіри у стабілізації банківської системи України» розкрила сутність аналізованого поняття, описала причини нестачі довіри до банківського сектору та фактори її формування в сучасних умовах, окреслила проблемні зони у дослідженні даного явища.

У матеріалах докторів економічних наук, професорів Г.М. Пилипенко та Ю.І. Пилипенка (ДВНЗ «Національний гірничий університет», м. Дніпропетровськ) розглянуто актуальні питання дослідження якості інституційного середовища як умови інноваційного розвитку, окреслено культурний, інституційний і політико-правовий контекст інновацій, визначено комплекс неекономічних чинників впливу на активізацію інноваційної активності у соціально-економічних системах.

У доповіді М.І. Лахижі (доктор наук з державного управління, професор ПНТУ імені Юрія Кондратюка) здійснено аналіз проблематики мотивації державних службовців до підвищення рівня професійної компетентності в умовах глобалізації, євроінтеграції та посткомуністичної трансформації суспільства і влади.

Активну наукову дискусію викликали матеріали доктора економічних наук І.Б. Чичкало-Кондрацької та А.А. Буряк (Полтавський національний технічний університет імені Юрія Кондратюка), присвячені актуальним питанням залучення прямих іноземних інвестицій в регіони України. Було визначено ключові проблеми, що стоять на заваді залученню інвестиційних

ресурсів та окреслено організаційно-економічні заходи покращення інвестиційного клімату в Україні та її регіонах.

С.М. Приходько (кандидат політичних наук, Полтавський національний педагогічний університет імені В.Г. Короленка) акцентував увагу на теоретичних аспектах взаємодії громадян із владою в контексті електронної демократії, особливостях здійснення народовладдя в умовах поширення телекомунікаційних технологій, прийнятність різних форм Інтернет-взаємодії суспільства і влади для українських реалій.

У доповіді «Проблема критичного мислення в інформаційному вирі сучасних трансформацій» кандидат економічних наук Непокупна Т.А. (Полтавський національний педагогічний університет) звернула увагу на конфліктність та конфронтаційність новітнього інформаційного середовища, його руйнівний вплив на суспільну та індивідуальну свідомість і підсвідомість. У зв'язку із цим автор обстоює думку про кричущу нагальність критичного осмислення інформаційних потоків та подій сьогодення, що має стати стрижнем духовного, інтелектуального та фізичного здоров'я окремої людини та суспільства вцілому.

С.В. Степаненко (кандидат економічних наук, Полтавський національний педагогічний університет імені В.Г. Короленка) свою доповідь присвятив аналізу інтелекту як управлінського ресурсу, обґрунтуванню управлінської діяльності як особливого різновиду інтелектуальної праці, опису інтелектуальних якостей керівника.

На дискусійному майданчику з-поміж інших обговорювалися також наукові проблеми інституційних перетворень ринкової економіки (кандидат економічних наук Молтусов В.О.), трансформації системи енергоспоживання у житлово-комунальному секторі (кандидат економічних наук Максименко О.С.), розвитку партнерських форм взаємодії між державою і приватним сектором в сучасних умовах (кандидат економічних наук Шевченко Б.О.), еволюції підходів до осмислення поняття “європейські цінності” (кандидат історичних наук Сакало О.Є.), змін у комплексі маркетингу підприємств сфери послуг (кандидати економічних наук Жегус О.В. та Михайлова М.В.).

Загалом участь у роботі конференції взяли понад 100 учасників з України: досвідчені науковці, молоді вчені, аспіранти, студенти. Наукові доробки учасників зібрання були опубліковані у збірнику статей. Завершилася зустріч науковців традиційною екскурсією історичними місцями Полтави.

***Л.І. ЯКОВЕНКО, доктор економічних наук, професор,
С.В. СТЕПАНЕНКО, кандидат економічних наук, доцент***

КОНЦЕПТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ СУЧАСНОЇ ЕКОНОМІЧНОЇ ТЕОРІЇ: НАЦІОНАЛЬНИЙ, ГЛОБАЛЬНИЙ, ЦИВІЛІЗАЦІЙНИЙ ВИМІР

Із такою назвою 27 березня 2015 року відбулася Перша Всеукраїнська науково-практична конференція студентів спеціальності «Економічна теорія» (далі – конференція), організована кафедрою політичної економії обліково-економічних факультетів ДВНЗ «Київський національний економічний університет імені Вадима Гетьмана» під егідою Громадської Організації «Всеукраїнська асоціація політичної економії» та за підтримки ректорату КНЕУ.

Ідея проведення конференції для студентів спеціальності «Економічна теорія» була подана заступником завідувача кафедри політичної економії обліково-економічних факультетів ДВНЗ «КНЕУ імені Вадима Гетьмана» д-ром екон. наук, професором Ю. Зайцевим, підтримана колективом кафедри та полягала в прагненні об'єднати і стимулювати творчу студентську молодь в її становленні як економістів-теоретиків, які обрали своєю майбутньою професією фундаментальну науку – *економічну теорію* – та прагнуть реалізовувати свої знання в реальному економічному житті. Кафедра політичної економії обліково-економічних факультетів ДВНЗ «КНЕУ імені Вадима Гетьмана» активно працює над привабленням уваги наукової спільноти та студентів до сучасної економічної теорії і політичної економії зокрема. Пріоритетним завданням є відновлення в правах економічної теорії та політичної економії зокрема як фундаментальної науки зі значним методологічним потенціалом для дослідження сучасних проблем функціонування економіки та суспільства. Тому проведення цієї конференції є особливо актуальним і наближує до реалізації зазначеного завдання.

Мета конференції полягала в обміні науковим та навчальним досвідом, результатами наукових досліджень студентів, а також в організації знайомства майбутніх фахівців галузі економічної теорії, проведенні творчих дискусій за важливими концептуальними проблемами сучасної економічної теорії.

До складу організаційного комітету, окрім ініціативних членів колективу кафедри (д-ра екон. наук, професора Ю. Зайцева, д-ра екон. наук, професора О. Москаленко, канд. екон. наук М. Михайлюка, канд. екон. наук Д. Хохича та ін.), було залучено аспірантів кафедри, а саме І. Савенко, Л. Гоцуляк, О. Йосипенко, Д. Самойловича, які із великим творчим натхненням взяли за

організацію конференції та проявили свої наукові, творчі та організаційні здібності на всіх підготовчих і основному етапах її проведення.

Зі вступним словом до учасників конференції звернулися завідувач кафедри політичної економії обліково-економічних факультетів, член-кореспондент НАН України, д-р екон. наук, професор **В. Савчук**, заступник голови завідувача кафедри політичної економії обліково-економічних факультетів д-р екон. наук, професор **Ю. Зайцев**, декан факультету економіки та управління, канд. екон. наук, доцент **О. Востряков** та заступник голови оргкомітету конференції, д-р. екон. наук, професор кафедри **О. Москаленко**.

У своєму вступному слові до учасників конференції **зав. кафедри В. Савчук** привітав учасників конференції та наголосив на важливості вивчення економічної теорії студентською молоддю та оволодіння сучасною методологією аналізу економічних явищ і процесів, які постійно ускладнюються та набувають нових ознак і закономірностей прояву. Він також не оминув актуальності викладання та вивчення політичної економії як фундаментальної науки студентами-теоретиками. В. Савчук зазначив, що політична економія в першу чергу займається порівнянням результатів функціонування соціальних, політичних та економічних інститутів. Разом з тим, вважає вчений, сучасна економічна теорія в Україні має всі шанси стати методологією для проведення економічних реформ в ці важкі часи, пояснити суспільству соціально-економічні та інституціональні причини поточних процесів і обґрунтувати їх можливі політичні і соціальні наслідки. Потенціал фундаментальної теоретичної економічної науки в Україні, на жаль, на думку вченого, недооцінений.

Заступник голови завідувача кафедри політичної економії обліково-економічних факультетів **Ю. Зайцев** звернувся із привітальним словом до учасників конференції та наголосив на особливій актуальності проведення даного наукового заходу з концептуальних проблем сучасної економічної теорії. У своєму виступі він акцентував увагу на тому, що потенціал спеціальності «Економічна теорія» в Україні ще не розкритий і не реалізований повною мірою. Разом з тим поточна економічна і політична ситуація в нашій країні вимагає комплексних і універсальних теоретичних економічних знань, нових поглядів на сутність державних стратегій і програм розвитку, вирішення існуючих соціальних, економічних, політичних проблем, нових підходів і методів до практичної економічної політики, державного управління, ведення бізнесу. За цих умов, на думку вченого, розширюється поле для реалізації своїх професійних знань і компетенцій майбутніми економістами-теоретиками. Ю. Зайцев також проінформував учасників конференції про наукову школу сучасної політичної економії КНЕУ, засновником якої він є, та конкретизував

предметний простір та напрями проблематики досліджень у рамках наукових інтересів цієї школи. Сучасна політична економія, на думку Ю. Зайцева, знаходиться на верхівці світової економічної науки. Займатися політичною економією у світі не тільки престижно, але й по-науковому модно. У рідній Україні з визнанням сучасної політичної економії як провідної економічної науки в науковому співтоваристві існують, на превеликий жаль, суттєві труднощі. Саме тому контрастним виглядає поважне ставлення і посилений інтерес до політичної економії у провідних університетах світу.

Декан факультету економіки та управління ДВНЗ «КНЕУ імені Вадима Гетьмана» **О. Востряков** у своєму вітальному виступі наголосив на тому, що є проведення даної конференції є дуже важливим з точки зору стимулювання талановитих студентів до наукової діяльності, яка є особливо актуальною у професійному зростанні майбутніх фахівців в умовах посилення конкуренції на ринку праці. Вміння та знання, які набуваються студентами під час наукових досліджень, є вирішальними, що обов'язково принесе свої плоди в їх становленні.

Заступник голови оргкомітету конференції, професор кафедри **О. Москаленко** у своєму зверненні до учасників конференції зробила акцент на актуальності теми конференції та зазначила, що сучасна економічна теорія є масивом фундаментальних знань про характер і форми економічних відносин усіх типів і рівнів, поведінку суб'єктів економічної діяльності, способи ведення господарства, види та інструментарій ефективної економічної політики, теорії та моделі прогресивного економічного розвитку та економічного зростання національних держав, відносини власності, причини трансформації функцій держави та їх результати тощо. На думку О. Москаленко, проведення цієї науково-теоретичної конференції є дуже важливим з позиції акумуляції спільних зусиль споріднених кафедр вищих навчальних закладів України у реалізації суспільно значимої справи з підготовки бакалаврів і магістрів спеціальності «Економічна теорія» для національної економіки, обмін науковим та навчальним досвідом, результатами науково-дослідних робіт студентів є дуже корисною справою.

Після привітальних виступів і слів настанови розпочалася робота Всеукраїнської науково-практичної конференції, під час якої на пленарному та секційних засіданнях було заслухано близько 30-ти доповідей студентів спеціальності «Економічна теорія», які є вихованцями кафедр теоретичної економічної думки з усіх регіонів України.

У своїх виступах студенти довели до присутніх результати творчих пошуків із найактуальніших проблем, які пов'язані концептуальними теоретичними та практичними проблемами сучасної економічної теорії.

На пленарному засіданні були представлені десять кращих доповідей, за які студенти були нагороджені дипломами в номінації «За кращу доповідь, представлену на пленарному засіданні конференції», серед них були представлені такі:

Роботу конференції відкрила доповідь **О. Румянцева**, студента IV курсу, ДВНЗ «Київський національний економічний університет імені Вадима Гетьмана» під назвою «**Концепція сталого економічного розвитку в умовах глобалізації**», в якій він зазначив, що перехід світового співтовариства до стану сталого розвитку потребує серйозних змін у протіканні багатьох планетарних процесів. Досягти їх, на думку доповідача, можна тільки погодженими діями. Саме тому розгляд концепції сталого розвитку неможливо починати відокремлено від процесів глобалізації. На жаль, концепція сталого розвитку досі не набула в Україні достатнього поширення. Більш, ніж двадцятирічний досвід упровадження стратегічних засад сталого розвитку в Україні доводить, що за фактом у більшості сфер економічної діяльності не забезпечується необхідна системна єдність соціальної, екологічної і виробничої компонент.

Студентка III курсу ДВНЗ «Тернопільський національний економічний університет» **Н. Микитюк** у доповіді «**Проблеми формування сприятливого інвестиційного клімату в економіці України**» зазначила, що за умов постійної мінливості стратегій розвитку економіки України, оцінка її інвестиційного клімату та його впливу на потоки іноземних інвестицій набуває особливої актуальності. На погляд дослідниці, стабільно низькі рейтингові оцінки України засвідчують, насамперед, про відсутність реальних кроків з боку влади, спрямованих на покращення умов для ведення бізнесу, що негативно позначається на інвестиційному іміджі України. Окрім цього покращення інвестиційного клімату в Україні, не відбулося внаслідок об'єктивних причин. Однак на часі впровадження ефективних способів підвищення якості інвестиційного клімату засобами інноваційно-інвестиційної політики держави.

О. Чорний, студент V курсу ДВНЗ «Київський національний економічний університет імені Вадима Гетьмана» у своїй доповіді «**Теоретико-прикладні основи формування інноваційного мислення**» наголосив на тому, що інноваційне мислення – це вищий ступінь пізнання, усвідомлення протиріч, що виникають у суспільних відносинах, їх творчого вирішення на основі усвідомлення відповідності чи невідповідності нового потребам та інтересам людини. При зміні технологічного укладу потрібні нові підходи до технологій, нові способи мислення для досягнення поставлених цілей. Прорив завжди полягає у тому, що люди починають інакше мислити. людина інноваційного мислення є тип «Прагматика/Інноватора», для якого характерне синтетичне

мислення щодо побудови нових систем на основі непокєднуваних деталей й для якого інновації є не самоціллю, а процесом щодо досягнення власних цілей(розвитку).

М. Луців студент III курсу ДВНЗ «Тернопільський національний економічний університет» виступив із практично важливою доповіддю на тему: **«Політика енергетичної безпеки та напрями її удосконалення»**, у якій обґрунтував, що енергетичний сектор економіки потребує особливої уваги, що зумовлено незадовільним станом його розвитку протягом останнього десятиріччя. На тлі подій, що відбуваються в останні роки в Україні, проблема досягнення енергетичної незалежності країни є актуальною, що впливає із «Стратегії – 2020». Юний науковець проаналізував стан паливно-енергетичного комплексу (ПЕК) України, котрий являє собою сукупність галузей промисловості, що забезпечують країну паливом і електроенергією. Студент наголосив, що Україна має можливості стати енергетично незалежною державою вже через декілька років. Для досягнення цього, на думку доповідача, потрібно: чітка стратегія розвитку ПЕК; реформування ЖКГ; пропаганда серед населення ідеї економнішого ставлення до ресурсів та енергозбереження; залучення внутрішніх та зовнішніх інвестицій; проведення законодавчих змін; впровадження державних пільг для нових та вже існуючих проектів енергозбереження.

Д. Балозян, студентка IV курсу ДВНЗ «Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького» у своїй доповіді **«Аналіз загроз соціальній безпеці України»** проаналізувала стан соціальної безпеки в Україні та виокремила такі основні загрози: 1) негативні тенденції у відтворенні населення: низький рівень народжуваності, від'ємний природний приріст, висока дитяча смертність, старіння населення, скорочення тривалості життя як чоловіків, так і жінок, інтенсифікація міграційних процесів; 2) загрозливі тенденції у розвитку соціального середовища; 3) в Україні на сьогодні одна з найнижчих серед європейських держав оплата праці, що відображає низький рівень добробуту. Виникає та поширюється нове явище, як «бідність працюючих», яке поширюється і на висококваліфікованих працівників, скорочуються реальні доходи населення. Загрозою також є значне розшарування населення України за рівнем добробуту.

Ю. Овчар, студентка II курсу ДВНЗ «Київський національний економічний університет імені Вадима Гетьмана» у доповіді під назвою **«Проблема зайнятості молоді в Україні»** доповіла про таку актуальну проблему для України і для світової спільноти загалом, як зайнятість молоді. На думку доповідача, нераціональне використання трудового потенціалу молоді сьогодні – це втрата якості робочої сили в майбутньому. Відсутність

перспектив працевлаштування істотно впливає на мотивацію поведінки молодих людей, загострює взаємовідносини в молодіжному середовищі і, як наслідок, може призвести до соціальної та особистісної деструктивної поведінки. Тому розв'язання цієї проблеми є однією з цілей державної молодіжної політики України. Доповідач запропонувала такі шляхи вирішення цієї проблеми, як налагодження системи моніторингу поточних і перспективних потреб ринку праці, впровадження науково обґрунтованої методики визначення реальної потреби як державного, так і приватного секторів економіки та сфери послуг, приведення системи державного замовлення у освітній сфері до вимог національної економіки.

І. Смілка студентка III курсу ДВНЗ «Тернопільський національний економічний університет» виступила із доповіддю «**Соціальна політика України: проблеми та шляхи реформування**» у якій наголосила, що протягом років незалежності України соціальна політика так і не сформувалася як комплексна та цілісна стратегія. Реформування економіки призвело до перерозподілу доходів населення, а соціальні заходи безсистемного характеру не дали відчутного ефекту та істотно не зменшили масштабів бідності в Україні. Навпаки, це призвело до глибокої соціальної поляризації суспільства та поділу населення на дві частини: в одній – 83,6% незаможних, бідних і злиденних, в іншій – 0,05% громадян, які володіють надбагатствами. На думку студентки, система соціального захисту населення в Україні потребує оновлення та реформування. По-перше, роль держави полягає у запровадженні таких стандартів, які б забезпечили реалізацію стратегії поліпшення якості життя громадян. По-друге, важливим напрямом оптимізації даної системи має стати не підвищення рівня різноманітних виплат та збільшення їх обсягів, а створення інфраструктури соціальних послуг для всіх категорій населення.

Б. Ватаманюк, студентка I курсу Національного університету «Києво-Могилянська академія» у своїй міждисциплінарній доповіді «**Теоретичний аналіз політичних ділових циклів**» звернула увагу на значну кількість теорій, зокрема теорії політичного ділового циклу, які аналізують вплив електорального циклу на економічну динаміку. Ключовими різновидами теорії політичного ділового циклу, наголосила доповідач, вважаються партійні моделі й опортуністичні теорії. Ще одним способом дослідження політичного ділового циклу є окремий аналіз монетарних і фіскальних ділових циклів як його складових. Найчастіше вони проявляються у стимулювальній монетарній і фіскальній політиці у передвиборний період, що у довгостроковому періоді призводить до негативних наслідків для економіки країни та вимушеної стримувальної політики у поствиборний період. Сьогодні найактуальнішими,

мабуть, є аналіз політичних ділових циклів за допомогою ефекту нової демократії та монетарних й фіскальних ділових циклів.

О. Денсжкіна, студентка V курсу ДВНЗ «Київський національний економічний університет імені Вадима Гетьмана» у своєму виступі на тему **«Концепція національної інноваційної системи»** зазначила, що інтенсивне економічне зростання можливе лише за умови обрання інноваційного шляху розвитку. Рушійною силою інноваційного розвитку країни є розбудова національної інноваційної системи, адаптованої до вимог ринкової економіки, яка буде стимулювати зростання конкурентоспроможності українських підприємств, створить умови для подолання слабкого місця, притаманного Україні – відсутності зв'язку між освітою, наукою і виробництвом, а також стане каталізатором інноваційної активності, особливо в сфері наукомісткого підприємництва. На сьогодні в Україні не визначені основні засади державної політики з питань забезпечення розвитку національної інноваційної системи.

Також на пленарному засіданні були представлені актуальні та змістовні доповіді таких студентів, як **Х. Курудз**, студентки II курсу ДВНЗ «Львівський національний університет імені Івана Франка» на тему «Новітні тенденції у розвитку відносин власності», **О. Подвиженної**, студентки IV курсу Херсонського державного університету на тему «Роль людини у постіндустріальному суспільстві», **А. Ніжнік**, студентки V курсу ДВНЗ «Донецький національний технічний університет» на тему «Особливості застосування державно-приватного партнерства у системі вищої освіти», **В. Квітки**, студентки II курсу ДВНЗ «Харківський національний економічний університет імені С. Кузнеця» на тему «Дослідження факторів впливу на економічне зростання в Україні» та ін.

На конференції працювало 5 секцій, а саме: **секція 1.** Сучасна економічна система та тенденції її розвитку на початку XXI століття; **секція 2.** Методологія дослідження економічних систем; **секція 3.** Економічний розвиток і його рушійні сили; **секція 4.** Економічна політика сучасної держави: стратегічні напрями та ефективність; **секція 5.** Інтернаціоналізація світового господарства та глобальні проблеми людства. Серед найкращих доповідей на секційних засіданнях, за якими студенти спеціальності «Економічна теорія» отримали дипломи в номінації «За змістовну наукову доповідь, представлену на секційному засіданні конференції», можна виділити наступні:

Д. Хіценко, студентка V курсу, ДВНЗ «Київський національний економічний університет імені Вадима Гетьмана» з доповіддю **«Основні сучасні проблеми інформаційної безпеки України»** наголосила на зростанні ролі гуманітарної безпеки, оскільки вона є складовою національної та міжнародної безпеки й охоплює інтелектуальну, освітньо-виховну, психічну,

фізичну, моральну, репродуктивну, духовну, генетичну, майнову, міграційну та культурно-етнічну безпеки.

В. Фарбота, студентка II курсу ДВНЗ «Тернопільський національний економічний університет» у виступі на тему: «**Новітні індикатори дослідження ефективності розвитку економічних систем: індекс соціального прогресу**» проаналізувала запропонований у 2013 р. американською неприбутковою організацією «Social Progress Imperative» на всесвітньому форумі із соціального підприємництва «Skoll World Forum», Індекс соціального прогресу (Social Progress Index). Також вона наголосила на його актуальності, оскільки цей індекс по-новому вимірює добробут суспільства, не використовуючи відомості про ВВП. Індекс соціального прогресу достатньо чітко демонструє нестійкий зв'язок між економічною ефективністю (ВВП на душу населення) та рівнем соціального розвитку.

І. Стецина, студентка V курсу, ДВНЗ «Київський національний економічний університет імені Вадима Гетьмана» в доповіді «**Нерівність населення за доходами в сучасній Україні**» проаналізувала економічну нерівність як природне для ринкової соціально-економічної системи явище. Україна, як і деякі інші постсоціалістичні країни, зіткнулася з проблемою зростання непродуктивної нерівності, її інституціоналізацією, збільшення ризику крайніх форм розшарування населення, зниження рівня і якості життя.

Х. Хома, студентка IV курсу ДВНЗ «Київський національний економічний університет імені Вадима Гетьмана» в доповіді на тему: «**Тіньова економіка як одна із інституційних форм функціонування народного господарства України**» обґрунтувала причини тіньової економіки, яка за своєю природою носить асоціальний характер, на даний момент є однією із найважливіших загроз для функціонування реального сектору економіки, так і для інших сфер життєдіяльності соціуму в цілому, оскільки вона доволі суттєво охоплює такі важливі сфери, як медичне обслуговування, освіта та державна влада. Для зменшення частки неофіційного сектору економіки необхідно насамперед здійснювати послідовні заходи щодо зміни неформальних інститутів в суспільстві.

У доповіді **Ю. Пашкат**, студентки III курсу ДВНЗ «Чернівецький національний університет імені Юрія Федьковича» на тему «**Актуальні проблеми функціонування банківської системи України**» йшлося про ключові проблемами розбалансування банківської системи України, серед яких девальвація національної валюти; відтік клієнтський депозитних коштів; загострення проблеми ліквідності; зростання проблемної заборгованості; погіршення фінансових результатів банків; зростання вартості ресурсної бази(депозитів); втрата довіри з боку вкладників; зростання процентних ставок;

збільшення обсягів неповернутих валютних кредитів тощо. Щоб розв'язати всі ці проблеми та забезпечити збереження фінансової стійкості вітчизняних банків, на погляд автора, необхідно об'єднати зусилля всіх гілок влади і розробити заходи, які були б спрямовані на вихід України з політичної та економічної кризи.

Актуальною була також доповідь **Т. Гелиш**, студентки V курсу ДВНЗ «Львівський національний університет імені Івана Франка» на тему **«Аналіз ефективності бюджетної політики України в умовах євроінтеграції»** у якій наголошено на тому, що в умовах економічної кризи та зростаючих витрат на оборону держави співпраця з міжнародними організаціями, зокрема Європейським Союзом, є необхідною умовою та вимагає збалансованої бюджетної політики, врегулювання структури видатків, узгодження з показниками дефіциту та державного боргу.

О. Лосева, студентка I курсу ДВНЗ «Харківський національний економічний університет імені Семена Кузнеця» у своїй доповіді на тему **«Режим інфляційного таргетування, як механізм забезпечення цінової стабільності»** зробила акцент на тому, що за сучасних умов забезпечення довгострокового стійкого економічного зростання неможливо без державного контролю над забезпеченням низького рівня інфляції та її передбачуваності. Перевагою інфляційного таргетування є комбінація чітких норм та правил і загальних принципів, довіра до дій центрального банку, застосування таргету з урахуванням необхідних стабілізаційних заходів.

Д. Чорнуха, студент ДВНЗ «Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова» в доповіді **«Ключові напрями удосконалення бюджетної політики України»** розглянув суперечність між рівнем зростання державного боргу та неефективністю використання зовнішніх запозичень і наголошується на напрямках удосконалення бюджетної політики.

Ілімбу-Санту Грейс, магістрант ДВНЗ «Харківський національний педагогічний університет імені Г. С. Сковороди» в доповіді на тему **«Проблеми реструктуризації зовнішнього державного боргу України за єврооблігаціями»** пояснив причини невизначеності в управлінні зовнішнім боргом, які пов'язані із надходженням зовнішнього фінансування від МВФ на тлі низького рівня валютних резервів, сильної рецесії в економіці країни, скорочення її економічного потенціалу через воєнні дії на Сході України тощо. Це чинить значний тиск на суверенний борг України, роблячи його нестійким, та загрожують дефолтом за зовнішніми зобов'язаннями. Влада країни та МВФ, на думку дослідника, повинні вжити обґрунтовані заходи, щоб вирішити нинішню ситуацію із зовнішніми боргами шляхом реструктуризації заборгованості за українськими єврооблігаціями.

Варто зазначити, що, враховуючи дію об'єктивних обставин, найбільшу активність щодо участі в конференції виявили студенти спеціальності «Економічна теорія» ДВНЗ «Київський національний економічний університет імені Вадима Гетьмана». Серед доповідей на секційних засіданнях можна також відмітити такі: **Є. Морозов**, студент III курсу – «**Реформи Бальцеровича та їх імплементація в сучасних українських реаліях**», в якій автор порівняв хід реформ у Польщі та в Україні і вказав на вади вітчизняної моделі ринкових реформ, що здійснювалась в угоду олігархічним кланам та немала в собі радикальних змін, які б якісно вплинули на ринковий поступ вітчизняної економіки. **А. Волкова**, студентка IV курсу – «**Зовнішній державний борг України та зовнішньоторговий тягар**», в якій досліджено негативну тенденцію впливу прискорених темпів зростання зовнішнього боргу на добробут маргінальних верств українського населення і розраховано суму зовнішнього боргового тягара, перекладеного на суспільство. **О. Струтинська**, студентка V курсу – «**Проблема мінімальної заробітної плати в сучасній Україні**», у якій аналізуються важливі цілі запровадження мінімального розміру оплати праці, як інструменту держави у регулюванні ринку праці. **О. Токарчук**, студентка II курсу – «**Державне управління використанням конкурентних переваг національної економіки України у відносинах з країнами ЄС**», увага в якій зосереджена на аналізі конкурентоспроможності різних сфер і галузей національної економіки на шляху до європейської інтеграції. **М. Николюк**, студентка IV курсу – «**Формування і оптимізація цільових пріоритетів національної економічної політики**», де акцент зроблено на формуванні ефективної економічної політики з визначенням стратегічних цілей розвитку економіки. **Я. Сіркізюк**, студент V курсу – «**Вплив іноземних інвестицій на економічний розвиток держави**». **С. Ващишин**, студент V курсу – «**Джерела фінансування інноваційного розвитку**».

Географія учасників конференції була представлена такими вищими навчальними закладами, як: ДВНЗ «Київський національний економічний університет імені Вадима Гетьмана», ДВНЗ «Харківський національний економічний університет імені С. Кузнеця», ДВНЗ «Львівський національний університет імені Івана Франка», Херсонський державний університет, ДВНЗ «Донецький національний технічний університет», ДВНЗ «Тернопільський національний економічний університет», ДВНЗ «Чернівецький національний університет імені Юрія Федьковича», ДВНЗ «Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького», ДВНЗ «Харківський національний педагогічний університет імені Г. С. Сковороди», ДВНЗ «Національний педагогічний університет імені М. П. Драгоманова», Національний університет

«Києво-Могилянська академія», Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького. Загалом участь в роботі конференції взяло понад 70 студентів. Науковими керівниками студентських доповідей стали понад 30 викладачів із вище представлених університетів України. Серед найбільш активних слід відзначити внесок к.е.н., доцента С. Кудина (ДВНЗ «Львівський національний університет імені Івана Франка»), який підготував вісьмох студентів для участі в конференції.

За результатами конференції видано збірник тез-доповідей конференції¹, у якому висвітлено результати досліджень студентів спеціальності «Економічна теорія», присвячених аналізу теоретико-методологічних проблем сучасної економічної теорії і, зокрема, сучасної політичної економії. Розглянуто типи сучасних економічних систем і методологію їх дослідження. Проаналізовано сутність, зміст і форми економічного розвитку, його рушійні сили, а також стратегічні напрями та ефективність економічної політики держави в національному, глобальному та цивілізаційному вимірах.

Головні результати наукових досліджень студентів спеціальності «Економічна теорія» провідних університетів України, представлених на конференції, засвідчили про зростаючий інтерес молодого покоління до теоретичної економічної науки та показали позитивні перспективи використання її методологічного потенціалу в практичній економічній політиці. Проблемне поле наукових інтересів студентів підтверджує те, що характерною особливістю сучасної економічної теорії є розширення та ускладнення предмету її досліджень. Це є закономірним процесом. Рефлексія реальної економічної дійсності стає результатом реалізації теоретико-методологічної функції сучасної економічної теорії – пояснення глибинних причин і характеру економічних процесів, виявлення закономірностей, формулювання законів економіки, пропонування способів, форм та інструментів вирішення соціально-економічних завдань країн і загальноцивілізаційних проблем людства.

---

¹ Концептуальні проблеми сучасної економічної теорії: національний, глобальний, цивілізаційний вимір: Матеріали Першої Всеукраїнської міжрегіональної науково-практичної конференції студентів спеціальності «Економічна теорія». – К.: ДВНЗ «Київський національний економічний університет імені Вадима Гетьмана», 2015. – 107 с. *Редакційна колегія:* **В. С. Савчук**, член-кор. НАН України, д-р екон. наук; **Ю. К. Зайцев**, д-р екон. наук; **О. М. Москаленко**, д-р екон. наук; **Д. В. Верба**, канд. екон. наук; **Д. Г. Хохич**, канд. екон. наук; **М. А. Михайлюк**, канд. екон. наук та ін. / За науковою редакцією д-ра екон. наук **О. М. Москаленко**.

Організаційний комітет конференції сподівається, що Всеукраїнська науково-практична конференція студентів спеціальності «Економічна теорія» стане доброю традицією та виконуватиме важливе завдання щодо повернення пріоритетного статусу економічної теорії, та політичної економії зокрема, в системі економічних наук, а її методологічний потенціал використовуватиметься повною мірою в реальному житті.

Ю.К. ЗАЙЦЕВ, доктор економічних наук, професор, заступник завідувача кафедри політичної економії обліково-економічних факультетів ДВНЗ «Київський національний економічний університет імені Вадима Гетьмана»,

О.М. МОСКАЛЕНКО, доктор економічних наук, заступник голови оргкомітету конференції, професор кафедри політичної економії обліково-економічних факультетів ДВНЗ «Київський національний економічний університет імені Вадима Гетьмана»

ЛИСТИ ДО РЕДАКЦІЇ

УДК 330.10

***В. В. ОГНЕВОЙ,**
рабочий, г. Черкассы*

ОТ ПРОСТОГО ТРУДА К СЛОЖНОМУ: ЗАГАДКА ГИПЕРПРОДУКТИВНОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ТРУДА

Мышечно-физический труд – прочно устоявшийся в нашем сознании стереотип труда подлинного, реального. – В силу своей, прежде всего, осязаемости. Это простой труд. Здесь все понятно: перед нами человек с руками, с ногами... Вот он закачивает рукава и механическим движением рук/ног (а это и есть труд) совершает процесс производства – изготавливает продукт. Продолжительность (во времени) мышечно-физических манипуляций – количество труда – в прямой пропорции определяет как объем/сложность производимого продукта, так и величину его стоимости в качестве товара на рынке. Вымарал человек руки, натер мозоли, облился потом – хорошо поработал! И по овеществленным результатам труда это видно: больше продукта или же сложнее/качественней продукт – выше его стоимость как товара. Каков массив физических трудозатрат, определяемый продолжительностью рабочего времени, – таков и овеществленный результат труда. – В строгой пропорции один к одному. Так было в условиях ручного производства доиндустриальной эпохи. В условиях машинно-автоматизированного производства индустриальной эпохи ситуация меняется кардинально.

На современных предприятиях нам приходится наблюдать странную, казалось бы, картину. В диспетчерских или на ЦПУ современных автоматизированных предприятий находятся один, два или несколько оперативных работника – диспетчеров/операторов, – которые, в белых халатах сидя за компьютерами, пальцами своих рук на клавиатурах отдают команды

технологическому процессу и отслеживают его на экранах мониторов... – И это весь их труд! А производство в этот момент, иногда без единой живой души в цехах, дает продукцию полным ходом в огромных объемах. – Парадокс! Физических трудозатрат практически никаких, а овеществленный результат труда колоссальный. Каким образом оперативному персоналу современных автоматизированных предприятий удастся производить огромные массы продукта?.. – Ни рук не выпачкав, ни капли пота не обронив. (Вот уж где проблема классической ТТС).

Весь секрет кажущегося «парадокса» состоит в том, что человеческий ум способен создать и создает на самом деле такие «чудо»-орудия труда, взяв которые в руки (умело, разумеется, взяв, профессионально), человек как бы, условно, обретает множественное число пар рабочих рук и... начинает работать, допустим, в две пары рук за двоих, в три пары рук за троих, в десять пар рук за десятерых, в семьдесят пар рук за семидесятерых... И рабочее время от этого сокращается в два раза, в три, в десять, в семьдесят раз... А масса производимого продукта увеличивается, соответственно, в два, в три, в десять, в семьдесят раз... Каким количеством условных пар рабочих рук орудует технически оснащенный работник – таков и овеществленный результат его труда. Какого (тут же возникает вопрос) труда?

Труд везде с самых давних времен был и есть тратой физической + умственной энергии человека в процессе производства материальных благ. Человеческий труд – это интеллектуально-физические трудовые усилия. Одно без другого невозможно. Однако, с момента промышленной революции XVIII века мы наблюдаем кардинальную эволюцию труда. Если во времена ручного производства доиндустриальной эпохи умственный труд выполнял вспомогательную функцию по отношению к труду физическому (человеческий интеллект призван был обеспечивать более рациональную, более профессиональную манипуляцию рабочих рук), то с внедрением машинного, а тем более машинно-автоматизированного производства в индустриальную эпоху труд физический с трудом умственным как бы меняются местами. Здесь уже мышечно-физические трудовые операции выполняют вспомогательную функцию по отношению к труду умственному, рабочие руки призваны обслуживать человеческий интеллект. Перемещения руками (или ногами) человека рычагов и педалей, нажатие кнопок управления, переключение тумблеров, набор команд на клавиатурах компьютеров или сенсорах управляющих устройств машинного и машинно-автоматизированного оборудования имеют своей целью выполнить волю человеческого интеллекта, который в данной ситуации становится главным трудовым ресурсом.

Реализовывается интеллектуально-трудовой ресурс человека, разумеется, не на пустом месте, а лишь тогда, когда человек берет в свои руки машинное (или машинно-автоматизированное) «чудо»-орудие труда. Не как-нибудь берет, а берет профессионально. И тогда результат производственной деятельности человека – потрясающий, дающий огромную отдачу его интеллектуального труда. Что же это за такие «чудо»-средства производства, преобразующие, казалось бы, невидимые трудовые усилия человеческого интеллекта в огромный овеществленный результат? За счет чего реализуются «чудотворные» свойства технически современных орудий труда? Ответ: «чудо»-результат современного производства достигается в силу трансформационных свойств высокотехнологического оборудования.

Трансформация в нашем сознании (в силу нашей технической осведомленности), несомненно, ассоциируется с силовым электротрансформатором. Аналогия трансформационной функции машинно-автоматизированного оборудования и электрического трансформатора в данном случае очень и очень даже кстати. Подобно силовому электротрансформатору, который не генерирует электроэнергию, а всего лишь преобразует ее из напряжения/ток в ток/напряжение (или же наоборот), **машинно-автоматизированные средства производства не трудятся, а лишь преобразуют труд из одной субстанции в другую: из субстанции интеллектуального труда физических лиц в субстанцию труда условных единиц рабочей силы.** – При условии, что рабочую силу усредненной пары рабочих рук физического лица изначально примем за условную единицу рабочей силы: 1РСФЛ = 1УЕРС. Подобно силовому электротрансформатору, имеющему свой коэффициент трансформации напряжения в ток (или наоборот), машинно-автоматизированное оборудование имеет свой коэффициент трансформации – коэффициент технической трансформации интеллектуального труда рабочей силы физических лиц (РСФЛ-Труда) в труд условных единиц рабочей силы (УЕРС-Труд).

Трансформационные свойства машинного оборудования определяются его технической производительностью (штуками, тоннами, кубометрами... за единицу времени), а та, в свою очередь, – технической мощностью (исчисляемой лошадиными силами, например, или же киловаттами энергии) и другими техническими параметрами. Технические свойства экскаватора, к примеру, определяются как мощностью дизельного двигателя, так и объемом ковша; башенного крана – мощностью электродвигателя и длиной грузоподъемной стрелы; штамповочного пресса – мощностью электропривода и площадью рабочей пресс-поверхности; автоклава – мощностью электронагревательных ТЭН и объемом рабочей емкости; и т.д.

Трансформационные «чудо»-свойства машинно-автоматизированной техники с неба, разумеется, не нисходят. Они в нее заложены интеллектуальным трудом ученых, конструкторов, инженеров; материально воплощены физическим трудом огромной массы рабочих добывающей и обрабатывающей промышленности. Масса овеществленного в техническом оснащении труда ученых-конструкторов и рабочих-машиностроителей определяет, таким образом, коэффициент его технической трансформации. Чем больше в машинно-автоматизированное оборудование вложено труда его создателей – тем выше коэффициент технической трансформации интеллектуального труда РСФЛ во множественный труд УЕРС на данном оборудовании для его пользователей.

Итак, мы имеем высокотехнологическое орудие производства с тем или иным техническим коэффициентом трансформации интеллектуального РСФЛ-Труда во множественный УЕРС-Труд. А что же обслуживающий его оперативный персонал? Всякий ли опер-технолог своим интеллектом способен привести данное оборудование в действие и получить на выходе овеществленный результат? – Нет. На это способен работник только с надлежащим уровнем квалификации, мощность интеллектуального потенциала которого позволяет реализовать трансформационную функцию производственного оборудования с таким-то коэффициентом технической трансформации РСФЛ/УЕРС труда. Имеется в виду достаточная производительная сила труда работника, его трудовая интеллект-мощность, заблаговременно подготовленная коллективным трудом педагогов профобразования. И опять аналогия с силовым электротрансформатором. Техническая характеристика всякого электротрансформатора имеет свою электроэнергетическую мощность. Если к нему требуемую электроэнергетическую мощность (напряжение умноженное на ток) не приложить, то... в лучшем случае КПД трансформатора будет снижен в разы, либо на выходе вообще ничего не будет. То же самое и с трансформационной функцией высокотехнологических орудий производства: приложен к ним надлежащий массив интеллектуальных трудовозатрат – есть на выходе овеществленный результат труда; недостает мощности интеллектуального массива... тут уж, извините, – пусто.

Таким образом, **благодаря трансформационной функции машинно-автоматизированного оборудования в процессе высокотехнологического производства имеет место трансформация интеллектуального труда рабочей силы физического лица (интеллект-труда РСФЛ) работника в труд множественного числа условных пар рабочих рук (множественный труд условных единиц рабочей силы – УЕРС-Труд).** Она то, техническая

трансформация интеллектуального труда РСФЛ во множественный УЕРС-Труд, и дает, соответственно, на выходе производственного процесса высокопродуктивный овеществленный результат. Если высококвалифицированный оператор автоматической системы управления (АСУ) производства, усевшись на свое рабочее место, начинает (условно) выполнять работу, допустим, сотен работников простого физического (ручного) труда, то это значит, что интеллектуальный труд его рабочей силы за пультом управления или компьютером в ходе производственного процесса трансформируется в труд сотен условных пар рабочих рук. То есть, высокотехнологическое автоматизированное оборудование – вернее, овеществленный в нем труд многочисленной армии ученых-конструкторов и рабочих – преобразует в данном случае интеллект-труд рабочей силы оператора как физического лица (интеллект-труд 1РСФЛ) в труд сотен условных единиц рабочей силы – сотни УЕРС-Труда. Не «по своей воле» техническое оборудование трансформирует труд, а лишь при прикосновении к нему высококвалифицированной руки (ума) работника. Разумеется, на современной стадии научно-технического прогресса технологическим циклом, как правило, заправляет (оперативно запускает, управляет, контролирует и т.д.) не один, а группа оперативных работников, и ее следует рассматривать как «коллективного работника» с единым, неделимым массивом интеллект-труда. Благодаря трансформационным свойствам материализованного в машинно-автоматизированной технике интеллекта ученых, высококвалифицированный труд оперативно-технологического персонала, как целого, в результате возводится в эквивалент труду таких-то сотен или же тысяч работников простого ручного производства. – По овеществленному результату труда.

Овеществленный результат живого труда... – Следует уточнить. Овеществленный труд в рыночной экономике представлен в двух ипостасях – в виде изготовленного продукта на производстве (овеществленный труд конкретный) и в виде реализуемого товара на рынке (овеществленный труд абстрактный), – и он всецело является результатом живого труда.¹ Овеществленный в средствах производства труд сам по себе на продукт-товар не переносится, его переносит квалифицированный труд рабочего. Продукт/товар – результат живого и только живого труда. Другое дело, что с точки зрения живого труда он делится на *переносящий живой труд* и *новосоздающий живой труд*, а с точки зрения овеществленного труда он делится на часть *перенесенную живым трудом* и часть *новосозданную живым трудом*. А в совокупности весь овеществленный в продукте/товаре труд, как и

¹ В предыдущей статье («Вопросы политэкономии». 2014. №2, сноска 4) автор допустил ошибку, разделив овеществленный труд на овеществлено-перенесенный и овеществлено-живой. – Неправильно.

вся продуктово-товарная масса вплоть до Совокупного Общественного Продукта, – плод исключительно живого труда. И вот этот живой труд, по авторской версии, полностью уравнен с его овеществленным результатом. Овеществленного труда в продукте/товаре (продуктово-товарной массе за единицу времени) ровно столько, сколько живого труда условных единиц рабочей силы (абстрактных пар рабочих рук) затрачено на его/ее производство.

УЕРС-Труд живой = УЕРС-Труд овеществленный.

То есть: величина овеществленного в продукте/товаре (продуктово-товарной массе) УЕРС-Труда в строгой пропорции один к одному определяется объемом трансформированного в УЕРС-Труд живого интеллектуального труда на высокотехнологическом оборудовании современного производства.

Продукт на автоматизированном предприятии, таким образом, всецело создается живым трудом оперативно-технологического персонала, производительная сила которого на рабочем месте за пультом управления или компьютером формируется интегрированным трудом сотен тысяч, миллионов умов и рук ученых, педагогов, инженеров, рабочих, программистов... Коллективный труд миллионов умов и рук возносит (образно выражаясь) «до небес» производительную силу труда оператора-технолога АСУП – только давай, оператор, – работай! – Гони продукцию!

Казалось бы, парадокс: трудоотдача оператора за компьютером ЦПУ современного предприятия в сотни раз может превосходить трудоотдачу обливающегося потом несчастного слесаря с кувалдой в цеху. Но... у «всемогущего» оператора-технолога есть обратная сторона-изъян – уязвимость. Случись малейший сбой автоматизированного оборудования, скажем, прокатного производства и... оператор – ничто! Тогда как деревенский кузнец при любых обстоятельствах останется кузнецом: набьет рукоятку на молот и пойдет работать дальше. Не стоит поэтому делать большие глаза и морщиться от «заоблачных высот» производительной силы труда оператора автоматизированной линии или цеха. «Всемогущество» оперативного персонала весьма эфемерно. А вот производительная сила труда работника ручного производства, того же слесаря с кувалдой в цеху, – реальна. В аварийных ситуациях без рядового слесаря самый лучший опер-технолог – грандиозный «ноль без палочки». С другой стороны, однако... попробуйте-ка деревенского мастера-кузнеца усадить за пульт управления АСУ прокатного цеха: сколько он продукции «наклипает»?.. Громадный автоматизировано-производственный комплекс – не более чем нагромождение кирпича и металла без оперативно обслуживающего персонала АСУ комплекса в той же мере, как и деревенская кузница с молотом и наковальней без мастера-кузнеца.

Секрет «всемогущества» производительной силы труда оперативно-технологического персонала на рабочем месте в трансформационных свойствах овеществленного в средствах производства интеллектуального труда ученых-изобретателей. Сам по себе овеществленный в автоматизированном оборудовании труд его создателей, повторяю, продукта не производит. Он лишь трансформирует живой труд квалифицированной рабсилы, эксплуатирующей данное оборудование, из субстанции интеллект-труда РСФЛ в субстанцию множественного труда УЕРС. А вот трансформировано-живым УЕРС-Трудом оперативно-технологического персонала производится продукт. – И только им. Труд ИТР оперативного персонала производит продукт, а все прочие (огромная армия создателей автоматизированных средств производства, разработчики искусственного интеллекта – программисты, работники инфраструктуры, включая, прежде всего, энергетиков, вспомогательные службы предприятия и т.д.) работают на труд оператора. Пуско-наладочный персонал, «расконсервируя», образно выражаясь, овеществленный в средствах производства труд ученых и рабочих, приводит в рабочее состояние эти средства и передает их в руки профессионально заранее подготовленному оперативно-технологическому персоналу. Труд опер-технологов с этого момента производит продукт. На случай аварийной ситуации, сбояв автоматизированного оборудования в работе – подстраховка – персонал технического обслуживания: электронщики, «киповцы», электрики, слесаря, электросварщики... Задача ремонтно-технического персонала – поддерживать в работоспособном состоянии трансформационную функцию машинно-автоматизированного оборудования.

Автоматизированный труд – максимально интегрированный труд. Оперативно-технологический персонал автоматизированного производства на вершине интегрированного труда миллионов думающих умов и рабочих рук. Живой труд оператора со своей астрономической (но эфемерной!) производительной силой труда – воплощение интегрированного труда этих миллионов. Руками, а вернее, интеллектом оператора АСУП эти миллионы производят конечный продукт. Не одну разновидность продукта, разумеется, а сотни тысяч наименований продукции одновременно эти миллионы тружеников производят руками опер-технологов множественного числа предприятий различных отраслей. – Одновременно, в одночасье! Труд армии оперативных работников, непосредственно заправляющих технологическими процессами на всех уровнях гиперинтегрированного производства, является живым трудом-производителем, которого в век НТР все больше и больше... Невзирая, казалось бы, на прогрессирующее сокращение численности трудозанятой рабочей силы. Ибо масса живого труда в сфере материального

производства прогрессирующе растет за счет доли интеллектуальных трудозатрат, которые, в отличие от физтруда, не имеют ограничений в пределах единицы рабочего времени.

Труд и сфера материального производства. Всякий ли труд – как физический, так и умственный – является трудом производящим?.. Отнюдь нет. Производящим трудом следует считать труд, имеющий в конечном итоге овеществленный результат. То есть труд, непосредственно или же косвенно (опосредованно) влияющий на создание/приумножение материального богатства – совокупного общественного продукта, оказывающий влияние на формирование стоимостных параметров в масштабах экономики. Четкого водораздела между трудом производящим и трудом непроизводящим, разумеется, нет. Тем не менее, пользуясь критерием овеществленной результативности, условную разграничительную линию между трудом тем и другим (или услугами) провести вполне возможно и нужно. Труд парикмахера, обслуживающего клиентов, например, непроизводящий, поскольку «овеществленный» результат его физического труда идет в мусорную корзину. А вот труд фермера, стригущего овец, производящий, так как овеществленный результат его физического труда в качестве сырья идет в текстильную промышленность. Труд водителя грузового самосвала железорудного карьера является производящим; труд таксиста – непроизводящий. Интеллектуальный труд ученого-физика, в конечном итоге, – производящий; интеллектуальный труд литератора – непроизводящий. Умственный труд программиста, составляющего программу для системы АСУ производства (искусственный интеллект), имеет своим следствием овеществленный результат и его следует считать производящим. А вот труд программиста, пишущего программу для компьютерной игры, – непроизводящий. Труд мастера производственного обучения ПТУ, непосредственно куящего профессиональные кадры для сельхозпроизводства или промпроизводства, скорее всего, является (опосредованно) трудом производящим, влияющим в конечном итоге на овеществленный результат путем формирования производительной силы работника. Тогда как труд учителя бальных танцев – однозначно непроизводящий. Труд врача заводской амбулатории, восстанавливающего физическую работоспособность рабочих предприятия, также, пожалуй, следует причислять в определенной мере (косвенно) к труду производящему. А вот труд врача-косметолога – непроизводящий. То есть всякий труд, берущий участие в создании или же влияющий (пусть не на все 100%, а, скажем, на 50% и более) на создание валового общественного продукта в его натурально-вещественной и стоимостной формах, следует считать производящим.

Осуществив разграничение труда производящего с трудом непроизводящим, последний отодвигаем, пока, в сторону. Непроизводящие труд/услуги материального богатства не приумножают и к формированию стоимости отношения не имеют; через них лишь перераспределяется часть новосозданной стоимости. Нас интересует труд производящий. А поскольку он является как физическим, так и умственным, то нам следует четко определить функциональную роль труда физического и труда интеллектуального в материальном производстве. Ибо традиционная ТТС тот и другой труд примитивно ставит в прямую пропорциональную зависимость от рабочего времени: больше рабочего времени, – соответственно, мол, больше масса труда как физического, так и интеллектуального. Это неправильно.

Массив физических трудозатрат, действительно, определяется продолжительностью рабочего времени в прямой пропорции и притом линейно. Какова продолжительность рабочего времени – такова масса физического труда: увеличилось рабочее время в два раза – соответственно увеличилась масса физического труда в два раза; увеличилось рабочее время в 10 раз – увеличилась масса физтруда в 10 раз; и т.д. А вот интеллектуальный труд, напротив, сам определяет продолжительность рабочего времени и определяет его в обратной пропорции: чем больше массив интеллектуальных трудозатрат – тем короче рабочее время на единицу продукции. – За счет вытеснения физического труда. Причем, насколько убавился физический труд – на столько же сократилось рабочее время. От обратного: сократилось рабочее время в два раза – соответственно уменьшился массив физического труда в два раза; сократилось рабочее время в 10 раз – массив физтруда уменьшился в 10 раз; и т.д. Соответственно в столько же раз – в 2 раза, в 10 – увеличивается масса производимого продукта (овеществленного конкретного труда) на единицу рабочего времени. Но... не стоимость товарной массы (овеществленного труда абстрактного) на ту же единицу рабочего времени. Масса стоимости, безусловно, также возрастает. Однако... Ввиду того, что с ростом производительности труда снижается стоимость единицы продукта, приросту стоимости товарной массы свойственно отставать от прироста массы продукта в натурально-вещественном представлении. И отставание это прогрессирующее, что говорит о нелинейности сокращения рабочего времени от увеличивающегося массива интеллектуальных трудозатрат. Кстати, в условиях абсолютного преобладания физического труда мелкотоварного производства доиндустриальной эпохи линейный прирост массы стоимости был синхронизирован с линейным приростом массы продукта. И только с наступлением индустриальной эпохи обозначилась асинхронность – прогрессирующее опережение прироста массы продукта по отношению к

нелинейному приросту стоимости товарной массы как свидетельство наличия интеллектуальной составляющей труда.

С линейно-пропорциональной зависимостью физического труда от продолжительности рабочего времени все понятно: продолжительнее рабочее время – больше масса физических трудозатрат. А вот влиянию интеллектуального труда на обратно-пропорциональную нелинейность сокращения рабочего времени следует уделить особое внимание. Ибо классическая политэкономия учитывает эксплуатацию одной лишь физической компоненты человеческого труда и (в этом ее огромнейший минус) совершенно не учитывает эксплуатацию труда интеллектуального. И начать рассмотрение данного вопроса следует с того, что интеллектуальный труд в сфере материального производства индустриальной эпохи состоит из двух составляющих:

- а) интеллектуального труда изобретателя средств производства (ученого);
- б) интеллектуального труда пользователя этими средствами (оператора).

Так вот. Интеллектуальный труд пользователя современными средствами производства строго дозированный. Этот дозированный массив интеллектуальных трудозатрат оперативного работника определяется техническим коэффициентом трансформации РСФЛ в УЕРС машинно-автоматизированного оборудования. Ни больше, ни меньше. Недостаток интеллектуального массива оператора даст нулевой овеществленный результат; избыток интеллект-массива, каким бы огромным он не был, овеществленного результата не прибавит. При этом природа интеллектуального труда работников, непосредственно эксплуатирующих современные средства производства, кардинально отличается от природы труда физического. Труд физический есть трата мышечной энергии; труд интеллектуальный есть трата энергии умственной. Это понятно. Понятно и то, что трата мышечной энергии начинается с момента соприкосновения человека с орудием труда в процессе производства и длится все время, покуда человек держит в своих руках это орудие. Если эту логику физического труда распространить на труд интеллектуальный, то получится, что трата человеком умственной энергии происходит лишь в момент, допустим, оперативного переключения тумблеров и нажатия кнопок на пульте управления машины. – Сомнительно. Здесь нужна иная логика. И ее суть, должно быть, состоит в том, что трата умственной энергии в процессе интеллектуального труда строго не совмещена и жестко не привязана к физическим манипуляциям оперативного управления высокотехнологическим процессом производства. Трата умственной энергии в процессе интеллектуального труда, в отличие от траты мышечной энергии в процессе труда физического, имеет свойство накапливаться –

аккумулюються. Она аккумулируется везде и всюду (где угодно) – на работе и вне работы, – и только в момент соприкосновения работника с органами управления машинно-автоматизированного оборудования эта энергия «разряжается» овеществленным результатом интеллектуального труда. – В дозах, строго соответствующих техническим требованиям данного оборудования, а именно, коэффициенту технической трансформации РСФЛ/УЕРС.

В отличие от дозированного интеллектуального труда оператора-технолога, интеллектуальный труд ученого-конструктора, разработчика машинно-автоматизированного оборудования, напротив, – не дозированный и ни чем не ограниченный... И, что самое главное: наращивание массива интеллект-труда и, соответственно, знаний изобретателя имеет устойчивую тенденцию к нелинейно-кумулятивному возрастанию. А причина здесь в том, что, в отличие от физического труда (где труд суммируется: физтруд + физтруд + физтруд...), интеллектуальный труд не суммируется, а (!) взаимно переумножается со знаниями: интеллект-труд $\times$ знания $\times$ интеллект-труд $\times$ знания... Все более продуктивный интеллект-труд умножается на все более совершенные знания, а все более совершенные знания умножаются на все более продуктивный интеллект-труд... Отсюда стремительное наращивание массива интеллектуальной трудоотдачи ученых-изобретателей то в арифметической, то в геометрической прогрессиях. – Особенно в эпоху всеобщей компьютеризации, которая сама по себе является реализованным (материализованным) интеллект-трудом. Как раз именно этот стремительно возрастающий массив интеллектуального труда ученых-изыскателей задает параметры трансформационной функции РСФЛ/УЕРС технологического оборудования: чем больший массив интеллект-труда затрачен на изобретение – тем производительнее средство производства. В век НТР, таким образом, имеет место тенденция к прогрессирующему росту производительности самого интеллектуального труда ученых-изобретателей. А их все более плодотворный, реализующийся в модернизации технического оборудования, результат труда, в свою очередь, требует соответствующего повышения квалификации (интеллектуальной трудоотдачи) пользователей этого оборудования – оперативных работников. Нелинейно-кумулятивное наращивание интеллектуальной трудоотдачи ученых, изобретателей автоматизированных средств производства, с последующим нелинейно-прогрессирующим ростом интеллектуальной трудоотдачи эксплуатирующих эти средства опер-технологов на всех стадиях полного технологического цикла дает в итоге результат нелинейного сокращения рабочего времени на единицу продукта = нелинейно-прогрессирующий рост производительности труда. Кумулятивный

эффект от «интеллект-труд × знания × интеллект-труд × знания...» – глубинная тому причина.

$W = c + v + m$. – Формула стоимости товара по Марксу. Она верна как для капитализма доиндустриальной эпохи, так и для эпохи индустриального капитализма. С одной лишь разницей: индустриальное производство, в меру повышения производительности труда на машинном и машинно-автоматизированном оборудовании, динамично меняет структуру стоимости – $c+v+m$ – в сторону опережающего приращения прибавочной стоимости как по отношению к переменному капиталу (v), так и по отношению к издержкам производства ($c+v$). И в этом отличие от ручного производства доиндустриальной эпохи, где в структуре стоимости соблюдалась пропорция между $c - v - m$. Это касалось как стоимости единицы товара, так и стоимости товарной массы за единицу времени. Увеличилась продолжительность рабочего времени (или же увеличилось число трудозанятых) – в равной пропорции увеличивались и стоимость рабочей силы (переменный капитал), и стоимость ручных средств производства (израсходованных), и прибавочная стоимость. = Пропорционально увеличивалась стоимость товара (товарной массы). Ибо капиталист в условиях доиндустриального производства (мануфактуры), покупая рабочую силу физического лица (РСФЛ), эксплуатировал только физический труд данного лица (РСФЛ-Труд). – Один к одному: наемный труд 1-й рабсилы = эксплуатация 1-го физтруда. – И не более. Физическая мощность рабочей силы имеет предел для человека. А вот интеллектуальная мощность рабочей силы для человека предела не имеет. Поэтому...

С момента промышленного переворота (а это начало доминирующего присутствия в материальном производстве интеллектуальной составляющей человеческого труда) характер капиталистической эксплуатации меняется кардинально. Покупая рабочую силу физического лица (1 РСФЛ), капиталист на машинном оборудовании эксплуатирует не единицу РСФЛ-Труда данного лица, как прежде, а множественный труд условных единиц его рабочей силы (множественный УЕРС-Труд). – За счет эксплуатации интеллект-потенциала наемного работника. Покупает капиталист рабочую силу одной пары рук, а эксплуатирует, условно, ух сколько! Наемный труд единицы рабочей силы (квалифицированной!) = эксплуатация множественного массива интеллектуально-физических трудозатрат от этой рабсилы. – Количественно в зависимости от коэффициента технической трансформации РСФЛ/УЕРС машинного оборудования. Потому-то капиталист индустриальной эпохи изо всех сил стремится к технической модернизации своего производства с максимально более высоким коэффициентом техтрансформации РСФЛ в УЕРС, дабы при минимуме наемной РСФЛ эксплуатировать максимум труда УЕРС.

Чем производительней машинное или же машинно-автоматизированное производство – тем выше норма эксплуатации его обслуживающего оперперсонала – m/v . Отсюда дрейф структуры стоимости – $c+v+m$ – в сторону опережающего роста прибавочной стоимости как по отношению к переменному капиталу, так и по отношению к издержкам производства. Именно этот, что важно, структурный дрейф стоимости является обязательным условием модернизации производства: капиталист решится на техническую модернизацию своего предприятия только в том случае, если она обеспечит опережающий прирост прибавочной стоимости по отношению к издержкам – $m/c+v$ – в пределах промышленного цикла. То есть обеспечит более высокую норму прибыли в сравнении с предыдущим циклом. – За счет эксплуатации более квалифицированного (более интеллектуально-насыщенного) труда оперативных работников на более технически совершенном оборудовании. А что же с интеллектуальным трудом ученых-разработчиков данного оборудования?..

Классический капитализм в идеале (подчеркиваю: *классический... в идеале...*) интеллектуальный труд ученых-изобретателей не эксплуатирует.² Капиталист в лице производителя средств производства покупает у изобретателя готовый интеллект-продукт (изобретение) в момент массового обновления основного капитала начальной стадии промышленного цикла в целях внедрения в производство. И факт подобной купли техновшества – не эксплуатация, а инвестиция. А покупает капиталист интеллект-продукт изобретателя как товар по стоимости из расчета предполагаемого экономического эффекта – производительности труда, нормы прибыли, рентабельности и т.д. Именно стоимость интеллект-продукта, от обратного, является единственным мерилем подлинного массива интеллектуального труда ученого-изыскателя. – Вне зависимости от того, сколько дней и ночей, лет или зим он творчески «маялся» над изобретением. Трудились ли над одной и той же конструкторской задачей головы множества ученых, или же «эврика» посетила гения, решившего задачу в одиночку, – капиталиста совершенно не интересует. Он платит деньги за реальное достоинство технической новинки. И это достоинство – единственный критерий интеллектуальных трудозатрат изыскателя. Какова стоимость интеллект-продукта/товара (реальная оценка его достоинства) – таков массив потраченного на него интеллект-труда. И массив этот не от продолжительности рабочего времени, а от интеллектуальной мощности ученого-конструктора, которая, в отличие от физической мощности

² Разумеется, на стадии монополистического капитализма крупные корпорации, как правило, располагают собственными исследовательскими центрами, где эксплуатация интеллектуального труда ученых может присутствовать (отдельная тема для обсуждения).

индивида, ограниченный не имеет. Иной НИИ годами может «протирать штаны» над решением какой-нибудь задачи, которую гений-одиночка решит в одночасье. Такова, стало быть, его феноменальная интеллект-мощность. – Приравненная к интеллект-мощности целого института. Соответственно и массив интеллектуального труда гения в решении задачи сопоставим с массивом интеллект-труда НИИ. Стоимость в оценке абстрактных трудозатрат не ошибается.

Итак, на формирование стоимостных параметров в индустриальную эпоху растущее влияние оказывает интеллектуальный труд, состоящий в сумме из двух составляющих: интеллектуального труда ученого-изобретателя и интеллектуального труда оператора-технолога. В своей совокупности интеллект-труд, сокращая рабочее время, повышает производительность труда, снижая при этом стоимость единицы товара, но увеличивая валовую стоимость товарной массы за единицу времени. – В темпах, однако, нелинейного отставания от роста производительности труда. Таков порядок формирования величины стоимости (как единицы товара, так и товарной массы) интеллектуальным трудом обоих его компонентов как целого. А вот в формировании структуры стоимости – $c+v+m$ – роль интеллект-составляющих совершенно разная. Непосредственно структурный дрейф $c+v+m$ в сторону опережающего приращения прибавочной стоимости по отношению к издержкам $c+v$ продиктован эксплуатацией интеллектуального труда оперативного персонала: покупает капиталист РСФЛ работника – эксплуатирует его УЕРС-Труд. А вот интеллектуальный труд изобретателя капиталист не эксплуатирует: он всего лишь покупает готовый интеллект-продукт ученого, по стоимости (в цене) ничтожной с точки зрения издержек производства. Но... ведь тон (норму) эксплуатации оперативного работника задает именно ученый-конструктор. – В зависимости от гениальности изобретения... Какого коэффициента технической трансформации РСФЛ/УЕРС оборудование он изобрел для оператора-технолога. Чем более плодотворный интеллект-результат изобретателя, воплощенный в техразработке, – тем выше норма эксплуатации оперативного работника на внедренном оборудовании. Выше, соответственно, норма предпринимательской прибыли. – Источник прогрессирующего накопления капитала. – Залог расширенного воспроизводства в соответствующей накоплению прогрессии.

Кстати, если уж быть точным: самоцелью капиталистической эксплуатации является не само по себе «присвоение прибавочной стоимости», а именно «самовозрастание капитала» (его накопление) как залог экономического выживания капиталиста в неистовой конкурентной борьбе. И техническая модернизация производства играет здесь первостепенную роль.

Чем выше коэффициент технической трансформации РСФЛ/УЕРС машинного оборудования у капиталиста – тем выше норма эксплуатации наемного труда, выше норма прибыли, обильней источник накопления капитала и, соответственно, расширения производства... – лучшие шансы экономического выживания. Стало быть, лучшие для капиталиста шансы технического обновления производства более передовым оборудованием на новом витке промышленного цикла.

Выяснив причину гиперпродуктивности интеллектуального труда и влияние его на формирование стоимостных параметров, на алгоритм и темпы экономического роста, переходим к вопросу количественной оценки сложного интеллектуально-физического труда индустриальной эпохи. Физический труд, как известно, – труд осязаемый. И он поддается измерению, с помощью, скажем, таймера или же календаря. И для нас совершенно очевидно: масса физического труда в прямой пропорции и строго линейно один к одному к рабочему времени. А вот труд интеллектуальный – труд неосязаемый, и (пока) не поддается непосредственному измерению. Одно только ясно: интеллект-труд сокращает рабочее время в обратной пропорции и нелинейно. При этом массив физических трудозатрат ограничен в пределах единицы рабочего времени; массив интеллектуальных трудозатрат в пределах единицы рабочего времени неограничен. По мере научно-технического прогресса безгранично увеличивающийся массив интеллект-труда, вытесняя труд физический, сужает его объем до минимума близкого к «нулю»: физический труд оперативно-технологического персонала современных автоматизированных предприятий сводится к нажатию кнопок/клавишей на пульте управления или клавиатуре компьютера АСУП. А посему труд оперативных работников таких предприятий уже на сегодняшний день можно считать практически полностью интеллектуальным. С учетом работы вспомогательных служб, труд которых может содержать физическую компоненту труда, на данном этапе развития мы имеем дело со сложным интеллектуально-физическим трудом производителя продукта в лице предприятия. Где уменьшающаяся доля физического труда поддается расчетам в единицах рабочего времени; увеличивающаяся доля труда интеллектуального в единицах рабочего времени расчетам не поддается. Соответственно непосредственному расчету в единицах рабочего времени не поддается комбинированный интеллектуально-физический труд как таковой. А поскольку человечество еще не изобрело прибора для количественного измерения массива сложного труда, нам не остается ничего иного, как оценивать массу интеллектуально-физических трудозатрат через призму их овеществленного результата. Каким образом?... – Тут же возникает вопрос.

Ответ довольно прост. Коль поддающийся расчетам малопродуктивный физический труд есть осязаемый труд одной пары рабочих рук, а неподдающийся расчетам высокопродуктивный интеллектуально-физический труд есть неосязаемый труд условно множественного числа пар рабочих рук, то, зная овеществленный результат живого труда одной пары рук, с легкостью можно определить массу живого труда множественного числа условных пар рабочих рук по его овеществленному результату. – Методом редукции труда: вычисляя массу живого труда путем разложения овеществленного результата сложного труда на N-ное количество овеществлено-простых трудов. Или же, иными словами: соотнося овеществленный результат технически оснащенного труда к овеществленному результату труда ручного. Живой труд в нашем варианте строго уравнен с трудом овеществленным: каков объем труда овеществленного – таков массив труда живого. Обратимся к наглядному примеру из аграрного сектора экономики, находящегося на данный момент не на автоматизированном, а на механизированном с элементами автоматизации уровне развития.

За последнее столетие аграрный класс в США сократился с 29 млн. в 1900г. до 463 тыс. в 1999г.³ – В 60 раз! А население страны за это время выросло с 76 млн. до 281 млн. – Почти в 4 раза. Общий вал сельхозпродукции с учетом экспорта, следовательно, возрос как минимум в 4 раза. Получается: в конце XX века, чтобы накормить страну плюс дать что-то на экспорт, один вооруженный современной агротехникой фермер должен производить продукции столько, сколько в начале века ее (грубо) производило 250 фермеров ручного (с зачатками полумеханизированного на тот момент) производства. Иначе – никак. Вопрос: откуда столь громадный прирост овеществленного в сельхозпродукции труда при стремительном сокращении численности трудозанятых?.. Сельхозтехника «трудится»?.. – Абсурд! Ответ последовательного сторонника ТТС может быть только один: за счет прогрессирующего прироста массива интеллектуально-физических трудозатрат сокращающейся численности фермеров. И он, этот прирост, составляет 250 крат на агрария. – Благодаря трансформационным свойствам овеществленного в средствах производства интеллектуально-физического труда многомиллионной армии ученых, машиностроителей, нефтяников, химиков, селекционеров... Профессионально используя трансформационные свойства агротехнического оснащения и агрохимических средств, современный фермер в среднем орудует (условно) 250-ю парами рабочих рук. По овеществленному

---

³ Бузгалин А.В. Пределы капитала. Методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов. Режим доступа: <http://institutiones.com/general/1628-predely-kapitala-buzgalin-kolganov.html>.

результату труда сложный труд технически оснащенного работника в данном случае равен труду 250-ти работников простого ручного производства. В масштабах страны за последнее столетие, таким образом, суммарный массив живого фермерского труда в аграрном секторе не сократился в 60 раз – с 29 млн. до 463 тыс. живого труда РСФЛ, – а, напротив, увеличился в 4 раза до 120 млн. живого труда условных пар рабочих рук – живого УЕРС-Труда. – Вновь таки, по овеществленному результату труда.

Редукция труда через призму его овеществленного результата... Но, как уже было сказано, овеществленный труд в рыночной экономике представлен в двух ипостасях: продукта и товара. Продукт представляет собой овеществленный труд конкретный. Товар представляет собой овеществленный труд абстрактный. Следовательно, и редукция труда должна осуществляться как через призму конкретного труда, так и через призму труда абстрактного. И процедура редукции (при условии усредненного значения конкретного труда) в обоих случаях должна дать один и тот же результат. Ибо количественное содержание труда что в продукте, что в товаре, несмотря на «развилку» (снижение стоимости единицы товара в нелинейно-обратной пропорции к росту производительности труда; нелинейно-прогрессирующее расхождение в темпах прироста продуктовой массы с приростом массы стоимости), абсолютно одинаково. Результат редукции в обоих вариантах расчета должен дать один и тот же **коэффициент производительности труда (КПТ)**, показывающий, трудом скольких, условно, пар рабочих рук (или трудом условных единиц рабочей силы – УЕРС-Труда) был изготовлен продукт/товар (продуктово-товарная масса). – Ответ на вопрос о массе живого интеллектуально-физического труда. В вышеприведенном примере нами была произведена редукция через призму овеществленного труда конкретного в виде массы валового сельхозпродукта аграрной отрасли, и она дала результат КПТ фермера = 250 УЕРС, массив живого УЕРС-Труда отрасли = 120 миллионов. Простота определения массы валового продукта в данном случае заключается в количественно стабильном на душу населения потреблении сельхозпродукции: какова численность населения – такова масса потребляемого продукта (чего не скажешь о других отраслях). Если же мы прибегнем к редукции через призму овеществленного труда абстрактного – соотнеся валовую стоимость товарной массы (в сумме цен) аграрной отрасли к усредненной стоимости (в цене) произведенного ручным трудом сельхозтовара среднестатистическим фермером, – мы получим тот же самый результат: КПТ фермера 250 УЕРС и массив 120 млн. живого УЕРС-Труда на отрасль.

Не менее важной представляется редукция труда как по каждой отдельно взятой товарной группе, так и редукция труда через призму совокупного

общественного продукта экономики: какой КПП рабочей силы (индекс УЕРС) среднестатистического труженика в сфере материального производства, каков массив живого труда в экономике... – Соответственно, величина и структура стоимостных параметров. Здесь же и возможность вычисления единицы стоимости (проблематика, требующая, наконец, своего решения).⁴ В контексте наращивания массива живого труда в масштабах современного индустриального общества, нельзя обойти стороной очень важный социально-политический аспект ценности интеллектуального труда.

Борьба за выживание социума (общества, страны, государства) – это неустанная борьба за приращение-приумножение массы живого человеческого труда. Ибо, чем больший массив живого труда социума – тем жизнеспособней и богаче общество, страна, государство. Так было всегда и везде с самых давних времен. В доиндустриальную эпоху борьба за ресурс живого труда выливалась в территориальную экспансию: захват земель с максимально большим числом верноподданных (а где их не доставало, применялись методы принудительной миграции рабсилы). Ибо в те времена массив живого труда наращивался исключительно за счет пополнения количества физических лиц и простым их суммированием: сколько человеческих душ – таков массив живого физического труда. С наступлением же индустриальной эпохи борьба социума за трудовой ресурс путем увеличения одной лишь численности трудоспособного населения начинает утрачивать свое былое значение. На первое место выходит человеческий интеллект, дающий куда более массивированный прирост живого труда. Ценность количественного показателя рабочей силы уступает место ее качеству: интеллектуальная компонента живого труда вытесняет компоненту труда физического. А это гораздо более высокая производительность труда. Соответственно, для государства теряет смысл борьба за численность трудоспособного населения путем территориальных приобретений. – В силу своей нерентабельности. Куда более эффективно заполучить прирост массы живого труда за счет повышения интеллектуального потенциала трудоспособных. Борьба за территорию, в результате, сменяется борьбой за человеческие мозги. – За более высокий КПП рабочей силы = индекс УЕРС. – Гораздо более масштабный прирост массы живого труда – равно совокупного продукта и стоимости.

Массив живого труда – наибольшее богатство общества, страны, государства. – Источник благосостояния. А поскольку на современном этапе научно-технического прогресса трудовой потенциал формируется за счет человеческого интеллекта, приоритетными для современного государства

---

⁴ Тема следующей авторской статьи «От простого труда к сложному: редукция труда как метод вычисления стоимости».

являются капиталовложения в науку и образование... Факты?.. – Пожалуйста. «Инвестиции в человеческий капитал» характеризуются наиболее высокой степенью рентабельности сравнительно с любыми иными формами капиталовложений. Если мировой ВВП во второй половине 90-х гг. составлял, ориентировочно, 25-30 трлн. долл. в год, то «инвестиции в человеческий капитал» – порядка 20 трлн. долл. в год (при этом доля развитых стран во втором показателе выше, чем в первом)».⁵ Нарращивание массива живого труда от инвестиций в науку и образование собственной страны куда более рентабельно, нежели от покорения чужих народов в порядке территориальной экспансии ценой снаряжения экспедиционных корпусов и содержания колониальных администраций.

«Империализм», таким образом, никуда не исчез, он всего лишь переключался из сферы территориальной экспансии во вне в сферу экспансии интеллектуальной во внутрь. – В погоне за массивом живого труда. Переориентировавшись из живого РСФЛ-Труда на живой УЕРС-Труд, общество получает куда более продуктивный результат. Овеществленный в материальных благах массив живого труда на современном этапе является производным реализованного на практике интеллекта. Стоит ли удивляться, что: «Стратегически важным аспектом социальной политики развитых стран является расширение инвестиций в «человеческий капитал». Известно, например, что в США увеличение, в среднем, продолжительности образования на один год приводит к росту ВВП на 5-15%... Доля лиц с высшим образованием среди трудоспособного населения Соединенных Штатов выросла с 25,9% в 1970г. до 56,1% в 1995г. и до 60% в 2007г., причём в абсолютном выражении количество высокообразованных людей возросло в пять раз. По специальностям чисто умственного труда в середине 80-х годов в этой стране работало около 24 млн. человек, в середине 90-х – более 35 млн., в настоящее время – около 50 млн. человек. Следует иметь в виду, что в Австрии, Канаде, Швеции, Японии и целом ряде других стран образовательный уровень населения является ещё более высоким. Рост затрат на образование в последние десятилетия происходит в развитых странах не менее чем с двукратным опережением сравнительно с темпами роста валового продукта».⁶ Вот откуда прогресс передовых стран современности и их процветание. Хороший, казалось бы, пример для подражания. Однако... Инстинкт территориальной экспансии и по сей день, к сожалению, не изжит из нашей действительности ввиду

⁵ Елецкий Н.Д. Общая экономическая теория (политическая экономия). Учебное пособие для экономических вузов и специальностей / Н.Д. Елецкий. - Ростов-н/Д, 2008. Режим доступа: <http://eletskiy.narod.ru/1/16.doc>.

⁶ Там же.

живучести до конца не искорененной гидры дважды мутированного пережитка дикого средневековья – современного авторитаризма.⁷

Итак (резюмируем): **секрет гиперпродуктивности интеллектуального труда заключается в способности человеческого интеллекта создавать технический «множитель» трудоотдачи и использовать его в производственном процессе** («множитель» – условно, для простоты понимания, ибо на самом деле это трансформатор трудоотдачи). В результате интеллектуальный труд индивида (интеллектуальный РСФЛ-Труд), трансформируясь на машинном оборудовании во множественный труд условных единиц рабочей силы (множественный УЕРС-Труд), производит соответствующий трудовозатратам овеществленный результат. Овеществленного в продукте/товаре (продуктово-товарной массе) труда ровно столько, сколько живого интеллектуального (+остаточно-физического) труда, технически трансформированного в живой труд условных единиц рабочей силы, вложено в его/ее производство. Увеличился массив интеллектуальных (с учетом остаточно-физических) трудовозатрат на столько-то единиц живого УЕРС-Труда – на столько же, соответственно, единиц овеществленного УЕРС-Труда усложнился (качественно улучшился) продукт/товар или же возрос объем продуктово-товарной массы. – В строгой пропорции один к одному. И эта тенденция в реальности прогрессирующая. Нелинейно-прогрессирующий рост гиперпродуктивности интеллектуального труда продиктован кумулятивным процессом «интеллект-труд × знания × интеллект-труд × знания...» научной работы ученых-изобретателей. На почве нелинейно-возрастающей гиперпродуктивности интеллект-труда происходит прогрессирующее накопление капитала (капитализация во все больших долях прибавочной стоимости) за счет роста нормы прибыли – $m/c+v$ – от эксплуатации растущего интеллект-потенциала оперативных работников промышленных предприятий частным бизнесом. Покупая РСФЛ опер-работников, предприниматели на машинном оборудовании эксплуатируют множественный УЕРС-Труд этих

⁷ Трагедия современной цивилизации в том, что в основе нарушен естественный ход общественно-исторического развития, а именно, – его формационная эволюция. Несовместимость пережитков феодально-монархической надстройки с базисом капиталистических производственных отношений конца XIX – начала XX века, побудившая территориальный передел мира, привела к трагедии Первой мировой войны... По ее итогам архаизм средневекового абсолютизма непредвиденно (ввиду волюнтаристского вмешательства в ход событий В.И. Ленина, сорвавшего процесс революционного очищения формационной эволюции от авторитарного анахронизма) мутировал в абсолютизм второго, идейно-корпоративного (партийного) поколения авторитаризма – большевизм и, как ответно-защитную реакцию на таковой, – фашизм. И вновь территориальный передел мира. Результат – Вторая мировая война... Нынче мы являемся свидетелями того, как на руинах псевдокоммунистического эксперимента произошло мутированное чудовище третьего, еще более одиозного поколения авторитаризма – мафиозно-кланового. Эстафету внешнетерриториальной экспансии средневекового монархо-авторитаризма, партийно-тоталитарных «Союза СС Республик» и «Третьего Рейха» на сегодняшний день рьяно перенимает мафиозно-авторитаристский мутант «Русского Мира». – Неужто вновь мировая война?!.. – Третья на этот раз!.. (См. «ЦЕНА АНАХРОНИЗМА». «К ИСТОКАМ БЕЗУМИЯ», «АВТОРИТАРИЗМ – мутированный пережиток дикого средневековья». Режим доступа: <http://izlom.cc.ua>).

работников. – Источник растущей нормы прибыли и, соответственно, накопления капитала. Отсюда прогрессирующе бурный экономический рост со времен промышленного переворота. – Первопричинно благодаря человеческому интеллекту.

Раскрыв «тайну» производственной гиперпродуктивности интеллектуального труда, мы уравниваем живой труд с трудом овеществленным в индустриальную эпоху, в т.ч. на этапе всеобщей автоматизации производства, получив при этом ответ на волнующий нас вопрос: как и почему при сокращении численности трудозанятой рабочей силы в век научно-технического прогресса имеет место стремительный прирост массы производимого продукта и, соответственно, стоимости. А это есть **основополагающий вопрос Трудовой теории стоимости – вопрос обоснования величины стоимости с точки зрения трудозатрат – вопрос органического сопряжения СТОИМОСТИ с ТРУДОМ.** Теория трудовой стоимости на то и трудовая, чтобы объяснять формирование стоимостных величин с точки зрения трудовых затрат.